

Крыжовенное варенье

Наталья Тюнина

Наталья Тюнина

Крыжовенное варенье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70378822

SelfPub; 2024

Аннотация

В декабре 1825 года Александр Пушкин оказался на Сенатской площади и был выслан в Сибирь. В Томске Саша сдружился с другим ссыльным – Митей Гончаровым. По приглашению брата в 1830 году приезжает Наташа Гончарова, контрабандой привозит друзьям запрещённые на тот момент в Томске шахматы и крыжовенное варенье и покоряет сердце поэта. Книга является второй частью дилогии "Эуштинская осень".

Содержание

Глава 1. Натали и Митуш	4
Глава 2. Неисповедимые пути	32
Глава 3. В омуте	57
Глава 4. Высочайшее внимание	84
Глава 5. Ступени к Солнцу	109
Глава 6. Новый мир	142
Глава 7. Чёрная речка	170
Глава 8. Торжество жизни	201
Глава 9. Шаг за шагом	233
Глава 10. Вкус счастья	259
Эпилог	295

Наталья Тюнина

Крыжовенное варенье

Глава 1. Натали и Митуш

«При въезде на Арбатскую площадь огромное пространство

звездного темного неба открылось глазам Пьера.

Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром,

окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле,

белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года,

та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света.

Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом

не возбуждала никакого страшного чувства».

(Л. Н. Толстой «Война и мир»)

– Таша! Ташенька! – голос деда прорезал вечерний дрожащий воздух. Августовские вечера были ещё тёплыми, и На-

тали до сумерек засиживалась в беседке с книжкой. – Пойдём, в шахматы сыграем, да и ужинать накрывают. – Афанасий Николаевич ласково растрепал короткие волосы подбравшей девочки.

В окнах парадного этажа уже горел свет, и через плотные шторы были видны редкие силуэты людей. Сегодня дом ещё полупустой: основная часть гостей на именины Натальи наедет завтра к обеду. Приедут мать с отцом, братья с сёстрами, и даже Митинька, несмотря на уроки, обещался быть. Наташа послушно прижалась к деду и поднялась с ним в комнаты.

Дом Афанасия Николаевича поражал роскошью всех, кто приезжал в имение. В московском доме Гончаровых, Наташа видела это зимой, когда мать забирала её на праздники, царил затянувшийся ремонт – многие комнаты были заставлены упакованными вещами, мебель закрыта чехлами от пыли. У деда было гораздо уютнее и просторнее, но нрав матери, Натальи Ивановны, отличался суровостью, перечить ей казалось невозможным, так что Таше придётся скоро вернуться в родительский дом. Мать почему-то решила, что тех книг, что Наташа запоем читала в дедовой библиотеке, недостаточно для её образования, и обязательно нужны заграничные учителя, раз девочке уже исполняется шесть лет. Поэтому она хотела забрать дочь в Москву. Хотя Таша училась и в деревне – здесь с ней была её любимая англичанка мисс Томсон, а русской словесностью с ней занимался дед. Не предстоящие уроки страшили Наташу – гораздо больше она переживала,

позволит ли маминька выезжать верхом. Только этим летом Афанасий Николаевич подарил ей каурого Пегаса, до того Таша каталась на смирном пони Ветерке, которого водил в поводу грум, а мисс Томсон забавно бежала следом, беспокоясь о сохранности воспитанницы. Теперь же девочке дозволялось ездить самой, и она каждое утро тренировалась в аллюрах под присмотром бдительного берейтора. Затем следовали занятия языками, чтение, музыка, а после обеда можно было сбежать к дворовым девочкам – Танюше и Параше. Они знали столько игр с пением и прибаутками, что Натали диву давалась. Жаль, что завтра нельзя будет их пригласить в дом, чтобы играть вместе с Александриной и Екатериной. Маменька не любила, когда дети сближались с простым людом.

Утро было ярким и праздничным. Наташа проснулась в своих покоях, вспомнила, какой сегодня день, и обрадовалась. Подбежав к высокому окну, она подтянулась, залезла на подоконник и выпрямилась во весь рост, вцепившись в переплёт. За зеленью деревьев блестела извилистая речка со странноватым названием Суходрев («Почему Сухо? Почему Древ? Это же МокроРек!» – удивлялась маленькая Таша). Полевых цветов на ровно скошенных газонах уже не было, зато на клумбах тут и там атели розы и георгины. Через стекло девочка слышала, как весело перелаиваются собаки на псарне, и ей захотелось с ними поздороваться. Наташа

спрыгнула на пол прямо в руки подоспевшей мисс Томсон, чуть не уронив бедную англичанку.

– Good morning, miss Tomson! – воскликнула девочка. Русским гувернантка владела плохо, поэтому они всегда разговаривали по-английски.

– Доброе утро, милое дитя! С именинами! От всей души желаю тебе много радостных дней!

– Спасибо, милая мисс Томсон, – порывисто обняла её Натали и выбежала из комнаты.

На псарне Наташа чувствовала себя как дома. Псари и корытничьи знали и любили маленькую барышню. Девочка часто прибегала туда. Трепля за ушами датских легавых, английских борзых и французских гончих, Наташа весело отвечала на русские приветствия и поздравления людей и даже не заметила подошедшего деда.

– А, вот ты где, моя хорошая! Так и думал тебя здесь найти. Поздравляю, внученька! Подарок я тебе приготовил, в комнатах ждёт.

– Благодарю тебя, дединька! – обернулась Наташа и кинулась в объятия. – Я сразу посмотрю, только вот загляну к Пегасу, а то он же ещё не выезжен сегодня!

Афанасий Николаевич лишь усмехнулся, он привык к тому, что внучка часто предпочитала людям животных, особенно лошадей и собак. И подарок он заказал из Англии под стать Натали – чудесную фарфоровую куколку в костюме для верховой езды и, самое главное, с отлитой из олова и искус-

но расписанной лошадкой каурой масти. Кукла была так похожа на самую именинницу, что Афанасий Николаевич даже пожалел мимолётно, что нельзя её оставить в имении вместо портрета девочки.

До конюшен они дошли вместе. Наташа не шла – летела, так ей хотелось всё успеть скорее. Пегас был уже вычищен и накормлен, поэтому девочке не составило труда уговорить деда разрешить ей проехать на нём «вот самую чуточку».

Грум вывел молодого коня из ворот и подставил барышне предплечье. Маленькая Наташа лихо взобралась в седло. Держалась она как амазонка, несмотря на недолгий пока опыт езды верхом на настоящей лошади. Афанасий Николаевич дал груму увести её по аллее, а сам пошёл в дом, готовиться к приезду сына с остальным семейством. По слухам, доходившим из Москвы, Николай был всё ещё болен, и болезнь его прогрессировала – следовало дополнительно наказать прислуге по части подачи спиртного, чтобы сын не испортил праздника любимой Ташеньке. И дед решительно собирался дать отпор невестке и не позволить увезти внучку в городской дом, по крайней мере, до зимы.

Гончаровы приехали на двух каретах, всего с одной гувернанткой, зато со всеми детьми, и сразу заполнили собой усадьбу. Дворовые и прислуга засуетились под строгим взглядом Натальи Ивановны, создавая почти городское оживление. Таша выскочила из высоких дверей комнаты навстречу матери. Та не дала себя обнять, но поздравила и по-

трепала дочь по щеке.

– Мaman, посмотрите, что мне дединька подарил! – Девочка принесла из кресла и показала куклу и лошадку.

– Незачем так баловать ребёнка, Афанасий Николаевич, – обратилась мать к свёкру, без интереса глянув на игрушки. – Деньги тратите на пустяки.

– Моё дело, куда тратить, – оборвал дед. – Именины ведь, jour de помпе. И тебя, Натальюшка, с праздником, и для тебя приготовлено, – он взял с комода какой-то воздушный свёрток и вручил невестке.

Наталья Ивановна развернула подарок и с удовольствием отметила:

– Шаль, как невесте! Надо же! Благодарствую, уважаемый Афанасий Николаевич!

Ажурное полотно приятного голубого цвета легло на плечи, подчёркивая красоту ещё молодой женщины. Зеркала отражали её, как в бальной зале. Таша восхитилась матерью. Она тоже приготовила в подарок вышитый платок с инициалами, но куда ей было тягаться с дедом. Наташа робко протянула платок. Наталья Ивановна улыбнулась и похвалила дочь.

Отец презентовал Таше кулёк сладостей, а Митя, «от всей семьи», – басни Лафонтена. Хоть Наташа и любила читать, но отложила книжку, чтобы накинуться с расспросами на старшего брата.

Домой, в Москву, она, конечно, не хотела. Но по семье

скупчала, и ей было интересно знать все подробности их жизни: как зовут новую гувернантку, какие учителя приезжают к Дмитрию и Ивану, и как получается у Александрины играть на фортепиано.

– Приедешь домой – всё сама услышишь и увидишь, – рассудительно отмахнулся Митя. Брату в мае исполнилось десять лет, и девчачья трескотня была ему уже неинтересна, потому он обратился к Афанасию Николаевичу:

– Дедушка, можно мы с Ваней к Августу ходим, поздравляемся? Он нам лошадей новых покажет.

Дед улыбнулся и разрешил.

Наташа терпеть не могла противного дядьку Августа, которому дедина уделал внимания больше, чем даже ей. Она сама могла показать лошадей и рассказать о них ещё и поболее Августа. Но перечить старшим не стала, а, слегка обидевшись, ушла в свою комнату играть с маленьким Серёженькой, который за полгода так вырос, что и не узнать. Оттуда девочка не слышала разговоров взрослых и не знала, что дед ещё до праздничного ужина выторговал у матери разрешение оставить любимую внучку у себя до Рождества.

Таша очень хотела отпраздновать Рождество у деда, в Полотняном Заводе, но мать строго велела привезти её к праздникам в Москву. К счастью, снег в этом году лёг рано, поэтому к концу декабря Таша уже накаталась с горок и наигралась в снежки с подружками. Девочка сама сложила свои

любимые игрушки и кукол в сундуки и отправилась в путешествие. Не одна, конечно. В крытых санях устроились также англичанка и горничная. Наташу укутали в шубку и две пуховые шали, обули в расшитые валенки, руки спрятали в муфту, но несмотря на это, всю долгую дорогу девочка немного мёрзла.

Родительский дом на Большой Никитской было не узнать. К старому, свежевыкрашенному строению было пристроено ещё одно, на каменном фундаменте и с большими окнами на улицу.

Лошади остановились, сильные руки подхватили Наташу и отнесли прямо в гостиную к матери. Та сдержанно поцеловала её и поставила на пол.

– Как разодета! Это преступление – приучать ребёнка к неслыханной роскоши! – сказала она недовольно, оглядывая соболью шубку дочери. – А это что за сундуки? Несите их на место, для Натальи Николаевны приготовлена комната. Что там?

– There are some toys into the boxes, – ответила мисс Томсон.

– Немного? – фыркнула Наталья Ивановна. – Это возмутительно. Тебе некогда будет играть, душа моя, – обратилась она к дочери. – Нужно будет учиться. Все благородные девушки должны получать хорошее образование, чтобы занять положение в обществе. И Екатерина, и Александрина радуют меня и Господа нашего своими успехами в учёбе. Буду

молиться, чтобы и ты, Натали, была так же послушна, как твои старшие сёстры.

– Конечно, маминька, я постараюсь, – опешившая Таша даже забыла, что в родительской семье было принято говорить по-французски.

Наталья Ивановна скривилась и, наклонившись, сама сняла с дочери платки и шубку. Уходя с няней в свою комнату, Наташа не знала, что больше ей не носить подаренных бабушкой нарядов. Зато через несколько дней у сестёр появились собольи муфточки и палантины.

Игрушки в первые недели действительно было некогда даже достать из сундуков. Мать нашла дочери новые занятия, стремясь нагнать упущенное в Полотняном Заводе время. Хотя сама Таша дни и месяцы, проведённые у деда, отнюдь не считала потерянными. Напротив, часто, скучая за уроками немецкого языка, которого не любила, вспоминала свою привольную жизнь в дедовом имении, своих Пегаса и Ветерка, Парашу и Танюшу, и дуновение приключений тоской отзывалось в сердце. Натали начала писать стихи, сперва тайком от всех, потом осторожно показала свои строки сначала Серёже – он был в восторге, потом – Мите. Дмитрий, как старший и серьёзный брат, критически разобрал Наташины вирши, но в целом одобрил. В семье Гончаровых вообще уважали поэзию, следили за творчеством модных петербургских и московских писателей, покупали книги, не считаясь с расходами. Но, конечно, девичье неловкое стихосложение

было просто упражнением в словесности, хотя и весьма приличным, о чём Митя и заявил Наташе, жаждущей одобрения и ловящей каждое его слово.

Это лето они проводили в Москве, последнее Митино лето в семье – осенью брат должен был переехать в Московский университетский благородный пансион на долгие шесть лет. Натали отчаянно ему завидовала и заранее скучала. Но мальчикам нельзя было ограничиваться домашним образованием.

– Государева служба – это вам не мужа очаровывать, тут танцами и музицированием не обойдёшься, – заявила Наталья Ивановна девочкам. – Помолитесь лучше за вашего брата Дмитрия, чтобы окончил университет с отличием, на него вся надежда. Он – наша опора.

– А как же папинька? – робко спросила Наташа.

– Фу, какая ты недалёкая, и память у тебя девичья, – выругалась в сердцах по-русски мать. – Мало он вас гоняет? – но тут же взяла себя в руки. – Отец ваш, Николай Афанасьевич, болен, а дед стар и недалёковиден.

Николай Афанасьевич «по состоянию здоровья», как говорили вслух, с недавнего времени жил во флигеле, и Таша видела отца только изредка, когда он заходил к ней в детскую. Девочка любила его несмотря ни на что – тем более что стараниями матери дети теперь были ограждены от выходов нетрезвого отца. Родитель появлялся, когда оказывался в настроении поиграть с младшими или проверить уроки

у старших. Особенно радовала его Наташа – воспитанная дедом, она напоминала Николаю самого себя во времена счастливой юности. Именно он настоял, чтобы Наталья Ивановна разрешила Таше продолжить занятия верховой ездой, когда дочь затосковала по Полотняному Заводу.

...В тот день Наташа, наконец, добралась до своих сундуков. Она, как прежде, разложила игрушки по полу, нашла любимую оловянную лошадку Лиску и её фарфоровую хозяйку Мари и устроила им настоящий выезд, с путешествием в страну Покрывалию. Примостившийся на уголке кровати отец с улыбкой наблюдал за переправой через реку Половицу и восхождением на Венскую гору. Игра была в самом разгаре, когда в комнату размашистым шагом вошла Наталья Ивановна.

– Всё в куклы играете? – неодобрительно сказала она. – Там стряпчий пришёл, по делу об имении, ему нужна ваша подпись, Николай Афанасьевич.

Отец неохотно поднялся и, виновато улыбнувшись Наташе, вышел. Мать взяла со стула Мари.

– Какой у неё наряд! У меня такого нет.

– Это для верховой езды, маминька, – пояснила Таша.

– Да уж вижу! А ты встань, когда с матерью разговариваешь! Ишь, расселась на полу, юбки мнёшь.

Наташа покорно встала и протянула руку за Мари. Но Наталья Ивановна убрала куклу за спину.

– Зачем она тебе? Лучше б делом занялась! Sprichst du Deutsch?

– Отдайте, маминька! Я сделала все уроки! – Таша попробовала дотянуться до куклы, но мать разгневалась и оттолкнула её.

– Библию читай, коли заняться нечем! Совсем у деда от рук отбилась! – воскликнула Наталья Ивановна. – Напрасно я ему потворствовала, надо было раньше тебя забрать от этого безделья и мотовства. Тебе нужно жёсткое, богобоязненное воспитание. А ты даже молитв никаких не знаешь!

– Почему же, маминька, знаю, – возразила Наташа, почти плача. – Мадам Бабетта меня учила: «Pater noster, qui es in caelis...»

– Бабетта католичка! И потаскуха! – рассвирепела мать. – А ты за ней повторяешь! Это дед её привечает, а в моём доме чтоб имени её я не слышала! – в сердцах она развернулась к дверям, увидела вдруг куклу в своей руке, посмотрела на неё долгим яростным взглядом и швырнула бедняжку Мари прямо об стену. Голова куклы с глухим стуком раскололась. Наташа вскрикнула и зарыдала. Наталья Ивановна бессильно всплеснула руками и стремительно вышла, шумно шурша юбками.

Таша ещё оплакивала безвинно пострадавшую Мари, когда в комнату вернулся отец. Он опустился на пол рядом с дочерью и обнял её.

– Папа, за что её так? – всхлипывая, пожаловалась Ната-

ша. – Лучше б я у дединыки жила всегда! Здесь мне душно, тесно! «Так не смотри, это не говори!» – Она подняла с пола уцелевшую лошадку. – Только ты у меня теперь осталась! – сказала ей девочка. – К настоящим лошадям меня здесь не подпускают, а Пегас там, в Заводе, один... – и снова залилась слезами.

Николай Афанасьевич ничего не ответил дочери, но через месяц всем трём девочкам из Полотняного Завода выписали верховых лошадей и берейтора Трофима для обучения и этому искусству тоже.

В конце августа родные проводили Митиньку в Московский университетский благородный пансион. Наташа даже расплакалась, глядя в окно на коляску, увозившую брата. В пансионе Дмитрий действительно учился хорошо и исправно писал об этом матери. Сёстрам тоже часто приходили весточки от брата, каждой из трёх отдельные. Катерине Митя писал больше об учёбе, об учителях, строил планы на блестящее будущее. Саше – о новой университетской форме, о театральных постановках и литературных вечерах. А Таше доставались описания его шалостей и увлечений. Дмитрий был человек, конечно, серьёзный, но в силу возраста и он умел созорничать. Таша пересказывала его письма Серёже, и они вместе смеялись и радовались за брата. В университетском пансионе литературе и театру уделялось много внимания. Митя хоть и не обладал писательским талантом, но

вкус к поэзии имел и с восторгами писал сестре о занятиях у профессора красноречия Мерзлякова. Алексей Фёдорович с чувством декламировал воспитанникам стихи и прозу, поощрял споры и критические разборы произведений, но сам предпочитал в поэзии «гражданственность и героизм».

«Вот послушай, – писал Митя Наташе, —

"Сижу за решёткой в темнице сырой,

Вскормлённый в неволе орёл молодой.

Мой грустный товарищ, махая крылом,

Кровавую пищу клюёт под окном..."

И дальше:

"Мы вольные птицы, пора, брат, пора..."

Пора, сестра, пора! Приеду домой на каникулы, расскажу, какие тут ведутся разговоры, что-то будет, Таша. А Пушкин хороший поэт, почитайте его стихи, Алексей Фёдорович хоть и критикует его за излишний романтизм, а мне, ей-богу, нравится!»

«Подружился с братьями Борозднами, – писал Дмитрий в другой раз. – Отличные ребята Иван и Николай, оба учатся со мной на одном курсе, и живём мы в соседних комнатах. Ивану, правда, уже пятнадцать, зато Никола – мой ровесник. Они везде ходят вдвоём и иногда берут с собой меня, даже к третьекурсникам, с которыми дружен Иван. Братья тоже не уезжают домой на воскресенье, поэтому в эти дни у нас особое веселье. Ты обзавидуешься, милая Таша, и прости, что я тебе это пишу. Буду дома на Рождество, расскажи об

этом Серёженьке, пусть не скучает».

Хоть Дмитрий и обещал сестре подробных рассказов, но на праздниках было не до того, и душевные разговоры отложились до лета, а летом Ташу с сёстрами увезли к деду в Полотняный Завод, Митя же остался заниматься с репетиторами и гувернёрами в Москве.

Митины письма из Пансиона с каждым разом становились всё более сдержанными – ведь о чём может писать взрослеющий муж двенадцати-четырнадцати лет своей малолетней восьмилетней или чуть старше сестре? Наташа же в письмах всегда подробно и с чувством рассказывала брату о домашних происшествиях: как кошка Муська родила пятерых котят, а Дарья Лукинична, прибираясь в гостиной, едва не смахнула их веником; как гувернантка Нина купила новый зонтик и чуть не улетела на нём в ветреную погоду; как Катерине подарили новую молодую лошадь – Любушку, и теперь Таше приходится держать Пегаса от неё подальше на прогулках. Дмитрий снисходительно принимал всё это, не обижая сестру.

В пансионе Митя через свою дружбу с Иваном Бороздной сблизился со старшекурсниками и всё свободное от учёбы время проводил в компании Володи Одоевского и Эраста Перцова. Мать, да и отец, назвали бы эту компанию сомнительной, несмотря на древность Володиного рода, если бы знали, что Одоевский пренебрегает своим княжеским титулом и превозносит идеи равенства и братства. Но Митя, ко-

нечно, не писал об этом матери, поэтому та была довольна дружбой сына с юным князем.

Когда Владимир выпускался из Университета, Митя оканчивал четвёртый курс.

– Митуш, послушай, что я тебе скажу, – Володин заговорщицкий тон заставил Дмитрия обратиться во слух. Они сидели на широком подоконнике в конце коридора общежития, вокруг никого не было – в свободное от занятий время большинство студентов гуляли во дворе, тем более что солнце било в окно и припекало спины совсем по-летнему. – Будешь приходить ко мне? Я хочу, чтобы наше общество не только не распалось, но и наоборот, стало прирастать! Мой брат Александр всегда говорит: «Мы все равны перед Богом, и мы должны быть вместе!» Только так мы сможем добиться восстановления в правах Человека, который, если верить нашему профессору Павлову, является высшей целью природы.

Митя, которому на днях исполнилось только пятнадцать лет, был польщён таким доверием и, конечно же, горячо обещал Владимиру посещать его. Если б он знал тогда, к чему приведёт столь опасное знакомство!

«Общество любомудрия», как называл свои приёмы Одовский, собиралось у него на квартире в Газетном переулке. Вернее, квартира была дядина, и Володя занимал всего одну комнату, поэтому там становилось тесновато, когда приходило много народу. Встречались тайно, был даже свой

устав и пункт в нём: «Никому не рассказывать об Обществе Любомудрия». Собрания заговорщиков сначала походили на интеллектуальные гостиные, молодые люди обсуждали литературу, труды зарубежных философов, особенно немецких «любомудров», но постепенно становилось всё больше речей о положении России в мире, о том, что цивилизованные страны уже пришли к идеям равенства всех людей, что Греция охвачена восстаниями, а во Франции, страшно сказать, давно произошла революция, и даже какое-то время была республика, правда, потом Бурбоны вернули своё, да и в Испании с Италией восторжествовала монархия, но это же наверняка временно, ведь люди уже почувствовали вкус свободы. На самом деле, Митуш был одним из самых юных членов Общества. В основном Одоевского посещали его сослуживцы из Московского Архива Коллегии Иностранных Дел, на пять-семь лет старше Мити, поэтому Гончаров чувствовал себя не всегда уютно, хотя любил приходить в большой пятиэтажный дом с арками и, сидя в дальнем кресле, слушать, как горячо спорят и рассуждают умные люди. Дмитрий и сам имел целью поступить в Архив после окончания университета и упорно налегал на языки и законоведение, но и история философии ему нравилась. Благодаря Обществу он уже несколько раз блистал на семинарах знанием Канта и Шеллинга, а получать высшие баллы Мите было всегда приятно. Да и завести полезные знакомства с будущими коллегами казалось ему правильной стратегией.

В один холодный и сырой октябрьский день 1823 года в дом по Газетному переулку, 3 в разгар встречи Общества пришёл худой, высокий, сутулый человек. Владимир очень обрадовался визиту.

– Знакомьтесь! Вильгельм Карлович, очень известный литератор, автор нашумевших в Париже лекций по русской словесности, – представил он гостя. – Мы с Вильгельмом Карловичем хотели бы распространять наши идеи, чтобы у них появилось больше последователей. Нам нужны люди! Как вы к этому относитесь, друзья?

Любомудры загалдели. Мите, задремавшему было на минутку в своём кресле, даже показалось, что он находится не у Володи, а в коридоре Университетского пансиона в разгар большой перемены. Мнения разделились. Многие считали, что это слишком опасно. Но некоторые встретили предложение с большим энтузиазмом.

– Что вы! – успокаивал собравшихся тихим голосом чуть заикающийся Вильгельм Карлович. – Мы планируем всего лишь литературный журнал, никакой революционной пропаганды: оды, элегии, хотя, конечно, и философия, и военная история будут освещены, – поправился он в ответ на возмущённый взгляд Одоевского.

– И всё-таки я считаю, – разгорячённый Владимир явно продолжал давний спор, – что прежде всего мы должны распространять новые мысли, блеснувшие в Германии; обратить внимание русских читателей на предметы в России ма-

ло известные, по крайней мере, заставить говорить о них!

– Да-да, конечно, – согласился Вильгельм Карлович. – Но подача должна быть исключительно светская, литературная, никаких призывов и агитаций мы печатать не станем. Если кто-то хочет предоставить свои философские труды или предложить посильную помощь – буду только рад. Думаю, выпуск журнала начнём со следующего года, прямо с января, поэтому материал уже набираем.

Сразу появились желающие, общество оживилось, и началось горячее обсуждение издательских вопросов, прерываемое только бульканием вина и подачей закусок. Митя мимоходом попрощался с хозяином и вышел. Его несколько угнетало то, что, несмотря на гуманитарную направленность Университета, он всё-таки оставался далёк от литературной деятельности и чувствовал свою некоторую ущербность. Мелкий морозящий дождик обволакивал его лицо и каплями стекал с козырька фуражки. Очень захотелось домой – к матери, братьям и сёстрам. Старшекурсников легко отпускали в город в выходные дни, но Митя редко пользовался этой возможностью для визитов к родственникам, гораздо чаще – для посиделок у Одоевского или просто прогулок с друзьями. А сейчас время было уже позднее, Гончаровы ложились рано, мать строго следила за этим – вечерняя молитва и отбой сразу после ужина. Младшие уж точно в своих постелях. Повздыхав, Дмитрий повернул на Тверскую, в сторону пансиона.

В следующий назначенный для сбора общества день Митя нарочно пришёл раньше. Володя встретил его радушно.

– Ты чего так неожиданно ушёл в прошлый раз? Мы ещё долго сидели, разговаривали. Я тебя хотел с Вильгельмом Карловичем поближе познакомиться.

– Слушай, Владимир, – слегка волнуясь, спросил Дмитрий, – ответь мне честно. Я вот не умею сочинять, даже мои эссе на занятиях оценивают высоко лишь потому, что я в библиотеке чуть не ночую, читаю умных людей и соединяю их мысли в одно целое, как будто бы мои собственные. А вы теперь только о журнале будете говорить, как бишь его?

– «Мнемозина».

– Да. А я ведь не бельмеса в этих делах. Могу вас послушать и похвалить, другого мне не дано. Даже сестра моя, соплюха, та стихи хотя бы пишет. Лишний я тут.

– Митуш, не мели чепухи. Всё же останься как друг. Очень хочу тебя представить. Литература – литературой, а дело правое забывать нельзя. Вот, например, у вас в имении кто управляющий?

Дмитрий неожиданно смутился.

– Август Иванович же. Дедов байстриук.

– А, дело семейное! – понимающе ухмыльнулся Одоевский. – И как он к людям относится? Сечёт?

– Нет, он не лезет в это. Европейское воспитание, он же немец. Говорит, телесные наказания – это «emotionen», нерациональное, а значит, недостойное в его понимании. Вот

мать – та может сгоряча. Но она, надо сказать, и дворянину собственноручно приложить не стесняется, – понизив голос, добавил Митя, произвольно потерев щёку.

– Вот! – торжественно воскликнул Владимир. – Цивилизованный человек не видит разницы между крепостным и свободным человеком!

Митя не вполне понял, кого тот имел в виду – Августа или мать, но на всякий случай согласно покивал.

– Цивилизованный мир стремится к освобождению человека от рабства, это я тебе как товарищ говорю, но даже наше общество философов пока не готово вслух признать это. Боятся! – увлечённо продолжал Одоевский. – А я вот намерен видел кузена, Сашу! Они с Кюхельбекером, Вильгельмом Карловичем, друзья, оказывается. Так вот они оба говорят, что, – Владимир перешёл на шёпот, – есть и другие, более тайные, организации. Чтобы сделаться России республикой, нужны решительные действия. Сашка хочет в этом участвовать, храбрец! Но это всё в Петербурге, конечно – столичные заговоры. У нас, в Москве, всё тихо. Одна сплошная литература, – обыденным тоном заключил он.

Когда снова пришёл Кюхельбекер, Володя отрекомендовал Митю как Дмитрия Николаевича Гончарова, своего друга и очень умного, подающего надежды, студента Московского Университета. Митя стушевался под быстрым, но внимательным взглядом Вильгельма Карловича.

– Очень приятно, буду рад Вас видеть у себя. Уважаю ум-

ных молодых людей, так как сам, некоторым образом, преподаю словесность. А вы пишете что-нибудь?

– Нет, извините, – Митя не знал, как представить себя в лучшем свете, – но я люблю читать. Классическую литературу и современных поэтов. Жуковского, Пушкина...

– Ах, Пушкина, – взгляд Кюхельбекера затуманился. – Мы учились с ним в Лицее, – Вильгельм Карлович улыбнулся уголком рта. – Отличный поэт, читайте, дорогой друг.

На том знакомство и свершилось.

К Рождеству Митя, наконец, выбрался домой на несколько дней. Братьев не было – Иван остался на праздники в частном пансионе, где получал образование, а Серёжу, как младшего, отпустили к дедушке. Но как же Дмитрий был удивлён переменами в сёстрах, которых не видел очень давно! Даже маленькая Ташка – уже совсем девица, одиннадцать лет! Ужасно похорошела, выступает, будто взрослая – куда делись порывистость и бег вприпрыжку? Мать с тёткой, Екатериной Ивановной, собрались вывезти сестёр на детский новогодний бал к танцмейстеру Иогелю, с ума сойти! Ладно ещё Катерину, ей уже четырнадцать, но Сашу с Ташей?

– Мама, это даже неприлично, в конце концов! – позволил себе возмутиться Дмитрий. – Натали ещё ребёнок, ей нет и двенадцати, а Иогель принимает с тринадцати лет.

– Ну что ты так печёшься о ней? – Наталья Ивановна во-

преки ожиданиям не рассердилась, скорее удивилась вмешательству сына. – Екатерина Ивановна похлопотала за девочек, да и Пётр Андреевич в Наташе души не чаёт. Лучшая ученица, говорит. Сам звал к себе! В любом случае, туалеты готовы, бал уже послезавтра, и не лезь не в свои дела, топ cher.

Вечером Дмитрий пробрался в детскую сестёр. Те встретили его шумным гомоном, накинулись, затеребили, будто не приветствовали днём в гостиной чопорными полукивками.

– Ну как вы тут без меня? – шуточно отбиваясь, спросил Митя.

– Он ещё спрашивает! – фыркнула Катя. – Как на каторге! Маминька совсем замучала учением, хочет институток из нас сделать. Это вы там, Дмитрий Николаевич, студенческой жизнью наслаждаетесь, а мы тут пашем и молимся!

– Мог бы, между прочим, и почаще приезжать! – поддержала Саша. – От вашего пансиона до нашего дома полчаса неспешной прогулки! Может, отвлёт бы маминьку от нашего воспитания, мы целее бы были.

– Тише, девочки, – громким шёпотом остановила их Таша, вцепившаяся в Митин рукав. – Нина услышит! Митуш, ты садись, мы тебе всё расскажем.

– А что Нина? Уроки же закончились, разве вам нельзя отдыхать?

– Отдыхать-то можно. Но из детской не должно доносить-

ся ни звука после отхода ко сну! – процитировала мать Таша и укоризненно посмотрела на старших сестёр. – Тем более, нельзя жаловаться на жизнь и на ту, которая жизнь нам подарила.

– Да, это точно, – подтвердила Катерина. – Вот, глянь! – она протянула брату лежавший на столе дневник, открыв его на первой странице.

– «Правила жизни», – прочёл он вслух. – «Правило первое: никогда не иметь тайны от той, кого Господь дал тебе вместо матери и друга». Серьёзно? – он отдал Кате дневник.

– Серьёзно. Вся прислуга и гувернантки подтвердят, насколько серьёзно. Им, наверное, доплачивают, чтобы они на нас доносили. Слова нельзя сказать лишнего, везде уши! – возмущённым шёпотом рассказывала Саша. – Приходится всё время громко молиться, чтобы отбить охоту прислушиваться к остальному, – хитро улыбнулась девочка. – Маминька любит, когда мы молимся.

– Да, вы правы, кажется, мне повезло, что я живу в пансионе, и ночью за нами совсем не следят, лишь бы из комнат не выходили. А развлечения у вас какие-нибудь есть?

– Есть! – у Таши загорелся взгляд. – Мы выезжаем верхом! Берейтор Трофим очень мил, а прохожие...

– Прохожие просто падают в обморок от нашей неземной красоты! – перебила со смехом Саша.

– Кстати, прекрасные мои сестрицы, а с какой целью вы едете на бал? – задал наконец Митя интересующий его во-

прос. – Неужели найти женихов?

Катерина смущенно зарделась.

– Да ну что ты над нами смеёшься. Какие Ташке с Сашкой женихи? Это всё тётка Екатерина Ивановна: «Надо налаживать связи, надо выводить девочек в свет, пока они милы и нежны». Мать и поддалась. А я думаю, она сама хочет потанцевать, соскучилась по светскому обществу, а мы – так, удобный предлог.

В день бала весь дом Гончаровых перевернулся вверх дном – сразу четыре дамы облачались в свои туалеты. Поисками нужных деталей убранства, укладкой причёсок, лакированием туфель и прочими чрезвычайно необходимыми мелочами была занята вся прислуга. Митя, прислонившись к портьеру в гостиной, смотрел, как мимо него снуют люди, слушал, как покрикивает тапан, и ждал, что это стихийное бедствие рано или поздно окончится, оставив его одного в доме. Его ожидание было вознаграждено. В комнату вошла Наталья Ивановна в бордовом платье с пышными юбками и открытым лифом, кутая плечи в дорогую шаль – на улице стоял мороз, и в бальной зале наверняка тоже будет не жарко. Но сёстры об этом явно не думали. Девичьи платья, похожие меж собой по фасону, с открытыми плечами и несколькими кружевными юбками, были рассчитаны на то, что их обладательницы будут согреты кадрилями и котильонами. Катерина – в дымчатом, Александрина – в розовом, Натали – в белом, как крылья ангела, платье, вплыли в гостиную, явно

красуясь перед Дмитрием. Он поклонился матери и, убедительно изобразив восхищение всеми присутствующими дамами, пожелал успеха сёстрам, подмигнув им украдкой. Катя и Саша ответили отрепетированным кивком, а Гаша подмигнула в ответ и улыбнулась. С чувством выполненного сыновнего и братского долга Митя удалился в свою комнату. Домашняя обстановка, как ни странно, его утомляла. В пансионе было спокойнее.

Проснулся Дмитрий от громкого шёпота за дверью.

– Митя! Митинька! Ты спишь?

Уснувший в домашнем халате, он подскочил с постели и впустил... Натали, что было для него неожиданностью. В своём белом вечернем туалете, с уже растрепавшимися волосами, она была похожа на привидение, которое ходит по средневековому замку. И глаза у неё так же блестели в темноте, отражая луну и снег за окном.

– Митуш, я разбудила тебя? – виновато спросила она. – При сёстрах не поговорить толком. Я их люблю, конечно, но...

– Садись, ну что ты, – Митя кивнул на кровать.

Наташа, подумав мгновение, развязала пояс и скинула верхнюю нарядную юбку на кресло. Затем лихо вспрыгнула на постель и уселась на ней по-турецки.

– Ну, рассказывай, – улыбнулся брат, устраиваясь в подушках поудобнее. – Что тебя привело ко мне в столь поздний час? Бал удался?

Наташа скривилась.

– Нет? Женихи все плохи?

– Ой, только этого ты мне вовсе не говори! Не хочу замуж, не выйду никогда! Катерина вся такая лебёдушка – одному улыбнётся, другому руку подаст – как будто всю жизнь в свете вращалась, да и Сашинька не отстаёт, ещё и обижается, что к ней не подходят. А мне тошно от всего этого! – она резко провела рукой по горлу. – С мальчиками ничего ещё, можно танцевать, а те, которые постарше, так и липнут, фу! Мне же одиннадцать лет, они что, не знают? Что я, девка дворовая, так рано замуж идти? И мать с тёткой, как сговорились! Я думала, они защитят меня, а они наоборот: иди, мол, танцуй, улыбайся тому и этому, вот князь, вот богатый сынок, а этому не улыбайся, это помещичий сын, беднота, – Таша дёрнула плечами так, что несколько шпилек выпало из недоразобранной причёски. Девочка пошарила руками вокруг себя, близоруко щурясь, но не нашла и спросила резко, подняв взгляд на Митю. – А ты бы что сделал, если бы видел, что на мне хочет жениться глупый, но знатный богатеи?

– Вызвал бы его на дуэль? – снова не удержался от улыбки брат. Таша была забавна и мила в своём детском негодовании. И она не заметила иронии.

– Вот! Хороший ответ доброго брата! Спасибо тебе, Митюш! – она порывисто обняла его.

Митя вдруг усовестился от её ласки и заверил Наташу, что она всегда может рассчитывать на его помощь и защиту.

Успокоенная, девочка ушла спать, а Дмитрий остался размышлять над тем, что он пообещал, и не аукнется ли это ему в дальнейшем.

Через три дня Митя возвратился в пансион. На старших курсах университета домой бегать будет некогда. Да и потом, Дмитрий решил, что после выпуска постарается найти способ жить где-нибудь вне родительского дома. Служение Отечеству, по его мнению, требовало полной отдачи, а отвлечения на всевозможную суету будут лишь мешать. Ведь ещё есть Одоевский! На любомудров тоже следовало выделить время. После разговора с Кюхельбекером Митя твёрдо решил быть достойным товарищей.

Глава 2. Неисповедимые пути

«Иногда лучший способ погубить человека – это предоставить ему самому выбрать судьбу».
(М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»)

Учёба в университете действительно отнимала уйма времени, особенно у тех, кто хотел закончить с отличием, а Дмитрий очень хотел. Даже к Владимиру он ходил нечасто, но всё-таки ходил для поддержания знакомства с ним и другими «архивными юношами». В конце мая 1825 года, перед решающими экзаменами, студентам дали отдыху две недели, и Митя наконец вырвался домой.

Младшие Гончаровы собирались в Полотняный Завод, к деду, и, конечно, обрадовались воссоединению со старшим братом. Шумным обозом, на трёх колясках, ехали они пыльным Киевским трактом под необычайно жарким майским солнцем. Погода стояла исключительная. Откинувшись на козлах рядом с кучером, Митя смотрел в вылинялое голубое небо, пропитываясь теплом и блаженной истомой. Всё тело отдыхало от студенческого мундира в лёгкой рубахе à la russe. Митуш поставил матери условие, что раз его хотят взять в деревню старшим над оравой детей, то и отдыхать он будет по-деревенски. Та махнула рукой, мол, делай,

что хочешь, большой уж мальчик. Три недели назад Дмитрию исполнилось семнадцать, и он тоже считал себя совсем взрослым. Позади галдели сёстры. Несмотря на год пребывания в свете, никакого лоска они приобрести ещё не успели и, вырвавшись на свободу, вели себя по-детски шумно и непосредственно, особенно младшие. Ваня с Серёжей дорогой рассорились из-за какой-то ерунды, и поэтому ехали в разных повозках с гувернёрами и прочими няньками. Но это не омрачало Мите начала каникул. Впереди было лето, простор, лошади, собаки, и никакой учёбы, никакой муштры на целых две недели! Можно было не думать ни о карьере, ни о политике.

Афанасий Николаевич очень обрадовался внукам.

– Родные мои приехали! – восклицал он то по-русски, то по-французски. – Так выросли! Молодцы, что выбрались из своей Москвы! В следующий раз вам надо дилижанс заказывать, – шутил дед, обнимая всех по очереди.

– Дилижансы дороги очень, татап мечтает о ландо, – сухо ответил Иван, всё ещё немного обиженный с дороги.

– Да, недёшевы, – быстрая тень пробежала по лицу Афанасия Николаевича, – но вас так много. Не толпитесь в дверях, проходите же в дом, – снова заулыбался он.

Время в имении текло незаметно и дремотно, как и должно на отдыхе. Основным развлечением были конные неспешные прогулки. Ну как неспешные – это Дмитрию и Катерине хотелось бы таковых, Натали с Александринной летели во

весь опор, обгоняя ветер и красующегося Ивана, затем разворачивались одновременно и мчались обратно, чтобы снова присоединиться к общей компании. Митя любовался сёстрами и с высоты своего возраста немного завидовал их жизни. Обильная и сытная еда, сон без ограничения, свежий воздух так разморили Митю, что он вспомнил об учёбе только за пару дней до отъезда.

Афанасий Николаевич застал его в библиотеке, где Дмитрий выбирал книги, необходимые для экзаменов.

– Книги ищешь? Бери побольше, – посоветовал дед. – Мои любимые в моём кабинете, так что эти дарю! А если нет чего – скажи, дам денег, докупишь. Книги – это святое, на них никогда не скупись.

– Спасибо! – от души поблагодарил Митя. – Послушайте, Афанасий Николаевич, – решил он вдруг высказать давно тревожившую его мысль.

– Ты чего, Митинька? – почти возмутился дед. – Или вопрос серьёзный, раз ты меня по имени-отчеству величаешь? Садись, поговорим.

Митя присел на краешек дивана-рекамье, водрузив на колени стопку отобранных книг.

– Я, знаете, что хотел спросить... Вот имение это, оно чьё?

– Хм... – Дед сел рядом и сплёл пальцы. – Пока моё вроде бы, а что? Отца твоего наследство, – исправился он, глядя на внука.

– Да вот мать всё говорит, что мне им управлять достанет-

ся, – Митя встретил взгляд Афанасия Николаевича в упор и продолжил, – потому что отец на это не способен. А у меня другие планы на жизнь! Я хочу служить в Государственной коллегии Иностранных Дел, мне уже место обещано, хочу путешествовать, а не жить здесь один. Да и не умею я имением управлять!

– Да и я не умею, – тихо, как бы про себя, сказал старший Гончаров. – Так на то управляющие есть. Да и жив я пока! – он с вызовом выпрямил спину. – Рано Наталья Ивановна меня хоронит.

– Она говорит, – осмелел Митя, – что все управляющие – воры, и имение скоро с молотка пойдёт, а нам ничего не достанется.

– Ишь ты, – сердито усмехнулся дед, – делит уже моё имущество. А ведь у неё и своё имение есть. Но ты, Митинька, не бойся. Если тебе нужна будет моя помощь и поддержка – пиши, я вышлю денег, сколько смогу. Очень я хочу, чтоб мой старший внук стал большим человеком!

Митя горячо благодарил, хотя был уверен, что сам сможет справиться с любыми трудностями и просить не станет.

Уезжал Дмитрий один – остальным спешить было некуда. Перед отъездом раньше всех проснувшаяся Таша неожиданно бросилась ему на шею и расплакалась.

– Ну что ты, – утешал он сестрёнку, глядя по ещё мягким волосам, – ты же любишь бывать у деда.

– Да! – всхлипнула девочка. – Но ведь и ты любишь, я

знаю! Мне тебя жалко!

Отъехав от имения, Митя ещё долго улыбался. «Как есть дикарка», – думал он о сестре умилённо.

Отдых пошёл Мите на пользу, и экзамены он сдал блестяще. Тёплое и уютное место актуариуса в Государственной Коллегии Иностранных Дел досталось ему благодаря отличным оценкам и немного тётке-фрейлине. Теперь Дмитрий мог гордо считать себя одним из «архивных юношей», а большая часть любоумудров стали его коллегами. Работа в Московском Архиве была несложная, но требующая аккуратности и внимательности. По понедельникам и четвергам служащие приходили в архив, с утра приводили в порядок отчётность по судебным актам и прочим постановлениям, а уже после обеда сходились за дружеской беседой, сперва обсуждая дела, а затем и безделицы. Часто к вечеру общество плавно перемещалось к Владимиру Одоевскому или в Троицкий трактир – выпить вина и отведать лучшей в городе рыбы. Мите очень нравилась такая служба: после шести лет заточения в пансионе, постоянной зубрёжки и прочих «радостей» студенческой жизни Архив давал больше свободы, чем юноша мог воспользоваться. Тем более что и жить он стал отдельно от родителей, как и мечтал – снял небольшую квартирку в том же доме, что и Одоевский. С Владимиром они теперь виделись ещё чаще. Наверное, поэтому именно к Мите тот обратился с просьбой.

Тридцатого ноября поздно вечером Владимир сам пришёл к нему, что случалось весьма редко. В холостяцкой квартире Мити был порядок, но уюта в ней не было, и гостей он почти никогда не принимал. Этот визит казался тем более удивителен, что с Одоевским они уже встречались сегодня по службе. Утром вся Государственная Коллегия Иностранных Дел была срочно созвана для принесения присяги Императору и Самодержцу Всероссийскому Константину Первому. Сам Дмитрий был, конечно, расстроен смертью Его Величества Александра Павловича, но на Владимире просто лица не было.

– Ты чего такой кислый? – спросил его Митя, усадив в кресло и налив кофею. Сам он остался стоять у комода. – Нынче же со всеми кричал: «Да здравствует Император!» – Владимир не ответил, и Митя продолжил свою мысль: – Интересно всё-таки получается, как нас настраивают на хорошее. Будь ты хоть повар в ресторации, хоть император, а помер – бог с тобой, незаменимых нет. Да здравствует новое и лучшее! – он поднял свою чашку с кофеем в салюте.

– Да какое лучшее! – вспыхнул Владимир, чуть не облив подлокотник. – Нашей Отчизне нужен мудрый государь, заботящийся о благе Родины, а не польский главнокомандующий!

Митя даже растерялся от таких пламенных речей приятеля. Пытаясь перевести разговор на другую тему, он спросил: – Ты из-за этого не спишь в такой час? Завтра бы обсуди-

ли у тебя со всеми, – а про себя тут же решил назавтра пойти к матери, чтобы не участвовать в дискуссии. Хотя дома, наверное, тоже будут страдания на публику. Владимир хотя бы искренен.

– На самом деле, нет, – Одоевский закрыл глаза, отпил из чашки, вздохнул и снова посмотрел на Дмитрия. – Как ты думаешь, в столице будут празднования?

– Наверное, – пожал плечами Митя. – Может, и у нас будут. А ты в столицу собрался, что ли? Это ж дней пять на почтовых.

– Ну, можно и быстрее доехать, ты не бывал разве?

– Давно не был, – смутился Дмитрий, не желая упоминать, что в Петербург он ездил разве что в детстве, а после недосуг было.

– А хочешь попасть? – прищурился Владимир, уже полностью владея собой.

Митя задумался, взвешивая.

– Тебе надо там что-то? – догадался он.

Владимир поёрзал:

– Письмо передать. Брату.

– Я думал, ты вместе предлагаешь поехать, – возмутился Митя. – А что сам-то, не хочешь на празднества попасть?

– Надобности у меня тут, – отвёл взгляд Владимир. – Сделай доброе дело! – почти взмолился он вдруг. – Боюсь я за Сашку. Наворотит делов.

Дмитрий молча допил кофей, поставил чашку на комод,

обтёр ладони друг об друга, вздохнул.

– Написал уже брату-то? Давай сюда, – Владимир вынул из внутреннего кармана сюртука письмо, запечатанное фамильной княжеской печатью Одоевских, и передал Мите.

– Я там упомянул тебя, что, мол, Гончаров Дмитрий Николаевич, податель сего, добрейшей души человек и мой лучший друг, поживёт у тебя, братец, с неделю, посмотрит красоты столицы нашей.

– А если б я не согласился? – изумился Митя.

– Ну переписал бы. Но сам посуди, какая прекрасная возможность увидеть Петербург! Да ещё и в такое время! Там, может, и до Нового Года задержишься, если понравится. На службе я всё улажу, тебя отпустят!

– Ну ты и бестия! – почти восхитился столь плотно взятый в оборот юноша. Одоевский намеренно или случайно почувял его тайное желание – повидать мир. Пусть всего лишь столицу. – Ладно, договорились.

Владимир даже сам выправил подорожную для Дмитрия, придумав какую-то служебную надобность в Петербурге. Но пока суд да дело выехать удалось только через неделю. Мать, узнав, что сын едет в столицу, тоже придумала ему поручение – попасть на приём к высокопоставленным знакомым, чтобы это поспособствовало повышению по службе. Но сперва нужно было заехать к Александру Одоевскому.

Дорога на Петербург была переполнена, какое-то совер-

шенно немыслимое количество людей рвалось в столицу. На станции то и дело врывались фельдъегери и курьеры, которые уводили лошадей прямо из-под носа, и если б у Гончарова не была указана местом службы Государственная Коллегия, он бы добирался не семь дней, а все четырнадцать.

Одоевский жил на Исаакиевской площади, напротив разрушенного одноимённого собора, который начала строить ещё Екатерина Великая, а потом каждый новый монарх переделывал на свой вкус. Покойный Александр Павлович, правда, не продвинулся дальше проекта. Возле доходного дома лежали доски, громоздился мрамор и кирпич от разобранных стен. По темноте, рано утром четырнадцатого декабря, Митя пробирался меж них в поисках своего адресата. На стук дверь отпер какой-то человек.

– Здравствуйте! Простите ради Бога, что в такую рань, – сказал Митя. – А Александр Иванович дома?

– Нет, извините, барин, он с дежурства раньше десяти утра никогда не приходит. Но вы подождите минуточку.

Дмитрий хотел как раз попросить разрешения остаться до прихода хозяина, но человек скрылся в одной из комнат и громко доложил кому-то:

– Тут барин какой-то к Александру Ивановичу.

– Спасибо, Семён.

В полумраке прихожей показался высокий сутулый мужчина в тёмной шинели с меховым воротником.

– Доброе утро! – слегка растягивая слова, сказал он, и Ми-

тя сразу узнал голос и манеру речи.

– Вильгельм Карлович, это вы?! Здравствуйте, очень рад видеть вас здесь! Я Дмитрий Гончаров, мы встречались у Одоевского Владимира Фёдоровича, в Москве. Привёз письмо Александру Ивановичу от брата.

– Как же, помню, – отвечал Кюхельбекер, глядя пустым взглядом куда-то мимо него. – Вы простите, голубчик, мне уходить надобно. Не знаю, вернусь ли, скоро ли, – поправился он. – Хотите – будьте здесь, или пойдёмте со мной, сегодня на Сенатской площади будет уйма народу.

– А что такое? Празднование? – спросил Митя.

– Можно и так сказать, – как-то невесело улыбнулся Вильгельм Карлович. – Присяга Императору Николаю Первому.

– Как присяга? – Митя чуть не сел тут же на пол. – Мы же вот только Константину присягали!

– Ну вот так. Отрёкся Константин. Прошу прощения, молодой человек, я спешу, – Кюхельбекер рассовал по карманам какие-то вещи с трюмо, обнял слугу и, кивнув Дмитрию, исчез за дверью.

Оставшись наедине с чужим человеком, Митя совсем растерялся. Но Семён показал ему на диван и, как Мите почудилось, всхлипнув, выскочил куда-то в коридор. Дмитрий сперва сел, но через четверть часа, уже изнемогая от безделья, встал и прошёлся по прихожей. Зеркало отразило измученного дорогой молодого человека с круглым лицом и тёмными глазами, волнистые волосы слиплись и не поддава-

лись попыткам привести их в порядок. Как и мысли. Что за бесовщина здесь творится? Управление страной, династические вопросы подчинены строгим правилам – это Дмитрий знал из уроков российского законовещения и политической экономии. Как можно вот так сбивать с толку свой народ? Добром это не кончится. Митя ещё раз прошёл вглубь квартиры и от нечего делать заглянул в комнаты. Их было три. Одна – явно Семёна, маленькая каморка с топчаном. Вторая – из которой вышел Кюхельбекер, больше и уютнее, но он не стал заходить, неудобно было. Третья – видимо, Владимирова брата – по-армейскому прибрана. Постель застелена ровно, письменный стол в порядке – лишь стопка книг да подсвечник с почти новой свечой. На окне не было занавесей, подоконник пуст и чист, с улицы лился приглушённый розовый свет, отражённый от снега. Ещё только начало светать, было тихо и сумрачно. Митя осторожно вошёл в комнату и прильнул к окну. Оказалось, что тишина иллюзорна – на улицах уже появлялись люди. Может быть, действительно, сходить на площадь? До десяти часов ещё уйма времени. Дмитрий вынул письмо от Владимира из дорожной сумки, расправил его и положил в центр стола печатью наверх. «Тут Александр Иванович точно заметит конверт», – решил он. Затем Митя вышел из комнаты и из квартиры, аккуратно прикрыв за собой двери.

Рассвет был мгlistым, небо затянуто, под ногами ви-

лась позёмка. Дмитрий поёжился от утреннего морозца – он успел пригреться в доме, и теперь ему было холоднее, чем ночью, когда он добирался сюда. Он поднял голову, шурясь от снега. На лесах Исаакиевского собора уже стучали молотками рабочие, то ли разбирая старые, то ли укладывая новые стены. Где-то прозвенели бубенцами сани, слева, от реки, донёсся перестук копыт нескольких лошадей, затем ещё и ещё. Митя потоптался немного и пошёл на шум. Не успел он пройти и сотни шагов, как громче молотков раздалась барабанная дробь. Слаженный воинский ритм нельзя было спутать ни с чем, даже совершенно штатский по своему духу Дмитрий тут же узнал его и насторожился. «Это, наверное, войска идут на присягу», – успокоил он себя и ускорил шаг. Его догоняли и обгоняли какие-то люди, тоже, вероятно, спешащие увидеть церемонию. Но когда Митя дошёл до площади, всё оказалось не так весело, как представлял он себе, и как обрисовывал ему Владимир. Целый полк солдат маршировал со стороны Адмиралтейского бульвара и выстраивался в каре возле памятника Петру Первому. Зеваки следовали за солдатами по пятам и теснились прямо около строя, сдерживаемые лишь организованной войсковой заградительной цепью. Сначала Дмитрий не понял, что не так в построении. Потом сообразил – солдаты возбуждённо переговаривались, никакой молчаливой торжественности, долженствовавшей быть на присяге, не было и в помине. Штатский человек во фраке отдавал приказания, и ему подчинялись. Ка-

кой-то офицер в парадном блестящем мундире и белых гусарских панталонах нарочито небрежно точил саблю о постамент памятника. Тревожность нарастала. Митя решил на всякий случай держаться подальше и замешался в толпу со стороны бульвара. Благодаря своему высокому росту, Гончаров видел Сенат поверх голов других людей, как на ладони. Уже совсем рассвело, ноги оковенели, но не хотелось уходить, так и не поняв окончательно, что происходит на площади. Народ всё прибывал, и, занятый его разглядыванием, Дмитрий чуть было не пропустил момент, когда к каре подъехал верхом какой-то генерал с Андреевской лентой поверх мундира, в сопровождении адъютанта. Шум в рядах войска усилился, и Митя разобрал, что это не просто офицер, а сам генерал-губернатор Петербурга.

– Смирно! – гаркнул генерал-губернатор.

«Ну вот, наконец-то начнётся», – с облегчением подумал Дмитрий.

И оно началось.

Генерал-губернатору пришлось ещё несколько раз призвать к дисциплине, пока относительная тишина наконец не установилась. Затем он выхватил саблю и, начав пламенную речь, обращённую к солдатам, сперва пытался уговорить их разойтись, но те угрюмо молчали, и генерал перешёл к оскорблениям.

– Вы – грязное пятно на России, преступники перед царём и Отечеством, перед миром, перед Богом!

– Почему мы должны это терпеть? – раздался чей-то голос, и из строя вышел молодой поручик. – Убирайся! – крикнул он генерал-губернатору.

Тот не отреагировал, тогда поручик выхватил у стоящего в строю солдата ружьё со штыком и пронзил генеральскую лошадь, обогрив кровью бедро всадника. И в эту же секунду из каре раздался выстрел. Андреевская лента разорвалась вместе с мундиром и плотью, генерал-губернатор покачнулся и, сразу обмякнув, упал на землю. Адьютант соскочил с коня и подхватил его, но было, очевидно, уже поздно.

– Помогите! – закричал он. – Помогите! Ну что же это делается-то?

Молодой человек попытался тащить тело в одиночку, но оно было слишком грузным, чтобы можно было справиться без помощи. Полк стоял, не шелохнувшись. Толпа за спинами солдат лишь громко ахала и вздыхала. У Дмитрия тоже перехватило дыхание. «Бунт! Это бунт! – наконец дошло до него. – Боже мой, какой кошмар!» Ноги стали ватными, народ напирал сзади, и Митя чуть не упал вперёд, на строй солдат, но удержался и, словно очнувшись, поймал противонаправленную волну, метнулся к Адмиралтейскому бульвару. Уехать, уехать скорее, домой, домой! Митя чувствовал себя грязным, будто не адьютант тащил мёртвое тело по снегу, а он сам замарался чужой кровью и тянет непосильную ношу. Кружилась голова, в ней не было ни одной внятной мысли. Выбравшись из толпы, Митя помчался, куда глаза гля-

дят. Впрочем, сегодня все бежали, ехали, торопились – кто на площадь, а кто с неё, в казармы, полки, к доверенным лицам – поднимать войска на восстание, с той или иной стороны. Возле Исаакиевского собора Митя наткнулся на кавалергардов в красных парадных кирасах. Видимо, они стояли заграждением, но только для тех, кто рвался на площадь, а не с неё, поэтому юноша прошмыгнул между конников и побегал дальше, лавируя среди людей.

Оставив наконец позади большие улицы, он упал лицом прямо в сугроб на обочине и так лежал несколько минут, приводя себя в сознание. Здесь было тихо и спокойно, как в имении у деда. Митя сел, умыл снегом горящее лицо и руки. Где-то далеко звонили колокола. «Рождество скоро, – подумал он отстранённо. – Поеду домой».

В тот же день, никуда более не заходя, Дмитрий покинул Петербург. Ближе к вечеру, в небольшой деревушке на одной из станций он нашёл церковь и присягнул на верность новому Императору Всероссийскому Николаю Первому.

С дороги Митя поехал в свою квартиру в Газетном переулке, лёг там на тахту и лежал, почти не вставая, пока к нему не зашёл Владимир.

– Ты давно приехал? – удивился Одоевский с порога.

– Дней пять тому, – буркнул Митя не приветливо.

– Так что ж на службе не был? Я всем говорю, что ты в Петербурге ещё, а ты тут отдыхаешь. Письмо-то передал? –

не дождавшись ответа, спросил Владимир.

– Оставил на столе. – Дмитрий закашлялся и сел, запахнув плотнее халат.

– Наверное, не успел прочитать, – помрачнел гость, присаживаясь на край тахты. – Что там, в Петербурге-то? Ходят жуткие слухи! Даже у нас, в Архиве, нет достоверной информации.

– Говорят, восстание.

– Говорят? Ты сам не знаешь? Сашу, Александра, брата моего видел?!

– Да не кричи ты, – Митя поморщился. – Голова раскалывается. Ничего не знаю, никого не видел. Положил письмо на стол и уехал. Я человек мирный, государю служу.

– Ты, верно, заболел! – только сейчас заметил Владимир и схватил его за руки. – Горячий! Ехал бы ты домой, к матери. Я на службе скажу, что ты нездоров. После праздников придёшь. Езжай, езжай прямо сейчас, я тебя провожу!

Одоевский и правда посадил Митю на извозчика и доехал с ним до Никитской улицы. На шум подъезжающих саней из ворот, уже украшенных еловыми ветками, выглянула Дарья Лукинична.

– Забирайте своего барина, *il est malade!* – крикнул ей Владимир, сунул деньги извозчику и, спрыгнув на снег, махнул Дмитрию, мол, я пошёл.

Так Митя оказался у семейного очага в самый разгар предновогодних хлопот. Он был болен достаточно тяжело, что-

бы расстроить этим сестёр и раздосадовать мать, но не настолько, чтобы не получить удовольствия от приближающегося праздника.

На следующее утро было Рождество, и ещё затемно все Гончаровы ушли в церковь, оставив Дмитрия дома на правах больного. Затем Наталья Ивановна отправилась в гости с дочерьми, поэтому к обеду вернулся только отец и то сразу заперся в своём флигеле. Митя обедал один, не вставая с постели. Обрадованная его появлением Дарья Лукинична лично принесла ему на пробу блюда, приготовленные для рождественского ужина: фаршированную утку, разносолы и варенье из дедушкиных погребов, пирожки, козули... Мите было так жаль, что аппетит пропал из-за жара и больного горла, но он всё-таки отведал всего понемногу, чтобы не обидеть пожилую женщину. К тому же к вечеру лихорадка усилилась, и вернувшиеся родные ужинали без него. Впрочем, в этом году зимние празднества были отменены высочайшим указом из-за траура по Александру Павловичу, поэтому ни балов, ни приёмов, ни даже многолюдных обедов не устраивали – всё только по-семейному, тихо.

Назавтра Наталья Ивановна, сокрушаясь по поводу непредвиденных расходов, пригласила к Мите доктора. Тот посмотрел, поцокал языком, сказал, что ничего серьёзного, но всё-таки выписал какую-то микстуру и с чувством выполненного долга ушёл обедать в столовую, куда его пригласила всегда соблюдающая приличия мать.

В комнату, шушукаясь и шурша платьями, одна за другой проскользнули девочки и расселись, куда придётся – Катя в кресло, Саша за бюро, а Таша взобралась на подоконник.

– Эй, вы куда! – осипшим голосом прикрикнул на них Митя. – Тоже хотите заболеть?

– Не бойся, мы здоровые, как кони, – хихикнула Саша, бесцельно переставляя на столе канцелярские принадлежности. – Так маменька говорит. Не помню вообще, чтоб она к нам доктора звала.

– Липовый чай с малиновым вареньем, любезный братец, обязательно поставит тебя на ноги! – назидательно произнесла Катерина. – Кстати, кроме шуток, я тебе принесу его чуть позже, он действительно помогает. И бесплатно!

– Мамап стала совсем скупа, или у нас и правда так плохо с деньгами? – серьёзно спросил у неё Дмитрий.

– С тех пор, как Яропольское имение досталось матери, дед совсем мало денег шлёт. Вареньями да соленьями в основном откупается, – Катя поджала губы – точь-в-точь Наталья Ивановна.

– Ох, Митуш, как не вовремя ты заболел, мы бы с тобой в деревню съездили... – зевнула Саша. – А то в эту зиму скукота в Москве! Даже бал у Иогеля отменили. Хотя нам и выезжать-то не в чем. Туалеты поизносились, новые заказывать слишком дорого.

– Митя, а расскажи, что там в Петербурге? – подала Таша голос, выглядывая из-за портьеры. – Я вчера видела у ма-

миньки «Московские ведомости», там пишут что-то невообразимое. Я даже не всё поняла.

«Куда уж в тринадцать лет понять, я сам-то ничего не понимаю», – досадливо подумал Дмитрий, но сестре ответил честно:

– Я мало что видел. Солдаты не хотели присягать Николаю Павловичу. Стреляли. Не знаю, чем дело кончилось, но, наверное, мятежников арестовали.

– Ужас какой! – ахнули девочки.

– Да, в газете пишут, что в крепость увели виновных офицеров. А ты прямо там был, у Сената? – спросила Наташа.

– В самом начале, да. Потом ушёл. Как раз император кавалергардов прислал за порядком следить.

– А пушки? Говорят, там из пушек по людям стреляли!

– Неужели правда? – огорчился Дмитрий. – Я уехал почти сразу, а потом вот, заболел, из дома не выходил, и знаю, наверное, меньше тебя. Принесёшь мне «Ведомости»?

Девочка кивнула.

Сёстры ещё немного посидели, рассказывая домашние новости, а потом оставили Митю отдыхать. Но только он закрыл глаза, дверь, скрипнув, снова приотворилась. Таша, прошмыгнув, положила возле изголовья его кровати две газеты, а вошедшая следом Катерина поставила на стол чашку с чаем. Митя приподнялся было поблагодарить, но девочки, замахав на него руками, скрылись за дверью.

Любопытство пересилило, и вместо сна Дмитрий принял-

ся за газеты. В номере от 23 декабря восстание было названо «печальным происшествием, которое лишь на несколько часов возмутило спокойствие Столицы». В длинной, почти на два листа, хронике в довольно пространных выражениях были описаны события того дня. Но Митиново воображения хватило, чтобы представить, что стоит за словами: «Вывезены пушки, и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь». Он поёжился и малодушно обрадовался, что уехал из Петербурга, не дожидаясь вечера. Только сейчас он начал понимать, почему так волновался за брата Владимир, и невольно задумался о судьбе Александра Одоевского. Тем более, что в конце заметки было сказано, что уже арестовано более пятисот человек, а виновных офицеров отвели в крепость. Дмитрий просмотрел газету до конца, все сорок страниц, включая частные объявления и метеорологические наблюдения, но никаких новых подробностей насчёт наказания мятежникам не нашёл. В сегодняшней газете вообще не было ни слова о восстании, только бравурное воззвание Николая к войскам, с призывом не падать духом из-за смерти Александра Первого, да письмо цесаревича Константина, признававшего Николая Павловича подлинным Императором Российским. Дмитрий отложил газеты и задумался. Ясность ума возвратилась к нему не в полной мере, хоть жара уже не было. Или же ситуация была слишком непростая, даже для служащего коллегии Иностранных Дел. Мите неожиданно захотелось поскорее выздороветь и пойти на службу,

чтобы послушать, что говорят его приятели об этих событиях.

Но этому было не суждено свершиться. Болезнь долго не отпускала Митю, он всё кашлял, лихорадка то уходила, то возвращалась. Доктор, навестивший Гончарова вновь уже после Нового Года, настоятельно советовал оставаться если не в постели, то хотя бы у родных по крайней мере до Крещения. Сёстры были очень рады, что Митуш скрашивает их длинные зимние вечера, да и мать тоже – Дмитрий был старшим любимым сыном, и уже совсем взрослым – семнадцать лет. Его звали к общему столу, когда у Гончаровых бывали гости, а прислуга обращалась с Митей, как с главой семьи, сразу после Натальи Ивановны, конечно. Поэтому, когда в крещенский сочельник приехал фельдъегерь и спросил Дмитрия Николаевича, Дарья Лукинична провела того сразу в Митину комнату.

Митя был уже совсем здоров и со дня на день собирался перебираться обратно в свою квартирку в Газетном переулке. Как раз в этот час он складывал вещи в увесистый портманто – приехав к матери с пустыми руками, он, неожиданно для себя самого, за три недели обнаружил множество предметов, с которыми жалко было расставаться. Стук в дверь застал его врасплох. Митя не успел ничего ответить, как дверь отворилась.

– Фельдъегерь Блинков, – отрекомендовался вошедший молодой офицер в припорошённом снегом тёмно-зелёном

мундире с красным воротником и серых рейтузах с лампасами.

– Чем могу служить? – Митя выпрямился и склонил голову перед государевым посланником. Внутри него похолодело, а после следующих слов Блинкова, напротив, бросило в жар.

– Есть ордер на Ваш арест. Приказано сопроводить в Петербург.

– Это какая-то ошибка... – пробормотал Митя и, борясь с внезапным головокружением, присел на край кровати.

Блинков поморщился.

– Потрудитесь собраться и не мешайте обыску. Я должен посмотреть ваши бумаги.

– Какие бумаги? Все мои документы – по службе – находятся не здесь, а на другой квартире.

– Мы только что с Газетного переулка. Всё необходимое уже в экипаже. – Фельдъегерь был лаконичен и явно не расположен к диалогу. – Поторопитесь.

Митя поднялся и, не зная, за что братья, сложил то, что приготовил ранее. Помешкав немного, вытащил обратно несколько книг и добавил смену белья. Застегнув багажные ремни, он замер в нерешительности. Фельдъегерь торопливо перебирал содержимое его бюро.

– Мне одеваться? – робко спросил Митя.

– Да, – бросил Блинков, не поднимая головы. – Можете выйти, если необходимо. Жандарм ждёт нас в передней.

Митя взял портманто и пошёл было к выходу, но тут дверь распахнулась, и в комнату ворвалась мать. Увидев офицера, Наталья Ивановна остановилась и, сделав чопорное выражение лица, осведомилась:

– Добрый вечер, ваше благородие, чем могу быть полезна?

Митя ретировался, вскользь пожав материны длинные пальцы. На душе у него было погано. Стараясь не встретить никого из прислуги, Дмитрий прошёл в переднюю. Жандарм действительно стоял там, расслабленно прислонившись к стене. При виде Дмитрия он подобрался и сделал шаг, заслоняя собой дверной проём. Гончаров, не торопясь, надел шубу, поданную молчаливым лакеем. Это был новый человек, и Митя не помнил его имени. «Как хорошо, – подумал он, – что девочки ушли гадать. Не надо будет прощаться». Ему вдруг стало ужасно жалко самого себя, и не хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем его позора.

Неожиданно дверь позади жандарма раскрылась, отодвинув того в угол, и в передней стало тесно от вошедших, сразу всех троих, сестёр.

– Митя, Митинька, мы сейчас такое видели! – наперебой заговорили девушки, обступив брата со всех сторон. – Таша села в бане за зеркало, а там свет замелькал, и топот копыт! И мужской голос: «Тпру, куда пошла, красавица!» Не к добру это?

– Ох, не к добру, – вздохнул Митя, кивая на жандарма, который снова шагнул к двери и внимательно следил за су-

матухой.

Девочки испуганно притихли, торопливо запахивая шубки и пряча растрепавшиеся волосы под капоры. Катерина как старшая заслонила собой сестёр и чуть присела в приветствии, не зная, как приличнее сгладить ситуацию. Таша потянула брата за рукав и зашептала:

– Митинька, что случилось? Кто это? Куда это ты?

Дмитрий ещё подбирал слова для ответа, когда слышались голоса, шаги, и в передней появился Блинков в сопровождении Натальи Ивановны. Мать, плохо владея лицом, нервно теребила кружева на платочке.

– Я уверена, это всего лишь досадное недоразумение, – громко убеждала фельдъегеря она. – Моя сестра – фрейлина её императорского величества Елизаветы Алексеевны, она всё уладит.

– Императрица ныне Александра Фёдоровна, – почти доброджелательно поправил её Блинков, передавая жандарму папку с бумагами. – Сударь, вы готовы? – обратился он к Мите.

Митя судорожно кивнул, шагнул к матери, обнял и поцеловал её. Наталья Ивановна всхлипнула, чем ещё больше напугала девочек, и, перекрестив сына, опустилась на скамейку. Не давая Дмитрию выйти за дверь, сёстры бросились к нему.

– Митя, ты же вернёшься? – шептали они. – Пиши нам, пожалуйста, если сможешь!

Митя обнял их всех сразу, высвободился аккуратно из девичьих рук, помедлил, остановив взгляд на бледном, без кровинки, лице Таши и, глядя в её чайные, с зеленью, глаза, сказал:

– Au revoir! – хотя сам не знал, доведётся ли им свидеться когда-нибудь.

Глава 3. В омуте

«В жизни надо быть готовым и к мукам тюремного заключения;

ведь в иные времена и добрые порой разделяют участь злых».

(Шарль Монтескье)

– Маминька, ну неужели ничего нельзя сделать? – причитала Таша, помогая Наталье Ивановне собирать разбросанные фельдъегерем бумаги брата. Прислугу мать в комнату не допустила, опасаясь сплетен, и теперь сидела за бюро со скорбным видом. – Может, Екатерина Ивановна поможет? Она же всегда нам помогала и Митю любит!

– Тётка твоя, – начала Наталья Ивановна тихим голосом, – конечно, близка ко двору. Но двор Елизаветы Алексеевны сейчас в отъезде, вместе со всеми фрейлинами. И императору мы присягнули новому, если ты помнишь, Николаю Павловичу, дай ему Бог здоровья. Он женат. Императрица у нас теперь Александра Фёдоровна, – назидательно пояснила мать, повышая тон. Разговаривая с Натальи, как с неразумным дитятей, она почти вернулась в своё обычное состояние.

– То есть, никому мы не нужны теперь? – всхлипнула девочка, поддаваясь панике, терзавшей её с Митиною отъезда.

– Успокойся, – в материнном голосе появилась сталь. – Иди к себе, я сама закончу. – Она приняла из рук дочери последнюю стопку листов, поднятых с пола, и убрала их в бюро, не проглядывая.

Таша встала, дрожащими губами пожелала матери спокойной ночи и, окинув тоскливым взглядом комнату брата, выскользнула за дверь.

В этот раз до Петербурга Дмитрия домчали всего за два дня. По сравнению с прошлой поездкой скорость была немислимая, но именно теперь Митя рассмотрел саму дорогу – покрытые снегом поля до самого горизонта, темнеющие вдали редкие леса да убогие деревушки со слегка покосившимися домиками, лишь вдоль тракта почти новые дома станций. И верстовые столбы, от которых к середине пути уже рябило в глазах. Возможно, дело было в том, что в прошлый раз Митя погрузился в мечтания и строил планы на будущее, а сейчас будущее казалось так зловеще, что юноша боялся поддаться панике, глядя в него. Поэтому он смотрел, смотрел на дорогу, справедливо предполагая, что там, куда его везут, белого света он ещё долго не увидит.

Фельдъегерь с жандармом почти всё время молчали, только на станциях коротко спрашивали у зрителя лошадей или ужин. Всё подавалось без промедления, повинувшись волшебному действию мундиров.

Когда к исходу второго дня сани подъехали к шлагбауму

перед столицей, Митя осмелился спросить:

– Куда вы меня?.. – охрипший от мороза и долгого молчания голос сорвался.

– В Петропавловскую крепость, – буркнул Блинков. – Как всех. Но сперва на допрос.

Митя покорно склонил голову. Он совершенно не представлял, о чём его могут допрашивать и что ему говорить, только отчётливо понимал, что судьба его уже решена. Иначе бы эти офицеры не стали проделывать столь долгий путь.

Проехав немного по улицам и мостам, сани остановились прямо на Дворцовой площади. Блинков махнул дежурному офицеру, маячившему в стеклянных дверях длинного здания, и тот вышел им навстречу:

– Следуйте за мной.

Фельдъегерь вынул из саней пачку бумаг и слегка подтолкнул растерявшегося Митю к дверям. В передней стояли два молодых солдата, с ними и оставили Гончарова.

Длинная стрелка пробежала всего половину круга по резным настенным часам, когда вернулся дежурный офицер.

– Пройдёмте, – сказал он и повёл юношу через площадь к Зимнему дворцу.

Совсем по-другому представлял Митя первый визит во дворец. Он думал попасть туда на аудиенцию для пожалования в камер-юнкеры, например. Или с важным донесением по службе. Но не так – с жандармами, ночью, замёрзшим и изрядно голодным. Хорошо хоть не в кандалах.

В большой полутёмной комнате, куда его привели, за столом сидел довольно молодой кудрявый генерал-адъютант. Три свечи в подсвечнике освещали лишь его равнодушное лицо. Он обмакнул перо в чернильницу и, подняв взгляд на Дмитрия, уточнил:

– Гончаров Дмитрий Николаевич, были ли вы на площади у Сената 14 декабря 1825 года?

Митя сглотнул, слова не шли из горла.

– Был, – выдавил он.

– Состоите ли вы в каком-либо обществе?

– Да.

– Кто вас туда принял? – поморщившись, спросил генерал.

– Одоевский, – ответил Митя и уже по выражению лица собеседника понял, что это был неправильный ответ, тот, что увлечёт его в бездну.

– Вы же москвич, кого ещё вы знаете в Петербурге? – голос генерала стал вкрадчивым. – Расскажите.

– Никого не знаю, – теряя почву под ногами, сказал Митя и вдруг вспомнил: – Кюхельбекера!

– А где вы познакомились с Кюхельбекером?

– Ну вот у Одоевского же и познакомились, – растерянно ответил Митя и безропотно подписал поданную ему бумагу.

Некоторое время он ожидал решения в коридоре в обществе всё того же дежурного офицера, а потом знакомый уже жандарм отвёз его через мост в крепость.

В доме Гончаровых царили тоска и смятение. Мать вставала рано, тщательно одевалась и уезжала куда-то на весь день. Возвращалась поздно и не в духе, гоняла прислугу и дочерей, потом запиралась у себя до утра, не желая ни с кем разговаривать, и, судя по бормотанию, доносившемуся из-за двери, истово молилась. Отец вообще перестал выходить из флигеля, только его слуга иногда, озираясь, пробирался через двор за ворота. Прислуга и гувернантки притихли, даже уроки спрашивали с сестёр не строго, но игры не поощряли. Катерина носила чёрное платье и нарочито отворачивалась, когда к ней обращались. Впрочем, обе столицы надели траур по императору Александру, поэтому старшая сестра в этом не отличалась от остальных горожанок. Саша с Ташей ещё могли не носить чёрное и не носили, но и у них настроение было подавленное. Ивану и Серёже новость про Митю сообщили тоже, но приехать они не могли и слали одно за другим встревоженные письма с расспросами. Но девочки сами ничего не знали. Мать же письма прочитывала и бросала их на столе раскрытыми, не отвечая.

Таша каждый день жадно перебирала почту, надеясь найти письмо от брата, но напрасно. Оттуда, куда увезли Дмитрия, писем не приходило. Из газет девочка узнала, что все задержанные по делу 14 декабря 1825 года содержатся в Петропавловской крепости, теперь судьба Мити стала яснее – но от этого ещё ужаснее.

В каземате день почти не отличался от ночи. В маленькой, размером с чулан, камере царил полумрак. Окно под самым потолком было замазано краской, и свет сквозь него практически не проникал. Митя лежал на узкой кровати и раз за разом прокручивал детали допроса. Надо было сказать, что он вообще ни в чём не замешан, и его бы отпустили. Хотя нет, конечно же, нет. Наверное, в этих крохотных комнатусах огромной крепости содержатся все, кто присутствовал тогда на площади. Как же не вовремя он согласился исполнить просьбу Владимира! Интересно, а Володю тоже арестовали? Уж брата его Александра наверняка, не зря Одоевский за него так боялся. Знал ведь, знал! Сам не поехал! А милейший Вильгельм Карлович? Наверняка тоже тут. Митя попробовал тихонько постучать в стенку. Через несколько минут ему осторожно ответили. Но шифра он не знал, поэтому, удостоверившись, что в крепости действительно не один, Митя оставил свои попытки.

Дни Митя пробовал считать сперва по обедам – суп, хлеб, слабый чай – но скоро сбился: записывать было нечем и не на чем. Но явно прошло не меньше месяца, пока за ним не пришёл помощник коменданта. Митя как раз раздумывал о том, что пора как-то дать знать о себе родным и как бы уговорить на это солдата-надзирателя, поэтому аж подпрыгнул на кровати от скрежета железной решётки.

– Ну что же вы так нервничаете? – спокойно сказал ему

толстый плац-майор, подходя поближе.

– Д-д-доброе утро, н-н-ничего, – от долгого молчания язык, казалось, задеревенел.

– Позвольте, я завяжу вам глаза, – помощник коменданта обошёл Гончарова сзади и накинул ему на лицо свёрнутый белый платок.

– Б-боже, что за нелепица, – пробормотал Митя, подчиняясь.

Майор, хмыкнув, взял его за руку и повёл куда-то по переходам и лестницам.

«Не на казнь же! – в смятении думал Митя. – Не может быть, чтоб вот так сразу казнить! За что?!» Последнюю мысль, видимо, он сказал вслух, потому что майор ответил:

– Вот сейчас мы это и выясним, – и, легонько втолкнув его в жарко натопленную комнату, снял повязку.

В первый миг Митя зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза, оробел. За большим столом сидели десятка полтора генералов и чиновников высокого ранга – с орденами, лентами, гладкие, лоснящиеся. На их фоне Гончаров сразу почувствовал себя последним дворовым мальчишкой – в неменяной месяц одежде, нечёсанный, с пробивающейся жидкой, юношеской бородкой. Среди этих высокопоставленных лиц он вдруг узнал великого князя Михаила. Мите стало дурно.

Вероятно председательствующий, невысокий сухонький старичок, которого Митя не видел раньше, спросил торже-

ственно:

– Гончаров Дмитрий, высочайше учреждённый комитет для изыскания о злоумышленном обществе требует от вас показаний. На начальном допросе вы говорили, что в тайное общество вас принял Одоевский. Однако, знакомство с вами Александр Одоевский отрицает. Отвечайте чистосердечно и без малейшей утайки.

– Александр Одоевский? – Дмитрий почувствовал головокружение от неожиданности. – Я говорил о Владимире Одоевском, его кузене. С Александром я не знаком.

– О котором Владимире? – раздался голос помладше с другого конца стола. – Не о том ли, что выпускал журнал «Мнемозина» вместе с Кюхельбекером?

– Да, о нём, – подтвердил Митя в растерянности, не понимая, спасает ли он сейчас себя или топит друга.

– Тогда о каком обществе вы говорили?

– Об «Обществе любомудрия» в Москве. Это просто общество для бесед о философии и литературе, понимаете?

– Но почему вы привезли письмо Александру Одоевскому 14 декабря 1825 года? Знали ли вы его содержание?

– Владимир попросил меня. Письмо я вёз запечатанным и не знаю, что там было написано.

– И от Александра Одоевского вы пошли сразу на Сенатскую площадь? Почему?

Митя попытался припомнить.

– Туда шли все, – честно сказал он.

Послышались перешёптывания.

«Совсем мальчишка», – услышал Митя и даже немного обиделся.

Затем последовали ещё вопросы – про Кюхельбекера, про Любомудров. Митя отвечал без утайки, ему показалось, что это верный путь к свободе – ведь он не делал ничего предосудительного. Но после допроса помощник коменданта проводил его обратно в камеру и запер решётку.

Зима подходила к концу. Февральские морозы отступили, снег на дорогах размяк и превратился в кашу. Наталья Ивановна осунулась, похудела, перестала выезжать. Выходила к завтраку, бегло проглядывала «Северную пчелу», которую после ареста Мити стала выписывать из Петербурга, и до ужина скрывалась в своей комнате. Вечером ворчала на дочерей, привычно проверяя их знания, полученные за день, следила, чтобы все усердно молились, давала работу и ругала прислугу, отправляла письма и рано, до темноты, снова уходила к себе. Девочки и прежде никогда не были особенно близки с матерью, а теперь она казалась им некой карающей дланью, безличной, бездушной.

– Сашинька, ну что же нам делать?! – вопрошала в отчаянии младшая сестра.

Девочки сидели на сундуке в передней, спрятавшись за шубами от посторонних глаз.

– А что мы можем, Таша? Если бы тётушка Екатерина

Ивановна была в Петербурге, она бы похлопотала. А так нам остаётся только ждать, – Саша, как всегда, рассуждала разумно, но Натали не устраивало такое решение. Она даже ногой в сердцах топнула.

– А вдруг Мите нужна наша помощь? Давай сбежим в Петербург, а? Прoberёмся в крепость... Или нет, лучше сразу к государю, упросим его за Митиньку не хуже Екатерины Ивановны!

– Боже мой, Таша, какой ты ещё ребёнок! – возмутилась сестра. – Не вздумай даже! А не то я маминьке пожалуюсь!

– Нет, нет, что ты, я так сказала, но надо же что-то делать!

Александрина с подозрением посмотрела на Ташу:

– Я считала тебя рассудительной и спокойной. А теперь боюсь, как бы ты не наделала глупостей.

– Не бойся! – Таша примирительно обняла старшую сестру. – Я, пожалуй, попробую подступиться к маминьке. Вдруг она уже знает, что делать, только нам не говорит.

– Нет, об этом не может быть и речи, – Наталья Ивановна была возмущена, но старалась не подавать виду, глядя на слёзы, застывшие в глазах младшей дочери. – Это не детские забавы, да и денег у нас нет лишних в столицу кататься просто так! Вот вернётся Екатерина Ивановна, всё уладит.

– Да когда она вернётся... – безнадежно всхлипнула девочка.

– Обещала весной, – твёрдо ответила мать, всем своим

видом отменяя возможные возражения.

Всю весну Таша места себе не находила, но к матери с распросами лезть боялась – и так по её усталому раздражённому виду было ясно, что новостей, во всяком случае хороших, нет. Вот уже и май наступил, зазеленели листья на деревьях, на дворе из-под забора полезли одуванчики, когда пришла весть из Петербурга, но не о Мите: умерла вдовья императрица Елизавета Алексеевна. Новость сама по себе печальная, императрица была ещё довольно молода, но это значило, что весь её двор с фрейлинами, в числе которых и тётушка Екатерина Ивановна, вскоре вернётся в столицу.

Тётка прислала матери длинное письмо, в котором утешала и обнадеживала сестру, обещая похлопотать за племянника, а так же звала саму Наталью Ивановну приехать проститься с императрицей, а заодно «уладить дела лично».

Мать застала Ташу в гостиной за чтением «Северной пчелы».

– Доброе утро, maman! – девочка поднялась с кресла для приветствия, зажимая пальцем в газете заинтересовавшее её место.

– Bonjour, ma chérie! – впервые за долгое время улыбнулась Наталья Ивановна. – Что ты читаешь?

Таша повернула газету заголовком вверх, чтоб матери было видно, и, волнуясь, спросила:

– Я здесь прочла, что тело императрицы Елизаветы Алексеевны будет выставлено для прощания в Петропавловском

Соборе... Я не так хорошо знаю Петербург, как вы, маминька... Но ведь Петропавловский Собор находится в Петропавловской крепости, верно?

– Да, разумеется, на Заячьем острове, – рассеянно ответила мать, обмахиваясь письмом.

– Но... Но ведь там Митя! – Таша уронила газету на пол, всплеснула руками и присела, собирая рассыпавшиеся листы.

Действительно, хоть к заключённым и не пускали праздных посетителей, через знакомых просачивались слухи, что можно проникнуть в крепость – если получить высочайшее позволение. Тем более, что до двадцать второго июня вход в Петропавловский Собор был свободным для прощания с её императорским величеством, может, конечно, и не для всех, но уж бывшую фрейлину не посмеют не пропустить, как заявила мать, вдруг обретшая вновь благородную осанку и твёрдый взгляд. В одиночку ехать не подобало, поэтому Наталья Ивановна решила взять с собой одну из дочерей. Девочки Гончаровы всегда жили дружно, почти не ссорились, как обычно бывает в больших семьях, но теперь они стали серьёзными соперницами. Каждая стремилась доказать матери, что именно она достойна ехать в Петербург. И каждая пользовалась для этого своими средствами. Екатерина и так была послушной дочерью, а сейчас из кожи вон лезла – так старалась угодить. Александрина уговаривала мать и всех

окружающих, что она одна сможет выдержать поездку и в Собор, и в крепость, а ещё договорится со стражниками, чтобы их пропустили, а ещё... Наталья Ивановна ужаснулась и сняла Сашину кандидатуру с рассмотрения. Натали же просто перестала есть. Она грустно смотрела на мать своими зеленоватыми глазами и только вздыхала безнадежно. Её и так тонкие черты заострились, детские щёчки пропали. Даже суровое сердце Натальи Ивановны дрогнуло. Ворча: «Без меня угробите тут ребёнка», мать приказала укладывать Ташины вещи вместе со своими. В этот вечер Натали поужинала с аппетитом. В её глазах радостно плясали чёртики.

Петербург встретил путешественниц ветром и сыростью. Одета по московской жаре Наташа быстро озябла. Экипаж продувало всё больше по мере приближения к заливу. Таша старалась отвлечься, разглядывая причудливо украшенные дома и мосты. Девочке нравилось бывать в новых местах, а Гончаровы так мало ездили! Но сейчас у неё в голове билась другая мысль – о брате. Удастся ли свидеться? Терзать вопросами мать она не решалась – Наталья Ивановна сидела отрешённо, погружившись в себя, лишь сказала при въезде в город, что они не поедут сразу к тётушке, а поищут её сперва в Петропавловском Соборе.

На Заячий остров вел широкий мост, упирающийся в каменные ворота. Едва проехав через них, Натали увидела золотой шпиль Собора, взрезавший нагрубевшие дождём ту-

чи. Шпиль был даже выше деревьев в Полотняном Заводе, ничего подобного раньше она не встречала. Мать начала молиться тихим шёпотом. Её лицо, и так бледное, казалось ещё белее на фоне траурного капота. Коляска подъехала к портику с колоннами и остановилась. Таша помогла матери спуститься. Вокруг толпились люди, но царила печальная тишина, нарушаемая только цокотом копыт да стуком колёс отъезжающих экипажей. Соборная площадь была окружена приземистыми, по сравнению с устремившимся в небо храмом, двух и трёхэтажными каменными зданиями. «Где-то здесь Митя... – тоскливо подумала Таша. – Пока не свижусь – никуда отсюда не уеду! Господи милостивый, помоги!» И они вошли в Петропавловский Собор.

Внутри прямо у входа на них налетела тётушка. Тщательно уложенные букли выглядывали из-под чёрного шёлкового чепца, пышное роскошное платье было также траурным, но румяные щёки и здоровая полнота делали её будто бы моложе и счастливее матери.

– Боже мой, Наталья, ну наконец-то! – воскликнула она приглушённым голосом, обняв свою младшую сестру. – Есть для тебя новости, да какие! Еле дождалась вас, но вы прям как знали, в аккурат вовремя приехали. Ташенька, – повернулась Екатерина Ивановна к племяннице и расцеловала её в обе щеки, – здравствуй! Как выросла! Не ожидала тебя увидеть сегодня, ну да, Бог даст, всё получится. Пойдёмте сперва, попрощаетесь с ней, а позже всё расскажу.

Изнутри собор показался Таше большой бальной залой: такие же колонны, огромные высокие окна, всюду мрамор. В глубине залы поражал воображение распростёршийся аркой позолоченный резной иконостас. Занятая разглядыванием убранства, Натали не сразу заметила закрытый белый гроб перед алтарём. К гробу по одному и небольшими группками подходили люди. Кто-то, немного постояв молча, сразу отходил. Кто-то опускался на колени и молился.

С Натальей Ивановной творилось что-то странное. Она то краснела, то бледнела, а потом вдруг вырвала свою руку из Ташиной, порывисто подошла к гробу, упала на пол и зарыдала. Таша засемила следом и аккуратно опустилась на колени рядом с матерью.

Императрица Елизавета Алексеевна занимала отдельное место в истории семьи Гончаровых. Её любили и ненавидели: немудрено, ведь именно она разжаловала Наталью Ивановну из фрейлин, именно она выдала её замуж за папеньку, но благодаря ей и стараниями тётушки Екатерины Ивановны некоторые дела в семье Гончаровых улаживались сами собой. С надеждой на новое чудо Таша и помолилась за душу усопшей императрицы.

Екатерина Ивановна не раскрывала своего секрета до тех пор, пока они не вышли из Собора в Комендантский сад. Яблони уже отцвели, осыпав дорожки белыми лепестками, увядающая сирень под морозящим дождём одурманивала запахом. Наталья Ивановна держалась с достоинством, и Натали

старалась подражать ей, но внутри у неё всё подпрыгивало от нетерпения.

– Куда ты нас ведёшь, ma chère? – не выдержала затянувшегося молчания мать. – Нас ждёт ямщик, нужно забрать вещи и отпустить его.

Тётушка остановилась и повернулась к ним, озорно глядя сияющими глазами.

– Возьми, – она вынула из-за корсажа и протянула распечатанное письмо. – С ямщиком я улажу, перегрузим ваше добро в мою карету. А тебе пора!

– Куда?.. – начала было Наталья Ивановна, но, вчитавшись в письмо, зарумянилась и, схватив сестру за руку, воскликнула. – Спасибо! Я перед тобой в долгу!

– После сочтёмся! – отмахнулась тётушка. – Только вот про Натали я не подумала.

– Что? Что?! – Таша заметалась от матери к тётке, чувствуя, что упускает нечто важное.

– Екатерина Ивановна получила для меня высочайшее дозволение на свидание с Дмитрием. Здесь, в комендантском доме. Через час, – медленно, как бы не веря своим словам, произнесла мать.

Таша почувствовала, что сейчас упадёт в обморок.

– А я? – безнадёжно спросила она, глядя в отстранённое лицо матери.

Ответа она не услышала. В ушах зазвенели колокола, шум нарастал, взор застлала белая пелена. Когда туман рассеял-

ся, Таша увидела обеспокоенную улыбку тётушки, склонившейся над ней. Сама девочка лежала на скамейке, на коленях матери.

– Ну слава богу! – Екатерина Ивановна убрала уксусницу, висевшую на шатлене, в складки платья. – Ты чего так распереживалась, ma petite fille?

– Я... – Наташа села и с мольбой повернулась к матери. – Маменька, возьмите меня с собой!

– Насчёт тебя здесь ничего не сказано.

Глядя на отчаянье девочки, Екатерина Ивановна вмешалась:

– Она же ребёнок! Попробуем договориться.

Старый одноногий комендант Сукин пугал Митю. Не то, чтобы тот был особенно груб, но всё-таки он считался главным в этой огромной крепости, поэтому Митя каждый раз боялся его прихода – вдруг принесёт какие-нибудь ужасные новости. Иногда бедняге снилось, что Сукин грохочет решёткой и приказывает: «На расстрел!» А потом Митя стоит перед строем солдат – все в белых штанах и красных мундирах – и на него направлено несколько десятков ружейных стволов. От команды: «Пли!» Митя всегда просыпался и с облегчением вспоминал, что он не военный, поэтому его наверняка не расстреляют.

В этот раз Сукин растворил решётку без лязга и пропустил вперёд себя майора-адъютанта Подушкина, который

нёс Митин сюртук. Сердце Митино ёкнуло и упало куда-то в пятки.

– Одевайтесь, – почти любезно предложил комендант. – К вам гости. Бриться будете? Можно позвать брадобрея.

– К-к-какие гости? – недоумевающе спросил Дмитрий, пытаясь унять бешено стучащее сердце.

– Матушка ваша пожаловала с сестрицей. Не хотел я малолетнюю-то в крепость пускать, но как упрашивали! И глаза у неё огромные, и слёзы в них плещутся. Никому не устоять! В общем, жду вас у себя, – и Сукин вышел.

Через три четверти часа переодетый в чистое платье и выбритый Митя стоял перед Комендантским домом. Дождь явно недавно закончился, судя по лужам и хмурому небу, но и такое небо, и мокрая листва, и прохладный, пронизывающий отвыкшего от движения воздуха Митю ветерок, радовали бедного заключённого. Он ещё не успел даже поверить в самую возможность приезда матери. Сопровождающий Гончарова плац-майор постучал в дверь, впустил его внутрь, но сам остался на улице.

В доме коменданта было светло и уютно. За накрытым к чаю столом сидели, помимо Сукина, мать и Натали, обе бледные, в траурных платьях. Митя сразу испугался, не случилось ли чего, но и обрадовался. Мать встала к нему навстречу. Он неловко шагнул вперёд, обнял её стройную фигуру. Наталья Ивановна подняла голову, чтобы взглянуть сы-

ну в лицо.

– Дмитрий, ты вырос, – произнесла она по-французски.

– Bonjour, maman, – ответил Митя и спросил встревоженно: – У вас всё в порядке? По кому траур? – он перевёл взгляд на Сукина и заметил, что тот поморщился.

– А, – чуть небрежно взмахнула рукой мать, делая шаг назад, – её величество Елизавета Алексеевна скончалась, упокой Господь её душу, – она перекрестилась. – Ты не знал?

– Мы здесь не в курсе новостей, простите, – снова посмотрел на Сукина Митя и тоже осенил себя крестом. Он не вполне понимал, как себя вести. Ему хотелось снова обнять мать, подхватить на руки Ташу – как же она повзрослела и посе-рёзнела! – засыпать их обеих вопросами о сёстрах и братьях, пожаловаться на жизнь в крепости наконец, но присутствие коменданта сковывало ему тело и язык.

Генерал поймал его взгляд и пришёл на помощь:

– Да вы присаживайтесь, Дмитрий. Наливайте чаю, берите печенье. У нас здесь по-простому, без прислуги. Некоторые князья теряются, но вы-то не избалованный барчук, а наследник работающего достойного рода. Как, кстати, поживает ваш уважаемый свёкр? – обратился он к Наталье Ивановне.

– Здоров, спасибо. Занят в имении, поэтому к нам приезжает нечасто, – ответила мать.

– А как ваши дети? – продолжал поддерживать светскую беседу комендант. – Одну красавицу я вижу, хотя, признаться, не ожидал, здесь редко бывают столь юные особы.

Натали зарделась. Хромой генерал был ей несимпатичен, но благодаря ему удалось увидеть Митю! Таше очень хотелось обнять брата, расспросить, отчего он так бледен, бывает ли он на воздухе, разговаривает ли с кем-нибудь, дают ли ему книги? Но вклиниваться в разговор старших было немислимо, и девочка сидела как на иголках, вся обратившись в зрение и слух.

Мать отвечала на вопросы коменданта подробно, и Натали вдруг поняла, что вся эта светская болтовня – для Мити, ответом на его жадный тоскливый взгляд. И ещё поняла, что другого шанса поговорить им не дадут – генерал сидел за столом, откинувшись в кресле, обхватив мясистыми пальцами чашку чая, и явно не собирался никуда уходить.

– Я понимаю, ваше превосходительство, вы не можете обсуждать такие вещи, но могу ли я надеяться?.. Ведь мой сын невиновен, он всегда почитал Его Императорское Величество и ни в каких беспорядках не участвовал! – голос матери дрогнул, и она неловко, со звоном, опустила чашку на блюдце. – Правда, Дмитрий? – она умоляюще посмотрела на сына.

– Да, тамап, я говорил об этом следствию.

– Дело в том, уважаемая Наталья Ивановна, что я действительно не знаю, как будет определена участь моих подопечных, – генерал улыбнулся, но улыбка вышла неприятной. – Лично мне кажется, что вы правы, и этот интеллигентный молодой человек не способен ни на какой бунт. Но всё реша-

ют другие, более компетентные лица. Подождите немного, я думаю, через неделю-две мы всё узнаем. А сейчас, боюсь, наше время вышло, пора прощаться.

После этих слов Натали выскочила из-за стола раньше матери и, забыв про приличия, бросилась к брату. Успевший встать со стула Митя обхватил её обеими руками за талию и, приподняв, расцеловал в щёки. От Таши пахло чем-то сладким и домашним, её выбившиеся из-под чепца волосы щеко-тали лицо изголодавшегося по человеческим прикосновениям Мити. Расставаться было невыносимо. Мать тоже подошла обняться. Её глаза увлажнились. Она перекрестила сына и обещала приехать снова, когда будет возможность.

– Мы пока поживём у Екатерины Ивановны, – со значением сказала мать. – Посмотрим, что у нас получится.

Всю дорогу до квартиры тётушки Наташа прорыдала. Её не смущало присутствие ямщика и прохожих, оборачивающихся на их открытую коляску. Раньше, дома, она представляла себе Петропавловскую крепость мрачноватым готическим замком, но Митя был от неё как бы отдельно. В реальности приземистые рavelины оказались не столь страшны, сколько унылы и подавляющи. И Митя – исхудавший, посе-ревший, как будто ставший прозрачным в этих стенах, при-зраком крепости. Таша замотала головой, отгоняя ужасное видение и разбрызгивая слёзы. Она настолько была погруже-на в себя, что не реагировала на увещевания матери и тётки.

– Но, ma chérie, ты напрасно так переживаешь. Всё уладится, слышишь? Est-fille malheureuse!

– Поживём пока в Петербурге. Посмотришь город, посетим знакомых. Здесь такие чудесные бывают приёмы! – в голосе матери появилась мечтательность.

– Я, конечно, ничего не могу обещать, – Екатерина Ивановна обращалась к сестре. – Но, может, нам удастся встретиться с его величеством. Или с её величеством, – подумав, уточнила она. – Я сама пока мало бываю при дворе, вся эта смена лиц, суматоха – сложно влиться обратно при непривычных обычаях, которые новый двор успел установить за полгода. Но не так уж я плоха. Поборемся!

В первую неделю новостей не было никаких. Екатерина Ивановна с утра уходила во дворец, а вечером везла родственниц в гости. Наталье Ивановне даже пришлось взять у сестры пару её туалетов, из тех, в которые она перестала вмещаться с возрастом. Наташе сначала было скучно и тоскливо, но потом даже начало нравиться – особенно, если у хозяев дома оказывались дочери-ровесницы. Её звали петь или к роялю, расспрашивали о Москве – у многих там были близкие, знакомые. Но по возвращении в тётушкину квартиру Наташу снова одолевала грусть. Вскоре Екатерина Ивановна перестала приходить домой ночевать.

– Ну вы тут уже освоились, – сказала она. – И мне надо привыкать. Чем быстрее – тем лучше, тем больше я смогу

для вас сделать.

Без Екатерины Ивановны стало пусто. Натали выпросила у матери разрешение и стала выходить из дома одна, в сопровождении лишь тётушкиной экономки. Она гуляла по мостам и набережным под слабым утренним солнцем, едва пробивающимся сквозь бесконечные нависающие над столицей тучи. Мать просыпалась позже и после обеда составляла ей компанию, нанося очередные визиты. Но развлечения с каждым днём приносили всё меньше удовольствия – сказывалось напряжённое ожидание новостей.

В конце второй недели пребывания в Петербурге в свою квартиру неожиданно, прямо с утра, ворвалась тётушка. На улице лило, как из ведра, поэтому Натали была дома.

– Réveillez-vous, вставайте! – громогласно воскликнула Екатерина Ивановна. – Где твой taman? Спит?

– Вовсе нет, – Наталья Ивановна, всё ещё в ночном чепце, вышла из комнаты. Несмотря на отсутствие причёски, она не выглядела заспанной, напротив, её лицо выражало готовность к действию.

– Ну и отлично. Вот бумага, перо. Садись, пиши.

Наталья Ивановна, как прилежная ученица, без лишних вопросов расположилась за бюро.

– Écrivez, – повторила Екатерина Ивановна. – Непременно по-французски. «Всемиловитейший государь! Пишу к вам с надеждой на великодушие Вашего Императорского Величества и милость к моему первенцу, наследнику, Дмитрию»

Гончарову, который по малолетству и недомыслию оказался не в том месте не в то время. Сын мой Дмитрий всегда неизменно выказывал безмерное уважение и верноподданные чувства к Вашему Императорскому Величеству и впредь всегда будет с почтением служить Вам и ничем не вызовет Вашего неудовольствия. С верою в милосердие, безутешная мать, жаждущая видеть сына, Наталья Гончарова». Готово?

Екатерина Ивановна выхватила письмо и, помахивая им, чтобы скорее высохли чернила, обратилась к Наташе.

– Выйди, выйди, ангел мой, не для девичьих ушей это.

Её тон не предполагал возражений, поэтому, как ни хотелось Таше остаться, пришлось подчиниться и ожидать за дверью.

Голос тётушки через щель звучал приглушённо:

– Шесть лет каторги и вечное поселение! Тьмутаракань, Сибирь! Но я точно знаю, государь милостив. Будь мужественна, та chère. Скоро всё решится.

Натали прислонилась спиной к двери и в бессилии опустилась на пол.

Рано утром двенадцатого июля за Митей пришли. Он ещё спал и спросонья долго не мог понять, чего от него хочет часовой. Но тот и не отвечал. Увидев знакомые очертания комендантского дома, Митя сперва решил, что снова приехали мать с Ташей. Но количество людей вокруг и внутри смутило

его. В доме его отвели не в гостиную, как в прошлый раз, а в какую-то небольшую комнату, где уже находилось несколько незнакомых ему мужчин. Небритые неумытые лица и смятая одежда выдавали в них таких же узников, как он сам.

– О, ещё один, – прокомментировал высокий кудрявый молодой человек. – Ты кто, мальчик? Я тебя ни разу не видел.

– Дмитрий Гончаров, к вашим услугам, – церемонно ответил Митя, разглядывая незнакомца. «Так вот как выглядят настоящие заговорщики», – подумал он.

– Муравьёв Александр Николаевич, – отрекомендовался собеседник. – Ты недавно вступил в «Союз»?

– Не знаю, о чём вы говорите, сударь, – насупился Митя. – Я вообще в Петербурге проездом был, впервые.

– Судебная ошибка? – удивился Муравьёв. Он взлохматил свою густую шевелюру и выглядел почти весело. – Ну-ну, брат, не бойся. Бог милостив, а государь милосерден. Я сам давно из Петербурга, а вот взяли же.

Вернувшийся часовой прервал беседу и провёл всех собравшихся в большой зал. Там их уже ждали. За огромным столом, поставленным покоем, сидели самые высшие чины государственной власти, а сзади, в глубине комнаты, были ещё лица, и все что не митрополит, то сенатор. У Мити помутилось в голове, особенно после того, как им представили данное собрание – Верховный уголовный суд. Он стоял, и, словно через пуховую перину, слушал, как всем по очереди

зачитывали приговор. Дмитрий Николаевич Гончаров оказался в списке последним. Из приговора он узнал, что осуждён за цареубийство по VI разряду, и положено ему было шесть лет каторги и вечное поселение в Сибири, но милостивый государь ему лично отменил каторжные работы, оставив только поселение на двадцать лет, без лишения дворянства.

Митя не успевал осознать одну новость, как её сменяла другая.

Цареубийство?? Какого царя? Когда? Кто? Я???

Каторга! Сибирь навечно! Ах, нет, обошлось, и всего двадцать лет. Это мне будет тридцать восемь. И я останусь дворянином. Бедная маминька, доживёт ли она? Это разорвёт ей сердце...

Митя не знал, радоваться ему или оплакивать свою судьбу. Он был оглушён и раздавлен.

Осуждённых вывели из зала, но проводили не обратно в Алексеевский рavelин, а переправили по мосту в Кронверкскую куртину. Митя зашёл в отведённую ему камеру, упал на кровать и забылся.

Разбудили его голоса. По коридору ходили, переговариваясь, часовые, хлопали двери. Через небольшое окошко под потолком было видно, что снаружи уже темно.

Когда в распахнувшемся проёме появилась фигура в форме, Митя чуть не свалился с кровати от неожиданности.

Всех узников вывели из крепости. Митя даже не думал, что их так много. Вокруг в каре стояли солдаты со штыками,

направленными внутрь, на заключённых. На дворе, действительно, была ночь – пасмурная, мрачная, так что невозможно было определить время. Но всё освещалось многочисленными кострами, отблески огня красными полосами ложились на лица – сплошь незнакомые. Вдали, на одном из валов крепости, Митя заметил виселицу и задрожал. Но на страшном орудии казни висело всего пять петель. Зато палачей вокруг было без счёта. Офицеры на лошадях подъезжали к заключённым, ломали над их головами шпаги, с военных срывали мундиры и бросали вместе с орденами в огонь. Митя с ужасом ждал, что экзекуция дойдёт и до него, но к концу страшного действия нетронутыми остались двое – он сам и высокий молодой офицер в мундире с орденами, в котором Митя узнал Муравьёва. Александр Николаевич смеялся, что ещё больше шокировало юного Гончарова, и так не вполне понимавшего происходящее. Всё казалось дурным сном. Но проснуться никак не получалось.

Глава 4. Высочайшее внимание

«Не родись красивой, а родись счастливой».

(Народная мудрость)

Мать не стала ждать отъезда Мити из Петербурга – всё было решено. Прощание в доме коменданта крепости Сукина состоялось на следующий же день после казни и было полно слёз и сожалений. Натали потом тётушка отпаивала настоем валерианы, а мать скрупулёзно составляла список вещей в дорогу с учётом пожеланий Дмитрия. Всё было куплено новое, самое лучшее. «Ну и что, что Сибирь! – заявила Наталья Ивановна. – Мой сын – дворянин и честный человек, я не позволю ему ехать в тюремном халате!» Екатерина Ивановна согласилась и добавила от себя средств на покупки. Вопрос наличных денег стоял остро, так как официально никаких ценностей провозить не разрешалось, но по старым дворцовым традициям фрейлина собственноручно зашила пачку ассигнаций в подкладку жилета. В дополнение к этому, кошелёк с деньгами был тайно передан Мите через плац-майора Подушкина, добрейшей души человека, по-отцовски заботящегося о своих узниках.

Как только всё было устроено, мать и дочь Гончаровы выехали в Москву.

Дома, казалось, ничего не изменилось. Так же девочкам и Серёже задавали много уроков, так же все выслушивали наставления матери. В остальное время Наталья Ивановна беспрестанно молилась. Отец не выходил из своего флигеля. Первое письмо от Мити пришло в сентябре, уже после коронации нового Императора. Впрочем, в торжествах Гончаровы не участвовали, только в праздничном богослужении. Тонкий лист желтоватой писчей бумаги после прочтения матерью был передан дальше. Дети читали, склонившись над строчками все вместе. Дойдя до конца, Катя расплакалась, капнув слезинкой на бесценное послание. Наталья Ивановна накричала на неё и, забрав письмо, ушла во флигель, что бывало редко.

– Зачем он это сделал? – спросил Серёжа.

– Что именно? – буркнула Саша, свернувшись в кресле и обняв колени.

– Зачем Митя хотел свергнуть царя? Он что, дурак?

– Сам ты дурак! – всхлинула Катя. – Ничего такого он не хотел, случайно оказался в Петербурге, ты же читал только что. А теперь навечно в Сибири... – она снова заплакала.

– Катинька, не плачь, милая, – Таша обняла сестру за плечи. – Он держится, он молодец у нас, что-нибудь придумаем.

– Кто придумает? Ты, что ли? – Катерина сердито сбросила руку сестры. – Иди, в куклы играй лучше, – и сама выбежала из комнаты.

Таша осталась стоять посреди комнаты, растерянно моргая.

– Не сердись на неё, она не в себе, – меланхолично заметила из кресла Саша. – Мы тут все, как в сумасшедшем доме. Помяни моё слово, нам от матери теперь житья не станет совсем. Она все надежды на Митю возлагала. Он у неё был и свет в оконце, и будущий наследник. Кого теперь на эту роль? Ваньку? Ну так они с матерью два сапога пара, спуску никому не дадут. Хлебнём мы с тобой, Ташка. И ты тоже сильно не петушишь, – обратилась она к притихшему брату. – Марш в детскую! Всем достанется.

Саша оказалась права. И так не особенно радостная их жизнь стала куда более нервной благодаря матери: уроки с почти военной муштрой, постоянные общесемейные молитвы, строжайшее соблюдение всех постов.

Отдушиной для девочек стали танцы. Наталья Ивановна, будучи в прошлом фрейлиной, сама хотела вращаться в свете, она очень любила бальную суматоху и внимание к своей персоне. К тому же, учитывая материальное положение, следовало повыгоднее пристроить дочерей замуж, что мать им и объяснила в ответ на Ташин робкий отказ ехать на бал. Поэтому, заручившись финансовой поддержкой сестры, она, несмотря на постоянную экономию в быту, вывозила девочек в свет. Разумеется, для Саши и Таши балы были детские, организованные танцмейстером Иогелем. Катерина же, ко-

торой в мае исполнилось семнадцать, уже могла танцевать со взрослыми, но к Иогелю тоже ездила как бывшая ученица. Своей любовью к шумным балам она пошла в мать. Саша к идее замужества в пятнадцать лет относилась скептически, Таша же попросту терялась при большом скоплении людей и, бойкая с сёстрами, в светском обществе смущалась до слёз. Но танцевать нравилось обеим.

Тётка подарила Екатерине дорогой туалет, а младшим девочкам раз за разом перешивали старые платья. Тем более что Таша, очень быстро вытянувшись в рост, больше не могла донашивать одежду за старшими. Наталья Ивановна, сама посчитав бюджет, решила, что дешевле будет содержать в штате прислуги собственную портниху из крепостных, чем тратиться на новые наряды. У той получалось шить простенько, но со вкусом – самое подходящее для юных барышень. Основной статьёй расходов оказались туфли. Их тонкая кожаная подошва стиралась за несколько балов, и даже в атласе появлялись дыры от танцевальных па. Мать тогда ругалась, но что можно было поделывать? Ступни тоже росли, особенно быстро у Саши.

На балах у Иогеля, которые старый танцмейстер проводил для *adolescentes* по четвергам в особняке на Тверском бульваре, бывало довольно весело. Кроме возможности потанцевать, что доставляло девочкам удовольствие само по себе, здесь можно было пошутиться с подружками в дальнем углу, без бдительного присмотра матери, которая увлечённо

болтала с такими же, как она, матронами и, что греха таить, кокетничала с отцами юных танцоров.

Больше всего Таша общалась с Дашей Еропкиной и Катериной Малиновской, ровесницами Саши, так что вчетвером получалась хорошая компания. Отец Катиш был директором Московского Архива, где до ареста служил Митя. Однажды Алексей Фёдорович даже приходил к ним домой, выражал матери соболезнование, но та сделала вид, будто всё в порядке и не стоит беспокоиться. Правда, жалование, которое заработал, но не успел забрать Дмитрий, взяла, не поморщившись.

У старшего Еропкина, Михаила Николаевича, была огромная библиотека, с книгами редкими и древними, некоторым было по пять веков! Но и новые тома он тоже приобретал. Натали часто бывала у Даши и её сестёр в гостях, в их двухэтажном каменном доме в Большом Гнездниковском переулке, и урывками читала эти книги, пока отец семейства не заметил худенькую девочку, примостившуюся на банкетке возле стеллажей и уткнувшуюся чуть ли не носом в страницы, и не разрешил ей брать чтение на дом. Таша была очень рада, ведь мать теперь держала дома одни лишь учебники, чтобы дети не отвлекались от получения знаний, и художественную литературу можно было почитать только на каникулах у деда в Полотняном Заводе.

Катиш и Дарью не стремились отдать замуж быстрее, их материальное положение было куда лучше, чем у семьи Гон-

чаровых, девочки ездили на балы для собственного удовольствия. Катя Малиновская с первой минуты знакомства взяла Ташу под опеку и исполняла роль её связи с внешним миром. Когда к девочке подходили кавалеры, именно Катиш считывала согласие или отказ с её бледного от волнения лица и передавала очарованному юноше. Она же и осаживала особенно назойливых, сыпавших двусмысленными комплиментами, ухажёров. Впрочем, у Иогеля всё было в высшей степени пристойно. Сам танцмейстер приветливым хозяином дома постоянно находился в зале среди своих воспитанников, не допуская неловких ситуаций. Но время шло, девочки выросли, и пришла пора вывозить их на взрослые балы.

Первый большой выезд Натали будоражил весь дом. Именно она считалась красавицей среди дочерей Натальи Ивановны, и по всей Москве шла молва о нежном бутоне, расцветающем на семейном древе Гончаровых. Саму Ташу такие слухи ужасно смущали и огорчали. Саша над ней смеялась:

– Тебе льстить это должно! – говорила она. – Ты ж у нас и правда самая милая, только при Кате не проболтайся, обидится опять.

– Да ну что ты такое говоришь? – Таша, всплеснув руками, выронила обруч с фероньеркой, который собиралась примерить перед зеркалом. – Посмотри! – она ткнула пальцем в своё отражение. – Да ты меня сама лучше всех знаешь! Глаза как близко посажены, а правый ещё и косит. Цвет у них

непонятный, при разном свете – то карий, то с зеленью. Нос длинный. Лицо тоже, худое и узкое. Ну что ты смеёшься? – девочка аж покраснела от волнения.

Сестра подняла обруч и надела ей на голову. Потом обняла за плечи:

– Ну хорошо, уговорила. Давай я буду красавицей, а ты чудовищем вместо Ваньки, как в детстве играли, помнишь? – она снова хихикнула. – А у всех кавалеров Москвы извращённый вкус. Спорим, ты первая выйдешь замуж?

Бал в честь окончания русско-турецкой войны, на который были званы Гончаровы со всеми дочерьми, устраивал генерал-майор от кавалерии граф Сергей Григорьевич Строганов, внучатый племянник Натальи Ивановны. Сергей Григорьевич, тридцатипятилетний приятный мужчина с живой улыбкой и хитринкой во взгляде, которые очень его молодили, встречал гостей прямо на широком, хорошо освещённом крыльце своего особняка. Вечер для начала сентября был тёплый, даже душный, в воздухе чувствовалась влага. Вокруг дома стояли сотни карет, роскошно одетые дамы и не уступающие им кавалеры всё прибывали, так что Натали, прижавшейся к перилам и замешкавшейся, особняк показался бездонным колодезцем, куда, поднявшись, проваливаются все собравшиеся. Иначе как бы они туда все поместились? Отогнав глупые мысли, Таша выпрямила спину и смело двинулась вперёд.

Дом был действительно большой, с просторными светлыми залами, переходящими одна в другую, с высокими потолками, украшенными изящной лепниной, и все гости в нём растворились, не создавая ощущения тесноты. Напротив, места было так много, да и паркет так хорош, что Натали сразу захотелось танцевать. Саша потянула её за руку к огромному зеркалу. Из отражённого мира на девушек смотрели две волшебные красавицы. Одна постарше, но пониже, в голубом платье в стиле ампир, вторая – хрупкая высокая фея в белом, с открытыми плечами, с жемчугами на длинной шее, с причёской à la Grecque.

– Погляди, – засмеялась старшая, – на нас все смотрят!

Вторая, семнадцатилетняя, сразу потемнела взором, от чего стала ещё краше, и отпрянула от зеркала.

Натали и впрямь оказалась в центре внимания. Опустив взгляд, она прошествовала к матери, чтобы та представила её хозяйке дома.

Графиня Наталия Павловна, ещё молодая миловидная женщина с уставшим лицом, встретила их приветливо.

– Боже мой, какие у вас прелестные дочери! – воскликнула она, прижимая руки к цветам на декольте своего лавандового туалета. – Хотела б я, чтоб Лизанька выросла такой же. Жаль, мои мальчишки ещё так малы, не годятся вам в женихи.

– Благодарю вас за тёплые слова. Мне так же искренне жаль, – от всего сердца ответила Наталья Ивановна. – Но скажите, правда ли, что я слышала, сегодня здесь будут гости

высочайшего ранга?

– О, да, – довольно улыбнулась хозяйка. – Сергею Григорьевичу удалось пригласить к нам его императорское величество Николая Павловича. Мы все тут очень ждём.

Императора, действительно, очень ждали. Гости переходили от одного кружка к другому, негромко переговариваясь, но музыканты не играли, и прислуга с напитками и закусками тоже не появлялась в зале. Натали изнывала от нетерпения. Первый взрослый бал ей виделся иначе – весёлым кружением пар по паркету в почти неприличном вальсе или сумасшедшей мазуркой, как угодно, только не этим тягостным ожиданием человека, который, в сущности, был Таше неприятен уже одним фактом Митиной ссылки. От волнения начало противно тянуть «под ложечкой». Сёстры куда-то отлучились вдвоём, мать стояла рядом, но спиной к дочери, учтиво разговаривая о пустяках с каким-то невысоким толстяком в старомодном коротком фраке, кругом очертившем выпирающий живот.

Вдруг по зале прокатилась волна шёпота, и всё смолкло. Дамы, подбирая юбки, поспешили разойтись к стенам, увлекаемые пятящимися и низко склоняющимися в проход кавалерами. По освободившемуся коридору шествовал Николай Павлович. Его узкое длинное лицо с выпирающим подбородком выражало скуку, большие глаза под низкими тонкими бровями сонно блуждали, не останавливаясь ни на ком.

Одет император был в мундир, что, исходя из повода для бала, выглядело очень уместно. Подойдя к хозяйке дома, он чуть склонил голову в вежливом жесте приветствия и сразу подал ей руку для первого танца, открывающего вечер. Через долгие секунды между двумя ударами сотен сердец очнулся оркестр, и музыка привела в чувство всех замерших. Снова зазвучали голоса, зашуршали платья, застучали каблуки – бал начался.

В величественном полонезе пошли пары. Первой, в нарушение обычного порядка, император с графиней. Натали оказалась в середине торжественной процессии, её пригласил какой-то незнакомец из свиты его величества. Время от времени он неприятным масляным взглядом окидывал свою партнёршу, но, к счастью, молчал – польский танец не располагал к разговорам. Император танцевал вдохновенно, часто сменяя причудливые фигуры, которые повторялись за ним вослед всеми парами. Таше пришлось сосредоточиться целиком на движениях, что давало возможность не замечать ничего более вокруг.

Наконец, поклонившись друг другу, пары разошлись – кавалеры провожали изголодавшихся в ожидании дам к буфету, старики обоих полов удалились к игральным столам, в зале осталось совсем немного танцоров, готовых прыгать в мазурке, в основном, молодёжь. Сестёр Гончаровых окружили мужчины, умоляя одарить танцем немедленно или хотя бы записать в карне. Натали стало душно и тесно. Она закрыла

лицо веером и, пробравшись меж поклонниками, ретировалась к окну. Снаружи уже совсем стемнело. Таша близоруко вглядывалась вдаль, когда сзади раздался приятный мужской голос:

– Сударыня, прекрасный вечер сегодня, не правда ли?

Натали резко обернулась и почти уткнулась лицом в грудь императору, подошедшему совсем близко. Она с испугом отстранилась. Его величество, поняв свою оплошность, сделал шаг назад и наклонил голову. Наташа присела в почтительном реверансе. Её мысли метались.

– Вечер прекрасный, Ваше Величество, – выдавила девушка.

Император наблюдал за ней, явно потешаясь над её смущением и неуклюжестью.

– Почему вы стоите здесь одна? Вы не любите танцевать?

– Очень люблю, – призналась Натали. – Но это мой первый большой бал, и я немного растерялась, простите, ваше величество.

– Как это мило, – улыбнулся одними губами самодержец. Его глаза оставались холодны и спокойны, будто на лице была маска. – Надеюсь, ваша бальная книжка ещё не переполнена? При вашей обворожительной молодости я бы не был удивлён. Но всё же попрошу оставить мне последний котильон, вы же не откажете своему государю?

Наташа судорожно мотнула головой, вцепившись побелевшими пальцами в сложенный веер.

– Ну тогда до встречи, прелестное создание!

Император отошёл так же быстро, как и появился. Таше показалось сперва, что она моргнула – и он исчез. Но нет, вот он, уже в другом конце залы, беседует с хозяином дома как ни в чём не бывало.

– О чём он с тобой разговаривал? – затеребила сестру подскочившая Саша.

– Это огромная честь для нашей семьи! – чопорно сказала Катя. – Жаль, татап не видела.

– Не говорите ей, умоляю! – Наташа жалобно переводила взгляд с одной сестры на другую.

– Почему? – удивилась Екатерина.

– Как будто ты не знаешь! – вступилась за младшую Александрина и зашептала: – Потом его величество зайдёт к ней своего адъютанта и сделает фавориткой. Это всем известно!

– Ну, – спокойно согласилась Катя. – И чем вы недовольны?

– Я не хочу! – испуганно пролепетала Таша. – А маминька меня заставит согласиться.

– Я бы тоже заставила, если б у меня была над тобой власть, – сказала старшая сестра. – Ты разве не представляешь, как это поправит материальное положение нашей семьи? Самой не надоело в обносках ходить?

Натали фыркнула и отвернулась к окну.

Котильон, о котором просил Николай Павлович, был в конце бала, и это значило, что Гончаровым не удастся теперь

уйти от Строгановых пораньше. Наташа танцевала с другими, выслушивала комплименты и светские реплики о погоде, а сама то и дело искала глазами императора, словно кролик, загипнотизированный удавом. Николай Павлович был весел, участвовал в общих танцах, так что дважды за вечер на несколько мгновений они оказывались в паре, и всякий раз Таша смотрела в пол, не в силах вынести прямого взгляда его величества. Ей казалось, что она должна и не должна находиться с ним рядом. Его царственное положение, его привычка получать всё без усилий отталкивали девушку.

И вот наконец оркестр заиграл последнюю за вечер мелодию. Император подошёл к Натали, учтиво поклонился и взял её за руку. Они пошли второй парой – после хозяина и хозяйки дома. Николай молчал, лишь бросал на Ташу странные жёсткие взгляды, от которых её сердце ледянело. Проходя под руками других пар, Натали подумала, что, возможно, она была избрана всего лишь благодаря своему высокому росту – чтобы удобнее танцевать. Ей не хотелось даже предполагать, что дальше будет то, о чём говорили сёстры, поэтому она сосредоточилась на фигурах танца и старалась не смотреть на своего царственного партнёра.

Когда Николай Павлович сопровождал Ташу на её место, то, отпуская руку, он испытующе заглянул ей в глаза:

– Мы же ещё увидимся, сударыня?

– Как будет угодно вашему величеству, – пролепетала Натали, ненавидя себя за эти слова. Рядом стояла мать и смот-

рела на неё ещё страшнее, будто коршун на мелкую пичужку. Ответить иначе было невозможно.

Наталья Ивановна проявила недюжинную выдержку и не сказала младшей дочери ни слова о произошедшем до приезда домой. Таша уже начала было надеяться, что её оставят в покое. Но мать ещё в передней взяла её за руку и повела в свою спальню. Заперев дверь, она легонько толкнула дочь в сторону кресла, а сама опустилась на край постели.

– Рассказывай.

– Что?

– Пока нечего? – подняла бровь Наталья Ивановна. – Хорошо, тогда говорить буду я, – голос её звучал тихо и совсем не строго. – Когда-то давно, до замужества, я была фрейлиной, как твоя тётка. Ты не представляешь, та *petite fille*, какая это жизнь! При дворе, в роскоши, если будешь угодна государыне. Главное, не вставать у неё на пути...

– У кого, у её величества? – глаза Наташи округлились. – Поэтому фрейлина теперь только Екатерина Ивановна?

– А, дело давнее, – мать взмахнула рукой, будто стирая незаметно слезинку с правого виска, – и не для ушей юной девицы. – Она погрозила пальцем, пресекая расспросы. – Я бы хотела видеть своих дочерей во дворце, – призналась Наталья Ивановна после паузы. – Но, боюсь, эта служба не для твоего несносного характера.

– Да, маминька, – потупившись, ответила Натали. – Это

не то, о чём я мечтаю.

Мать тяжело вздохнула и встала.

– Но только посмей отказаться от милостей государевых, – сказала она с угрозой. – Я по глазам твоим вижу, что супротив пойти хочешь.

Таша не знала, что сказать, поэтому только вжалась в кресло. Наталья Ивановна несколько мгновений стояла над ней, ожидая ответа, а потом вышла, хлопнув дверьми. Но материны наставления оказались преждевременными. Император вернулся в столицу и в Москве не появлялся.

Этот сезон благоприятствовал развлечениям – война окончена, никакого траура, как в прошлом году, не было. Всю осень сёстры Гончаровы выезжали. Натали прослыла первой красавицей Москвы без всяких на то усилий, её приглашали во все дома, но наибольшую известность ей принесли «живые картины» на святочном балу в особняке генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына. Княгиня Татьяна Васильевна, милейшая женщина, благоволившая к Таше, прислала ей через Наталью Ивановну приглашение поучаствовать в представлении. Огромный особняк – почти дворец – князей Голицыных вместил всех желающих посмотреть на картины, изображённые прекраснейшими дамами и кавалерами Москвы. Прибыло немыслимое количество народу – около четырёхсот человек. Представляли несколько картин, в их числе – довольно новую работу

голландского художника Пьера Нарсиса Герена «Эней рассказывает Дидоне о бедствиях Трои». Облачаясь в костюм сестры Дидоны Анны – красная нижняя юбка с запахом, голубая роба с открытыми плечами, тёмно-зелёный тюрбан – Натали изрядно нервничала. Ей было неловко позировать перед таким скоплением публики. Саша Алябьева – тоже слывшая красавицей Ташина ровесница, изображавшая девушку с лютней из другой картины – чувствовала себя более раскованно и подтрунивала над робевшей Натали. Но, в целом, вся компания была настроена дружелюбно, и, когда занавесь в большой зале по сигналу подняли, Таша уже не дрожала. Но её взволнованное будто бы рассказом о Трое лицо как нельзя лучше подходило к образу. Чтобы показать внимание и не отвлекаться на зрителей, Натали следила за ярким красным гребнем на шлеме Энея, то есть юного князя Александра Долгорукова. Публика была в восторге и долго не отпускала артистов, аплодируя и выражая восхищение. Когда после представления начались танцы, у Натали не было отбою от желающих её пригласить. Незнакомые люди – и мужчины, и женщины – подходили к ней с комплиментами. В конце концов Мария Антоновна Ушакова, изображавшая в картине Дидону, сжалась над Ташей и увела её в дальнюю гостиную, чтобы она могла передохнуть.

Уже на следующий день весь город говорил об успехе «живых картин» и прелестных исполнительницах ролей – Гончаровой и Алябьевой. Через неделю княгиня Татьяна Васи-

льевна лично уговорила Натали участвовать и в повторном мероприятии. К счастью, гостей из столицы на нём не было.

Но в первых числах марта матери пришло письмо из Петербурга от её тётки, Натальи Кирилловны Загряжской. Пожилой фрейлине, служившей когда-то Екатерине Великой, шёл уже восемьдесят третий год, но она всё ещё появлялась при дворе и пользовалась там большим уважением и доверием. Наталья Кирилловна сообщала своей племяннице, что наемни его величество Николай Павлович говорил с ней о маленькой Натали. Слухи о «живых картинах» дошли даже до столицы. Конечно, семнадцатилетняя родственница казалась ей совсем юной для высочайшего внимания, но император назвал девочку образцом любезности и красоты. «Так что, – писала она, – вы с Николаем Афанасьевичем можете гордиться вашей младшей дочерью, государь заметил её и теперь, несомненно, будет милостив».

Узнав об этом, Таша была близка к обмороку, но постаралась не подавать виду, чтобы не провоцировать мать на нравоучения. Чтобы развлечь сестру, выглядевшую бледно и вяло, Саша предложила съездить на концерт в зал Благородного собрания. Выступал пианист-виртуоз Джон Фильд, а также певцы, солисты Большого театра. Натали любила музыку, поэтому с радостью согласилась. При входе в здание с колоннами на портике девушки встретили швейцара, который скрупулёзно проверил, что Александрина Гончарова есть в списках. Ташиного имени там ещё не значилось в си-

ду возраста, поэтому посещать собрание она могла только с кем-то из старших. По этой же причине в Большом зале они поднялись сразу на длинный балкон, обрамляющий всё огромное помещение. К тому же, оттуда было интереснее наблюдать за публикой, а звук в любом случае проникал всюду. Зрители рассаживались в партере, места постепенно заполнялись нарядными дамами и кавалерами, когда по рядам пробежал какой-то гул. Сёстры перегнулись через перила балкона, рискуя свалиться с него.

– Саша, что там? – безнадёжно шурясь, взмолилась близорукая Таша. – Кто пришёл?

Александрина, окинув сестру оценивающим взглядом, оттащила её от бортика и лишь тогда зашептала, прильнув к уху:

– Император приехал, кажется. Вон там, в белом мундире!

Натали сравнялась цветом со своим жемчужным платьем и медленно опустилась в кресло.

На балконе за их спинами тоже началось шевеление. Раздвинув портьеры, появились Еропкины, Даша и её старшая сестра Надежда. Даша, радостно взвизгнув, кинулась обнимать обеих Гончаровых.

– Как я счастлива, что вы тоже здесь! Думала, буду помирать со скуки! – тараторила она, усаживаясь рядом с Ташей. – А тут, оказывается, весело! Вы уже видели государя? Часть высочайшего двора вчера прибыла в Москву, и теперь-то всё вокруг оживится, и у нас станет так же празднич-

но, как в столице!

Натали закатила глаза, но, заметив озабоченное движение сестры, шевельнула кистью руки, успокаивая, мол, всё в порядке. Даша ничего не заметила, продолжая делиться новостями.

– Обычно-то их величества так рано не приезжают, после Пасхи всегда, но тут к государыне брат прибыл из Пруссии, принц Альберт, вот и решили ему Москву показать.

– А где он? – снова посмотрев вниз, спросила Саша.

– Не видела, – пожала плечами Даша. – Может быть, его высочество устали с дороги.

– Дарья! – сурово остановила поток слов её сестра. – Прекращай сплетничать, это неприлично, в конце концов. Да и концерт начинается, я хотела послушать!

Даша состроила гримаску, но замолчала. Свет в зале стал гаснуть. Пока играл виртуоз, Натали обо всём забыла. Конечно, все девушки и многие молодые люди могли освоить фортепиано, но с игрой Фильда это было не сравнить. Когда концерт окончился, Еропкины заспешили вниз. Дарья, впрочем, задержалась, чтобы пожать Таше обе руки и настоятельно пригласить на следующий концерт – благотворительный вечер в пользу Московской глазной больницы. Сёстры Гончаровы не торопясь пошли к лестнице. Натали, спускаясь, делилась с Сашей восхищением от выступления пианиста и не заметила, как влетела в стоявшего на нижней ступеньке мужчину в белом мундире. Глаза Александрины округ-

лились, и она протянула руку к сестре, чтобы помочь ей отступить назад, не запутавшись в платье. Тогда Таша наконец подняла взгляд от золотых пуговиц вверх и увидела волевой подбородок и усмешку государя.

– Сударыня, это просто счастье, что вы не врезались в стену! – сказал он своим вибрирующим голосом. – Нельзя же совершенно не смотреть, куда вы идёте! В следующий раз меня может не оказаться рядом, чтобы вас спасти.

Таша совсем окаменела, не в силах как-либо отреагировать. Николай Павлович рассмеялся и, взяв её обеими руками за талию, просто переставил девушку на пол.

– Прошу простить меня, ваше величество, – будто очнулась от этого прикосновения Натали. – И благодарю вас сердечно за проявленную заботу к вашей верноподданной.

– Не стоит, – махнул рукой император. – Простая любезность.

И он, отвернувшись, скрылся за портьерой. Саша тут же потащила сестру к выходу.

– Ну ты и растяпа! – горячо шептала она, помогая Наташе одеться в гардеробе. Та с трудом понимала, что делает. – Хорошо хоть не рассердился!

Они вышли на воздух. Холодный ветер привёл девушек в чувство.

– Прости меня, Сашинька, – повинилась Таша. – Кажется, я скоро навлеку государев гнев на всю нашу семью...

– Почему? – удивилась сестра. – Ты собираешься злоупо-

требить любезностью его величества и врезаться в него каждый день?

– Напротив, – вздохнула Натали. – Я не хочу его видеть. Но если я ему откажу, что станет со всеми вами? Лучше уж умереть. Или уехать в Сибирь, к Мите. В любом случае, больше в Собрание я не пойду.

– А ты не высоко ли взлетела? – фыркнула Саша. – С чего ты взяла, что вообще интересна императору? Мы с тобой мелкие пташки. Хоть и красивые, – подытожила она.

Однажды весной, уже после Пасхи, сёстры Гончаровы возвращались с верховой прогулки и около своего дома увидели дорогое ландо. Не успели они спешиться, как ворота распахнулись, и на улицу вышел высокий кудрявый брюнет с лихо закрученными усами. Лицо его было брезгливо сморщено. Пренебрежительно скользнув взглядом по девушкам, он вспрыгнул в свой экипаж и хлестнул лошадь. Но на повороте вдруг, спохватившись, обернулся и проводил Натали долгим задумчивым взглядом.

Недоумевая, сёстры вошли в дом. Мать ожидала их в гостиной.

– Маман, а кто у нас был? – спросила Екатерина, стягивая перчатки для верховой езды.

– О-о-о, кто у нас был! – экзальтированно повторила Наталья Ивановна. – Это, девочки мои, был адъютант его императорского величества Василий Алексеевич Перовский. –

Она сделала паузу, чтобы посмотреть на реакцию дочерей, затем продолжила: – Очень хвалил сестру вашу младшую, Натали. «Негоже, – говорит, – такую красоту дома таить! Пора ко двору представить».

– А вы что, маминька? – не выдержала Таша, хватая мать за руки.

– Уймись, – одёрнула её Наталья Ивановна, высвобождаясь. – Стану я младшую дочь раньше старших в высший свет выводить. Так и сказала: исполнится восемнадцать – представим в лучшем виде.

Натали в изнеможении опустилась на диван. Сердце её колотилось. Мать достала из складок платья увесистый кошель синего бархата и показала дочерям:

– К осени сошьём туалеты для всех. Неужели этот Перовский думал, что я других своих детей обделю? Нет, я же мать!

– Не надо туалетов, маминька, – слабым голосом проговорила Таша. – Кате сшейте, а мне не нужно.

Мать погрозила пальцем, но настаивать не стала.

– До наших с тобой именин, Наталья, время есть. Ещё передумаешь. А пока езжайте-ка к деду. Не сейчас, – она подняла руку, отменяя возражения старших дочерей. – Летом. Там тоже есть развлечения. И от столицы далеко.

Отъезд запланировали на следующий день после Троицы. Сборы были долгими и тщательными – следовало взять всё

необходимое для трёх взрослых девиц на долгие летние месяцы.

Утром в день праздника сёстры Гончаровы с матерью отправились в Храм Вознесения Господня у Никитских Ворот на литургию. Небо было ясное, восходящее солнце окрасило в рыжий желтоватые стены и колонны церкви, обещая жаркий день. Внутри от мраморного пола веяло прохладой, и это оказалось весьма кстати, потому что прихожан в честь Троицы пришло много. Девушки стояли довольно тесно. В какой-то момент голос священника смешался с тихим шелестом толпы. Натали, привстав на цыпочки, посмотрела в ту сторону вверх голов. В придел входил император Николай со свитой, и люди почтительно расступались, пропуская самодержца. Таше вдруг нестерпимо захотелось сесть на пол, но Гончаровых прижало к стене. Ослабев, Натали уцепилась за Сашу, и та подхватила сестру за талию.

– Зачем он здесь? – прошептала Александрина возмущённо. – Это наша церковь!

Другие прихожане, судя по лицам, тоже удивлялись, какая судьба привела в их непримечательный, и даже не вполне достроенный, храм самого императора.

Николай Павлович был в дорожном костюме, свита сопровождала его небольшая, и это давало возможность предположить, что в Москве его величество проездом. Немного недослушав службу, он вышел со всеми своими спутниками.

Таша наконец отпустила сестру, на которой висела больше

часа, и огляделась. Мать, кажется, так была увлечена молитвой, что ничего не замечала вокруг. Катя всё видела, но промолчала. С нетерпением дождавшись конца литургии, Натали пробралась к выходу, на свежий воздух. Хоть ей и перестало казаться, что она вот-вот упадёт в обморок, но дурнота не проходила в духоте церкви, запах ладана не давал вдохнуть полной грудью. Сёстры остались с матерью, которая истово молилась за всех – и усопших, и живых. Выйдя из высоких дверей, Таша прислонилась к одной из колонн и закрыла глаза. Воздух благоухал цветущей сиренью и скошенной травой, которой был устлан церковный двор в честь праздника. Дышать стало легче.

Внезапно кто-то коснулся Наташиной руки. Она дёрнулась, отстраняясь, и открыла глаза. Перед ней возвышался государь.

– Вы! – воскликнула Натали в нарушение всяческого этикета. – За что вы преследуете меня, ваше величество!?

Она скользнула за колонну, чтобы избежать новых поползновений.

Николай Павлович усмехнулся вроде бы добродушно, но Наташе показалось – зловеще.

– Отчего же «преследую»? Вы мне просто нравитесь, сударыня. И я хочу видеть вас чаще. А вы разве не рады?

– Любой ваш подданный, ваше величество, счастлив видеть вас каждое мгновение, – взяла наконец себя в руки Натали. На расстоянии присутствие государя не так нервиро-

вало.

– Но вы же тоже моя подданная, – иронично произнёс император. – Вы не счастливы?

– Если прикажете, ваше величество, – Таша присела в реверансе, опустив глаза в пол. – Но я бы предпочла – в Сибирь, – не удержавшись, добавила она тихо.

Не поднимая взгляда, Натали услышала глухой удар по колонне, раздражённое шипение и удаляющиеся шаги. Внутри бушевало торжество вперемешку с тревогой.

Глава 5. Ступени к Солнцу

*«...Это сказка о том, как герой уходит за братом,
А Алёнушка или Фингон – не в этом суть...»
(Наталия Небаева)*

Тревога стала нарастать уже на следующий день, по дороге в Полотняный Завод. Таше мнилось, что император так этого не оставит, и что она навлекла на всю семью страшные кары на веки вечные. Она металась по ночам во сне и подолгу молилась в Преображенской церкви при усадьбе.

В это лето сёстры отдалились друг от друга. Даже дед был постоянно занят какими-то хозяйственными вопросами и мало уделял внимания повзрослевшим внукам. В огромном особняке каждый жил сам по себе. Начало лета выдалось дождливым. В редкие солнечные дни Наташа уезжала на своей лошади Матильде к реке и сидела там подолгу с книжкой или просто глядя на убегающую воду. Очень хотелось упасть в Суходрев лицом вниз и плыть по течению до реки Шани и дальше, дальше к Каспийскому морю. Натали сама себе казалась обузой. Возвращаться в Москву и снова пытаться там сохранить свою душу не было никаких сил. Может, и вправду уехать навсегда, сбежать, куда глаза глядят?

В конце июня мать переслала с оказией письмо от Дмитрия. Читали, как раньше – в большой гостиной, все вместе. Митя писал, что у него всё хорошо, что с разрешения губернатора и на собственные заработанные деньги покупает дом в городе, что надеется жениться и зажить счастливо и в достатке.

– В Сибири? – фыркнула Катерина с плохо скрытой завистью. – Везёт некоторым, умеют довольствоваться крохами для счастья.

– Ну Катя! – остановила сестру Таша. – Не наговаривай на Митуша. Ты же сама видишь, написано: дом в городе. А это не такие уж и малые деньги, наверное.

Катя дёрнула плечом, но промолчала.

– А я рад, – сказал дед. Он сильно сдал, разменяв восьмой десяток лет, но ум его оставался ясным. – Рад, что мой старший внук смог подняться даже в Сибири и не пасть духом. Это не каждому под силу.

– Да что такого страшного в этой Сибири, – протянула Саша из глубины кресла, – раз даже наш Митинька теперь там уважаемый человек?

– Дмитрий славный малый, – возмутился дед. – Он и в детстве всегда добивался поставленных целей.

– Точно, ослик наш упрямый, – беззлобно хихикнула Саша и вздохнула. – Жаль, конечно, что нам ещё долго не видеться.

– Может, он и не захочет оттуда уезжать, – возразила Ка-

тя. – Может, он и не скучает по нас.

– Да ну, он же пишет каждый месяц, и, я уверена, был бы рад нас увидеть! – сказала Наташа.

– Сама к нему поедешь, чтобы убедиться? – фыркнула Катерина.

– А если и поеду? – спросила Таша, вставая. – Думается, ты меня удерживать не станешь! – и она вышла из комнаты.

В душе горела обида за брата. Уже четыре года он был в ссылке в далёком сибирском городе Томске, и мать ни разу не выслала ему содержания, хотя убеждала всех в своей любви к первому сыну. Она даже писала ему не с каждой почтой! Всего-всего Дмитрий добивался сам, но сёстры этого не ценят, а уж братья и думать забыли о существовании опального члена семьи. Натали вдруг поняла, как ей не хватает Мити, старшего брата, который всегда был готов выслушать и помочь. Когда-то давно он обещал ей защиту и от навязчивых ухажёров, хотя, пожалуй, император бы ему оказался не по зубам. Но его величество – в столице, а до Томска – четыре тысячи вёрст...

За спиной хлопнули двери, и Таша обернулась. Из гостиной вслед за ней вышел дед и заозирался в поисках внучки.

– А, вот ты где! Что с тобой происходит? Ты нынче сама не своя.

Он подошёл и взял её за руку. От этого прикосновения Натали неожиданно разрыдалась, беззвучно хватая ртом воздух, чтоб не услышали сёстры.

– Ну-ну, – растерялся Афанасий Николаевич. – Не реви. Давай присядем где-нибудь, поговорим, – и, не отпуская руки, повёл девушку в свой кабинет.

Пока дошли, Таша немного успокоилась, но тряпицу, предложенную дедом, всё же взяла, вытерла мокрое лицо и присела на диванчик напротив кресла Афанасия Николаевича.

– Ну, рассказывай, кто тебя обижает? – с напускной суровостью, как в детстве, спросил дед. – Мать? Или барышни эти? – он кивнул в сторону двери.

– Нет, нет, дединька, это не то, – смутилась Наташа, не зная, как увильнуть от расспросов. Компрометировать себя или императора она не собиралась. Жаловаться тоже не любила, но старший Гончаров мог помочь чем-нибудь любимой внучке. Хотя бы советом. Поэтому она решилась: – Вот скажи, возможно ли девушке одной уехать, к примеру, в Сибирь? Что для этого нужно?

– Ну точно обижают, – утвердился в своём мнении дед. – Одну я тебя не пущу! Куда собралась, к Дмитрию?

Таша опустила взгляд, не отвечая. Пальцы её нашли и выдёргивали ворс из подлокотника, скручивая его в маленькие комочки.

– Это не худший вариант, если подумать, – неожиданно сказал Афанасий Николаевич. – А точно нельзя здесь ничего уладить? Я пособлю.

Наташа отрицательно покачала головой.

– Так... Значит, нужна подорожная, а чтобы её получить – высочайшее на то позволение. Чай, не в Нижний Новгород на ярмарку едешь, а подальше. Карету, лошадей, денег в дорогу – это всё просто. Сопровождающих. Я бы приставил к тебе, барышня, пару дюжих молодцев с ружьями, чтоб никто чужой не подошёл, но можно ли доверять мужчинам охранять такую красоту?

Таша посмотрела на деда с ужасом. Он усмехнулся:

– То-то и оно. Нельзя.

– Дединька, мне не нужна охрана, – умоляюще пролепетала Натали. – Я бы девушек взяла, Таню и Парашу. Отпусти!

Афанасий Николаевич долго смотрел в глаза внучке, будто в гляделки играл. Потом отвернулся к окну и буркнул:

– Не от меня зависит. Что мать говорит?

– Маминька не знает ещё, – опять потупилась Наташа. – Никто не знает.

– Так спроси! – назидательно сказал дед. – И Мите напиши. И его императорскому величеству. Иначе этот разговор не имеет смысла. – Он встал и обнял внучку за плечи. – На мою помощь можешь рассчитывать. Но я очень, очень огорчён, что ты хочешь нас покинуть.

Таша снова всхлипнула.

Письмо брату Натали написала в тот же вечер. Но, так как главную причину она утаила, послание получилось сумбурным и непонятным: хочу приехать к тебе, и всё. Отправляла Наташа его с дедовой почтой, не через мать, как обычно,

поэтому сразу запечатала, не перечитывая.

Другие письма требовали тщательного размышления, без спешки. Черновики посланий к матери, изорванные в клочья, заполнили всю корзину для бумаг, но никакого внятного варианта Таша так и не сочинила.

Июльский день был очень жаркий. Солнце с бледного, выжженного неба просвечивало сквозь веки красным и пускало блики по прикрывающим щёлочки глаз ресницам. Натали лежала прямо на траве у реки и слушала ленивое журчание воды, стараясь ни о чём не думать.

– Привет! – прервал её дрему Сашин голос.

Таша открыла глаза, заслонив их рукой от назойливых лучей. Сестра подошла совсем тихо и теперь сидела на корточках с травинкой в зубах. Её голубое платье по подолу было испачкано травой и землёй.

– Ты пешком, что ли, пришла? – удивилась Наташа и села. Её-то Матильда паслась неподалёку.

– Маминька приехала, – скривившись, сказала Саша вместо ответа. – Устроила деду скандал, что-то насчёт имения, я не вникала. То ли продать он частично заводы хочет, то ли что-то ещё в этом роде. Криков! До полдороги сюда слышно было.

– Понятно, почему ты сбежала. Но для меня как раз очень удачно, что она здесь. Пожалуй, поговорю с ней попозже, когда успокоится. Маман же не собирается уезжать сегодня?

– Вроде нет, – пожалала плечами Саша, посмотрела оценивающе на своё платье и уселась поудобнее на траву лицом к реке. – А зачем она тебе?

– Да так... – протянула Таша, не желая никому раскрывать свою душу, но потом подумала, что именно Александрина была всегда на её стороне, и решилась: – Уехать хочу. Навсегда. К Митушу.

– Так ты не шутишь? – удивилась Саша. – А мы с Катериной не приняли тебя всерьёз.

– Как обычно, – фыркнула Натали.

– Ну да, – согласилась сестра. – Эта авантюра не в твоём стиле. Вот я б могла бы, но не хочу.

– Почему?

– Почему что?

– Почему вы считаете, что я не смогу? – в голосе Таши мелькнули отчаянные нотки.

Саша бросила на неё быстрый взгляд.

– Ну ты не обижайся. Просто ты сама любезность, и император так говорит, – лукаво добавила Александрина и снова обернулась посмотреть на реакцию сестры.

Натали сжала кулаки и почувствовала, как к щекам, обычно бледным, приливает кровь.

– Было бы мне лет на десять меньше, – процедила она незнакомым голосом, – я бы тебе показала свою любезность. А так, ты права, воспитание не позволяет. Но я прошу и требую не упоминать при мне того, кого ты назвала.

Саша выпучила на неё глаза и прикрыла ладонью рот.

– Ого, – тихо сказала она. – Теперь мне ясно, в чём дело.

Прости, Наташа, – добавила она обычным тоном, – что сомневались в тебе. Но дорога в Сибирь – это опасно, не говоря уж о том, что мы не знаем, как на самом деле живёт Дмитрий. Может, он прихвастнул, чтоб мать не расстраивать, а ты поедешь.

– Что угодно для меня будет лучше, – отрезала Натали.

– Тебе виднее, – пожалала плечами сестра. – В чём-то я тебя понимаю. В конце концов, и другие уезжают, недавно Анна Малиновская уехала, кухня твоей Катиш, к мужу своему, барону фон Розену. Но не упоминать того, кого ты не желаешь видеть, я не могу. Потому что тебе придётся писать ему письмо. Отпустит ли?

– Отпустит, – угрюмо сказала Наташа. – Я уже ему сообщила.

– О-о-о, – уважительно протянула Саша. – Ну хорошо. Тогда разговор с маминькой – не самое страшное. Думаю, к вечеру она успокоится.

Но когда девушки вернулись в особняк, Наталья Ивановна всё ещё была на взводе. Таша не знала, как к ней подступиться. За ужином мать с дочерьми не общалась, зато то и дело кидала едкие реплики деду, который упорно отмалчивался, а после сбежал в свою половину, отговорившись делами. Кофей пили без него. Когда Наталья Ивановна, обмах-

нувшись салфеткой, взяла третье пирожное, Саша пихнула Натали в бок локтем, мол, пора. Но Таша всё не находила нужных слов. Тогда сестра взяла инициативу в свои руки.

– Маминька, мы так все обрадовались письму, которое пришло с прошлой почтой! Дмитрий такой молодец, а ведь всё ваше воспитание!

Наталья Ивановна приосанилась, повернувшись к Александрине.

– Надо же, наш брат теперь крупный золотопромышленник! Ещё недавно мы печалились о его судьбе, а сейчас он на короткой ноге с губернатором, и тот даже одобрил его женитьбу! Жаль, что наша новая сестра будет жить так далеко. Хотя... Как вы думаете, маминька, в Митином большом доме нашлось бы место и содержание для одной из нас?

Наталья Ивановна уронила каплю взбитых сливок на скатерть и не заметила этого, пристально глядя на дочь.

– Ты сейчас говоришь о воображаемой ситуации, я надеюсь? – медленно произнесла она.

– Честно признаться, нет, – прямо ответила Саша, и Натали вся внутренне сжалась в ожидании скандала.

– И которая из вас готова пожертвовать жизнью в столицах и поехать обременять собой бедного Дмитрия? – Мать обвела своих дочерей оценивающим взглядом.

– При всей моей любви к старшему брату – точно не я, – сказала Катерина беспечно, с любопытством оглядывая сестёр.

Саша намеренно тянула время, явно наслаждаясь каждым моментом. Натали дрожала, как осиновый лист.

– Ну какой же он теперь бедный, маминька! – надавила на больную мозоль Александрина. – Наш добрый брат, я уверена, с удовольствием возьмёт на себя такую ответственность. Тем более, он так любит нашу младшую сестрёнку.

Наталья Ивановна неожиданно рассмеялась.

– И кому же пришла в голову такая «блестящая» идея? Не ты ли решила избавиться от конкурентки?

– Нет, это я сама, маминька, – наконец подала голос Наташа.

– Удумала сменить роль фаворитки императора на роль ссыльной? Ничего себе выбор для первой красавицы Москвы! Хочешь пойти по стопам Волконской и Трубецкой? – мать повышала голос с каждым предложением, постепенно переходя на крик.

Сёстры затихли и замерли, привычно переживая бурю. Наталья Ивановна шумно отодвинула стул от стола и вдруг надолго замолчала.

– А впрочем... – произнесла она чуть слышно. – Но что же я скажу этому, как его, Перовскому?

Буря промчалась мимо.

Наутро Натали проснулась с головной болью. Она полежала немного в постели, ища причину недомогания. Может, на солнце вчера перегрелась? Сегодня погода переменилась,

и небо снова затянуло прозрачными серыми облаками. Таша встала и подошла к окну. Взгляд её упал на чернильницу, стоящую на бюро. Письмо – вот, что её терзало! Не одеваясь, в ночной рубашке, Наташа присела на табурет и взяла чистый лист. От недоделанных дел нужно избавляться сразу, не затягивая.

«Ваше Императорское Величество! Всемиловитейший государь! – начала она по-французски, стараясь писать крупнее и аккуратнее, чем обычно. – С чувством полного упования на человеколюбие Ваше, осмеливаюсь просить милостивого соизволения на отъезд мой к месту поселения любимого брата моего, Дмитрия Николаевича Гончарова, дабы скрасить его безрадостное существование. Пусть эта благая цель станет моим служением Господу Богу нашему и не оскорбит Ваше Императорское Величество. Я осведомлена об опасностях, которые таит путешествие в Сибирь, но тем не менее умоляю Вас даровать мне великодушно возможность увидеться с моим дорогим братом и остаться с ним до конца моих дней, как вы дозволили некоторым страждущим жёнам. С надеждой на Вашу благость отправляю свою мольбу к подножию Вашего трона, – и подписалась сухо: – Гончарова Н.»

Таша встала, повела затёкшими плечами. Запустила пальцы в волосы, потянула, прислушиваясь к ощущениям. Головная боль начала отступать. Неожиданный шум заставил её обернуться к окну. По стёклам тарабанил дождь.

Поползли унылые дни. Мать уехала в Ярополец, не поднимая более тему отъезда младшей дочери, что Наташа посчитала хорошим знаком и позволением. Оставалось только ждать письма от императора. Афанасий Николаевич разрешил взять с собой двух дворовых девушек, с которыми Таша была дружна с детства – Татьяну и Прасковью, и даже написал для них вольные, правда, бумаги пока неподписанными лежали на дедовом столе. Матильду он тоже отдавал – заводной, не в каретной упряжи. А вот кучер должен был из Томска возвратиться в имение, вернув фамильную карету Гончаровых. Натали писала и переписывала список вещей, которые собиралась везти с собой. Очень трудно было представить, что нужно взять на долгие годы жизни в Сибири. Тёплые вещи. Несколько платьев. Туфли, сапожки. Туалетные принадлежности. Украшения – даже если не придётся надевать, то, возможно, получится продать. На большую сумму денег Наташа не рассчитывала, зная материальное положение семьи. Да и в дорогу много ценностей брать страшно – вдруг украдут. Книжки – для себя и для Мити, столько, сколько лошади увезут. Брат писал, что книжных лавок и даже библиотек в Томске нет, а своей жизни без книг Таша не представляла. В числе прочих она положила и учебник Александра Петрова по шахматной игре, в надежде научить по нему девушек, и сами шахматы, разумеется. Дорожный письменный прибор и бумага. Еда в дорогу – дедушка наверняка передаст любимому внуку солений и варений. Лекар-

ства.

В конце июля поползли слухи про надвигающуюся эпидемию холеры. В Нижний Новгород эту страшную заразу завезли бурлаки, приехавшие на ярмарку по Волге с юга, и теперь она грозила распространиться по всей России. Нужно было уезжать скорее.

Сёстры ходили вокруг Натали, как около тяжелобольной, стараясь угодить. Даже Катерина, кажется, завидовала её решимости. Но никто не обсуждал отъезд вслух, не зная, придёт ли высочайшее позволение.

В конце августа засобирались в Москву – мать предпочитала праздновать именины дома. С тяжёлым сердцем Таша бродила по Полотняному Заводу, понимая, что сейчас где-то во дворце решается её участь. Отъезд был назначен на двадцать четвёртое. Накануне утром прискакал курьер из Петербурга. Белый лист бумаги, запечатанный красной императорской печатью на золотом шнуре, предназначался лично Наталье Николаевне Гончаровой, которая, спотыкаясь, сбегала по лестнице, едва успев кое-как одеться. Натали раскланялась с курьером и приняла письмо, едва дыша. Отказавшись от приглашения войти в дом, государев посланник вновь вскочил на коня и выехал из усадьбы.

Таша вернулась в комнаты, прижимая бумагу к сердцу. Тут же откуда ни возьмись явились сёстры.

– Ну как, разрешил? – взволнованно спросила Саша.

– Не знаю, – тусклым голосом ответила Наташа. – Не про-

чала ещё.

– Ну так читай, – потребовала Катерина.

Таша забилась в угол на банкетку, так, чтобы никто не заглянул в письмо из-за плеча, и аккуратно сорвала печать.

На большом листе было всего несколько строк мелким небрежным почерком:

«Сударыня, с невыразимым облегчением позволяю Вам присоединиться к Вашему брату. Судя по всему, общество бунтовщиков Вам кажется приятнее, нежели жизнь при дворе. Можете уезжать в Сибирь или куда Вам угодно и оставаться там до конца Ваших дней. Это была последняя моя милость в Ваш адрес. Николай».

И внизу, рядом с печатью, крупнее: «Гончаровой Н. проезд до Томска разрешаю».

Эту-то последнюю надпись и показала Таша сёстрам. Первую часть послания свернула накрепко и зажала в дрожащей руке, боясь, что, как в детстве, отберут и прочтут.

– Ты рада? – спросила Катя, внимательно оглядывая Натали.

– Да, – выдохнула Таша. – Выедем завтра, как собирались. Проводите меня до Москвы.

Саша села на банкетку и заплакала, закрыв лицо руками.

Афанасий Николаевич долго рассматривал листок в руках внучки, не предпринимая попыток взять его поближе к близоруким глазам.

– Вот и отлично, – сказал он наконец упавшим голосом. – Сейчас отдам нужные распоряжения. Завтра можно будет выезжать. Бумаги на твоих девок подпишу, не волнуйся. Скажи им собираться. Ты-то поди давно готова ехать. – Дед поднял взгляд и тут же опустил его, часто смаргивая сухими глазами.

Таша, стараясь не расплакаться, убрала письмо и поспешила в комнаты прислуги. Обе девушки жили в доме: Татьяна выполняла работы на кухне, а Прасковья служила горничной. Вызвав обеих для разговора, Натали повела их в сад.

– Наталья Николаевна, я не могу гулять, меня повар заругает, – сказала более робкая Таня.

– Не заругает, – отмела возражения Таша. – Присядьте вот на скамейку. С сегодняшнего дня вы – вольные.

Девушки, едва севшие, вновь подскочили и стали целовать руки Натали.

– Полно! – возмутилась Таша. – Мне поговорить с вами нужно. Афанасий Николаевич подписывает бумаги не просто так, а с условием.

Девушки притихли. Наташа оглядела их. В общем-то неглупые, при доме живут, даже читать умеют, Таша сама их учила, а поведение всё равно крестьянское, словно дети. Она вздохнула и продолжила:

– Завтра я уезжаю к Дмитрию Николаевичу, в Сибирь, навсегда. Вы поедете со мной. Есть ли что-то – или кто-то, – что держит вас здесь?

– Нет! – решительно ответила Параша и тряхнула тёмными косами. – Я буду только рада уехать!

– А что, тебя здесь обижают? – нахмурилась Натали, почувствовав в ней что-то родственное своим обстоятельствам. – А впрочем, нет, не рассказывай. Всё в прошлом. А ты?

– Матушка старая уже, – задумчиво произнесла Таня, – но я ведь младшая дочь. Есть и без меня кому помочь.

– А... – Таша смутилась. – Жениха нет у тебя?

– Ой, нет, конечно, – рассмеялась Таня, – где ж его взять на кухне? Я же не горничная, – она сверкнула ярко-голубыми глазами на Парашу. Та потупилась.

– Ну вот и уладили, – с облегчением сказала Наташа. – Бегите, собирайте вещи, прощайтесь с родными. Завтра утром выезжаем, – и сама поспешила в свою комнату. У неё ещё было много дел.

Ехали на двух экипажах. Афанасий Николаевич долго обнимал Ташу, целовал её волосы, никак не мог отпустить в дальнюю дорогу. Потом оторвал от себя, рассмотрел со всех сторон, держа за плечи. Трясущимися руками вытащил платок, отёр им покрасневшее лицо.

– Мите привет передавай от меня и целуй в обе щёки. Самому мне уже не дотянуться, – голос дедушки дрогнул.

Наташа плакала, глядя на него, и после, когда Полотняный Завод скрылся за поворотом дороги.

Вообще-то Натали рассчитывала заглянуть в московский дом на минуточку – попрощаться с родителями и братьями да уложить тёплые вещи. Но мать устроила в честь именин приём, позвала гостей – никак нельзя было уехать раньше.

Едва завидев сестру, пятнадцатилетний Серёжа накинулся на неё с упрёками:

– Маман мне всё рассказала! Зачем ты едешь? Я надеялся, что через тебя удастся меня устроить на хорошую службу, а теперь мне что делать?

Наташа задохнулась от возмущения.

– Ты стал так же эгоистичен, как Ванька! Кстати, где он?

– Иван на службе, ему совсем некогда проводить время с нами, – вступилась мать. – Не переживай, Серж, может быть, тётушка поспособствует твоему устройству. Натали у нас теперь отрезанный ломоть.

Екатерина Ивановна тоже приехала из Петербурга и с порога из лучших побуждений завалила Ташу нравоучениями так, что та убежала в свою комнату и отсиживалась там до самого праздничного обеда. За столом гости – в основном материны знакомые дамы – поздравили обеих именинниц и более к Натали не обращались, сделав центром внимания Наталью Ивановну. Когда перешли за сладкий стол, Таша незаметно улизнула. Прошла тёмным двором к флигелю, дверь была незаперта. С порога нахлынули звуки скрипки, но мелодией это нельзя было назвать. Заглянув в комнату, Наташа увидела в свете одинокой свечи на столе несколько бу-

тылок из-под дешёвого вина. Отец стоял, прислонившись к подоконнику, и играл, нещадно фальшивя и нетвёрдо удерживая смычок. Из закрытых глаз его катились слёзы.

– Папа? – позвала Таша. Голос вдруг пропал и сорвался.

Николай Афанасьевич не услышал. Девушка попятилась и тихонько вышла.

Едва рассвело, Натали приказала запрягать. Вещи в карете уже были уложены, сопровождающие девушки – готовы к отъезду. Оставалось самое страшное – прощание. У Саши ещё со вчерашнего вечера в глазах стояли слёзы, но она бодрилась и то и дело досадливо тёрла нос тыльной стороной ладони. Катя держалась лучше, но и ей не удавалось скрыть горестное выражение лица. Глядя на них, Таша чуть не раскаялась в принятом решении, но, коснувшись высочайшего позволения, спрятанного за корсажем, сразу вновь утвердилась в своей правоте. Остаться было невозможно. Следом за сёстрами вышла маминька, держась за заботливо подставленный локоть Екатерины Ивановны с одной стороны и за зевающего Серёжу с другой.

– Вот взбалмошная девчонка! – погрозила тётка Наташе. – Гляди, до чего мать довела!

Никаких перемен в худшую сторону в матери Таша не заметила, но послушно и без усилий сделала скорбное лицо и, склонив голову, подошла к ней проститься.

Наталья Ивановна, оторвавшись от сына, слабой рукой

осенила дочь широким крестом. Слов не нашлось, и Наташа отступила назад.

Саша бросилась Натали на шею и горячо зашептала ей в ухо, орошая волосы брызнувшими слезами:

– На кого ты нас покидаешь?! Смотри, смотри, что нас ждёт! Я здесь не выживу!

Таша, сама всхлипывая, гладила сестру по плечу:

– Всё будет хорошо, Сашинька! На балах будете танцевать, тётушка найдёт вам с Катей добрых женихов, будете счастливы. Правда, тётушка?

Екатерина Ивановна, вытирая платочком глаза, обещала позаботиться обо всех Гончаровых. Подтверждая слова делом, она сунула Натали в руки увесистый кошелёк с деньгами.

После продолжительных объятий и слёз все, наконец, распрощались, и карета выехала со двора.

Кучер Тимофей Егорович был выбран Афанасием Николаевичем для сопровождения внучки за то, что сам воспитывал дочь на выданье, и характер имел строгий и основательный.

– Присмотришь в пути за этой бабьей компанией! – вслух, при Натали, наказывал Егорычу дед, будто они ехали на увеселительную прогулку.

Тогда Ташу покорило такое напутствие, но сейчас, в дороге, она радовалась тому, что Тимофей Егорович за ними

«присматривает». На постоянных дворах Наташа терялась, ей было неловко просить о чём-либо дворника, и тут всегда выручал кучер, следивший, чтоб у барышень, как он их называл, имелись горячий ужин и приличная постель. На оплату Натали не скупилась, ей казалось, что тяжёлый тётушкин кошель никогда не опустеет.

Ехали медленно, берегли своих лошадей. Уже во Владимирской губернии до Егорыча от ямщиков дошли слухи, что в Нижнем Новгороде холера совсем расствирепела, власти хотят вводить карантин, чтобы зараза не поползла дальше, на Москву. Посовещавшись с Натали, кучер решил объехать город с севера, по Вятской губернии, чтобы, минуя заодно и Казань, выехать сразу к Перми. К счастью, подробной подорожной у них не было, только пространное позволение императора, так что путь они выбирали вольно. Направление приходилось каждый раз выспрашивать на постоянных дворах у других возниц – Тимофей Егорович в здешних местах не бывал, поэтому дорогу представлял лишь приблизительно, с чужих слов. Наташа вообще знала лишь, что ехать надо сперва на север, а затем на восток. Карты губерний Российской Империи у Таши, разумеется, с собой не оказалось, а с уроков географии вспоминалось что-то весьма смутное.

К концу недели добрались до переправы через Волгу. Нижегородской воспользоваться не решились, поэтому подъехали к реке выше по течению. Никогда Натали не видела такого бескрайнего водного простора – другого берега бы-

ло почти не разглядеть, только маковки городецких церквей виднелись где-то на горизонте. У воды толпились люди – с вещами, повозками, лошадьми. Все ожидали прибытия перевозчиков с того берега. Вскоре, борясь с волнами, в песок воткнулась пара обычных больших лодок, за ними тяжело и шумно пристала огромная плоская завозня с телегами. Лошади пугливо фыркали, когда их сводили под уздцы на берег. Пассажиры тоже высадились, стараясь не замочить сапог и подолов, заняли свои места на повозках и поехали в сторону Нижнего Новгорода.

Тимофей Егорович помог девушкам выйти из кареты и указал на лодки:

– Сейчас вам, Наталья Николаевна, придётся без меня обойтись. Я останусь с лошадьми на завозне, а то, боюсь, испугаются они одни, особенно Матильда ваша. А вы ступайте туда, к людям.

Таша уверенно кивнула, но сердце внутри сильнее застучало о рёбра. Позвав за собой ещё более оробевших подруг, Натали спустилась к воде. Почти все пассажиры уже расселись, но пара местечек ещё нашлась. Параша, махнув рукой на приличия, села прямо на дощатое дно у ног Наташи.

– Тут не так мутит, – пояснила она в ответ на попытки её поднять. – Я уже плавала на лодке по Шане, знаю, – и, положив свою красивую голову Тане на колени, заранее прикрыла глаза.

Плыли долго. На середине реки поднялся ветер, гнавший

волны прямо на плоские судёнышки. Завозню, идущую следом, захлёстывало водой, лошади испуганно ржали. На лодке рядом с Натали плакал и жался к матери крестьянский ребёнок лет пяти. Гребцы с натугой взмахивали вёслами. Вскоре их усилия побороли течение, и судно уверенно повернуло к берегу. Наконец причалили. Узкая полоска песчаного пляжа приняла лодки и завозню, а дальше склон нависал обрывом. Девушки, хватаясь друг за друга, прыгнули на землю. Выведя лошадей и спустив с помощью перевозчиков карету, подошёл Тимофей Егорович.

– А дальше как? – недоумеая, спросила у него Натали.

– Как все, – пожал плечами Егорыч. – Снесло нас малость на стрежне, – он указал рукой на дорогу вдаль, наискось поднимающуюся на склон. Вереница людей и телег уже двигалась в ту сторону.

Город Городец встретил путников субботней ярмаркой, расположившейся прямо на нижней террасе подъёма – проехать мимо было невозможно.

Таня высунулась чуть не по пояс из окна кареты:

– Дяденька Тимофей, остановите, пожалуйста, очень хочется на ярмарку посмотреть!

– Сидите уж, – цыкнул на неё Егорыч. – Аль забыли про холеру?

– Наталья Николаевна, ну скажите ему!

Таша посмотрела с тоскою в окошко. На прилавках были разложены печатные пряники, резные шкатулки, расписная

кухонная утварь. Румяные бабы в ярких платках зазывали покупателей.

– Зачем нам это? – спросила она, отговаривая сама себя. – Всё необходимое мы и так везём с собой. Тимофей Егорович прав – здесь лучше не останавливаться.

Таня надулась и даже от окна отвернулась.

– Мы же скоро в Вятскую губернию приедем, там про холеру вроде бы не слыхали, – желая смягчить отказ, сказала Наташа.

– Да уж знаю я этих вятских-хватских, – буркнула Таня. – Всё у них не как у людей.

– Откуда знаешь?

– Дед у меня оттуда, из-под Уржума, – неохотно ответила девушка. – Он сказывал.

– Так ты черемиска, что ли? – удивилась Параша.

– Ну разве что на четвертинку, – смутилась Таня. – Дед охотником был первостатейным, его барин для того и выкупил.

– Так что там про вятских? – перебила Параша. – Расскажи.

– Говорят, они всё всегда делают наоборот. Однажды на бане трава выросла, нужно было её как-то скосить, так тамошние мужики решили корову на крышу затащить, чтоб она ту траву поела.

Параша залилась смехом:

– И как, вышло?

– Не знаю, но корову жалко! – отозвалась Таня. – Или вот ещё случай: переправлялись через речку Вятку на бревне, а чтоб не свалиться – ноги себе под бревном связали. Ну и перевернулись тут же. А люди говорят: «Надо же, отплыть не успели, а уже лапти сушат».

Таша тоже улыбнулась, жалея простоватых вятчан.

– А ещё?

– Как-то на двоих путников напали разбойники и начали их бить – то одного, то другого. И первый второму говорит: «А хорошо, Ванька, что мы вдвоём. Пока меня бьют – ты отдыхаешь, пока тебя бьют – я отдыхаю. А в одиночку бы до смерти забили».

Девушки засмеялись, а Натали спросила:

– А много ли в Вятской губернии разбойников?

– Ой, Наталья Николаевна, – махнула рукой развеселившаяся Таня, – где ж их нет? Мы вообще-то в Сибирь едем, а там все ссыльные – под каждым кустом не бандит, так как-торжник.

– Как же ты решилась со мной ехать? – возмущённо спросила Наташа, обидевшись за брата.

– Так а вы не спрашивали! Мы же крепостные были, да и сейчас вольной ещё в руках не держали.

– Я отдам вам, как только прибудем на место, – пообещала Натали. – Не думайте, это не для того, чтоб вас в подчинении неволить. Просто свободным подорожные нужны, без них вас никто из России не выпустит. Но вы необходимы

мне, девоньки. С вами вон как весело, а как я одна буду?

До Вятской губернии добирались пять дней. Егорыч бдил, чтобы девушки не вступали в разговоры с местными, сам покупал еду, сам выбирал места для ночлега. На постоянный двор не пустил их ни разу – останавливались в полях, готовила Таня на костре. Натали спала в карете, остальные – возле огня. К счастью, в этих краях начало сентября выдалось тёплым и сухим. Дождь пошёл как раз, когда добрались до вятской деревеньки с черемисским названием Ваштранга, «кленовая река». Вокруг и впрямь было много клёнов, их большие резные листья уже начинали желтеть с краёв. Здесь и остановились, спросив ночлег в первом же доме у тракта. После стольких дней в дороге было приятно вытянуть ноги на лавке под чистым сухим одеялом. Хозяева-старички ушли спать в клеть, не желая стеснять барышень. Таша прикрыла глаза и задремала.

– Тимофей Егорыч! – раздался в вечернем сумраке Танин голос. – Дяденька!

– М-м-м? – сонно отозвался кучер, устроившийся на сундуке у двери. – Чего тебе, заполошная?

– Далеко до Сибири-то?

– Устали ехать уже? – Егорыч зашуршал чем-то, поворачиваясь. – Далече будет. Всего-то десять дней едем, а надо раз в пять больше. Спите давайте, утром рано вас разбужу.

Таня разочарованно вздохнула и замолчала, а Натали ещё долго не могла уснуть, мысленно считая вёрсты и дни пути.

Где-то позади оставались сёстры и братья, мать, отец, дед и даже император всероссийский Николай. Наконец Таша погрузилась в тяжёлый беспокойный сон, где кто-то ехал в карете с гербом, а кто-то бежал по грязи, и ветки хлестали по лицу вместе с дождём.

Утром дождь продолжился и наяву, предвещая распутицу и долгое путешествие. По Вятской губернии пробирались медленно, больше двух недель. Под Уржумом у кареты сломалась ось и пришлось задержаться, чтобы заменить её. Непогода всё продолжалась, и только к переправе через Вятку выглянуло солнце. А там и дорога вскоре влилась в широкий тракт, и лошади побежали веселее. Спустя несколько дней, переплыв на пароме через Каму, въехали в Пермь. Таша ожидала увидеть уже Уральские горы, но город, построенный прямо на берегу реки, был даже более равнинным, чем Москва. Вот что её удивило – это количество каменных домов и нарядно одетых людей на улицах. День стоял воскресный, погожий, хотя осенний ветер уже изрядно обтрепал рыжие листья с деревьев и разметал их по расквашенной вчерашним дождём дороге. В поисках постоянного двора Тимофей Егорович неспешно правил за толпой, которая привела их карету к небольшому храму, выкрашенному в жёлтый цвет, с зелёными куполами, украшенными фигурками ангелов, и колокольной. Натали и девушки, торопливо укутавшись в шали, выскочили на улицу. Ветер сразу же накинулся на них, подгоняя к широким арочным дверям с изобра-

жением Богородицы наверху. Внутри оказалось тепло и сухо. Белые и голубые стены были украшены библейскими сюжетами. Прихожане тихо разошлись по церкви. Таша, уставшая от путешествия, искренне помолилась за его скорейшее и благополучное завершение и, конечно, за здоровье оставшихся в Москве близких. Когда Натали вышла на улицу, она вдруг заметила любопытные взгляды, цепляющиеся за неё. Застеснявшись пыльного дорожного платья и растрёпанного вида, Таша поспешно скрылась в карете.

Постоялый двор нашёлся неподалёку, в паре кварталов от храма – добротное двухэтажное строение. На первом этаже путников встретила хозяйка, полноватая женщина средних лет в пышном переднике. Увидев бумагу с императорской печатью, она испуганно захлопала ресницами и спросила:

– Одни путешествуете?

– Да, к брату еду, – с деланным равнодушием ответила Таша. – У вас надолго не задержимся.

– Очень хочется выспаться на постели! – вклинилась в разговор Параша. – Выделите нам самые лучшие!

– Но не очень дорогие, – строго поправила её Натали. – Отоспимся – и дальше поедem. Путь дальний.

– Верно, верно, – засуетилась хозяйка. – Сейчас мужа позову – и отведу вас отдыхать.

Она вписала все имена в большую книгу и крикнула в сторону кухни:

– Иннокентий Степанович! Посмотри сюда, пожалуйста!

К столу подошёл высокий сухощавый мужчина. По его просьбе Натали снова пришлось развернуть документ. Хозяин хмыкнул, кивнул и жестом направил жену к лестнице на второй этаж, где располагались комнаты для гостей.

Комната Таше понравилась: чистая, с двумя большими кроватями и тахтой для Тимофея Егоровича. Хозяйка предлагала взять две – для себя и для прислуги, но Натали решила, что это выйдет слишком дорого. Девушки тут же нырнули под одеяла: Параша с Таней на одну постель, Таша – на другую. Сон сморил их в считанные мгновения. Натали как раз снилось, что она рассказывает Даше Еропкиной о своём путешествии, когда её перебили на полуслове.

– Наталья Николаевна, прошу простить, но вас спрашивают!

Егорыч мялся в дверях, он явно ещё не ложился.

– Меня?

Таша спросонья не могла понять, в чём дело.

– Говорят, что от губернатора!

Натали торопливо привела себя в порядок и, стараясь не шуметь, вышла в коридор. Там её ожидал молодой человек в светло-синем мундире.

– В-вам приглашение от их п-превосходительства губернатора П-пермской губернии, – слегка заикаясь, произнёс он, подавая лист дорогой бумаги.

Натали взяла послание и, едва разбирая слова в полумраке коридора, прочла:

«Сударыня! До меня дошли сведения о Вашем визите в Пермь: слухи о Вашей красоте и любезности уже ходят по нашему городу. Не соблаговолите ли Вы почтить своим присутствием скромный вечер в моём доме? Буду рад знакомству, остаюсь в ожидании, Кирилл Тюфяев, губернатор сих мест».

Таша подняла взгляд на посланника. Тот стоял, замерев у стены, словно изваяние.

– П-приказано п-проводить, – пояснил он своё присутствие в ответ на недоумённый Наташин вид.

– Мне надо одеться... – растерянно сказала Натали.

– Я подожду, – спокойно ответил молодой жандарм.

Таша хотела было возразить, но не нашла слов и только шумно вздохнула, порывисто развернулась и скрылась в комнате.

– Что случилось, Наталья Николаевна? – сонно спросила Параша, приоткрыв глаза.

– Губернатор приглашает меня к себе.

Натали пыталась собраться с мыслями, пустым взором глядя в сундук с платьями.

– Я помогу вам, – девушка с готовностью вылезла из-под одеяла и получше укрыла спящую Таню. – Возьмите вот это: закрытую лиловую робу. На улице прохладно, да и от посторонних глаз защитит ваши прелести.

Таша бросила на Парашу испуганный взгляд. Ей не хотелось больше бояться, но слова подруги возвращали Натали

к московским переживаниям последнего года.

Прасковья одела свою Наталью Николаевну со вкусом: плотное тёмное платье с овальным вырезом, лишь слегка обнажающее плечи; скромная нить жемчуга; гладко зачёсанные наверх волосы, закреплённые шпильками – всё создавало образ строгой и замкнутой дамы.

– Красоту не спрячешь, – недовольно пробурчала Параша, любуясь Натали. – Вы и в балахоне будете привлекать взоры.

Губернаторский дом был полон гостей. Таша так и не поняла – сегодня какой-то особенный день или у его превосходительства всегда многолюдно. Хозяина дома узнать оказалось легко – вокруг него вились дамы, его развлекали историями кавалеры. Сам Кирилл Яковлевич, завидев Натали, вскочил с кресла и, нелепо переступая, будто в танце, поспешил знакомиться с гостьей. Пока он рассыпался в любезностях, Таша, широко раскрыв глаза, рассматривала этого господина. В летах, но ещё не старик, седина почти не тронула его чёрных волос. Низкий лоб на широком лице, да и вся его невысокая приземистая фигура создавала странное впечатление, будто на губернатора когда-то упала скала. Тем не менее, он улыбался и даже, кажется, флиртовал с Натали.

– Как вам понравился наш город, Наталья Николаевна? Да, мне уже доложили о вас всё, но действительность оказалась гораздо ярче и восхитительнее восторженных рассказов моих чиновников. Вам непременно нужно погостить у нас

подольше. Пермская губерния, доверенная мне его императорским величеством, поистине волшебный край! Завтра я отвезу вас в горы. У меня там огромный загородный дом. Золотая осень, быстротечная горная река – вы оцените.

Тюфяев говорил с жаром, не давая Таше вставить ни слова. Потом схватил её за руку и, не переставая смотреть своими масляными глазами, увлёк в общество у закуского стола.

– Угощайтесь, Натали, не стесняйтесь. Вот, знакомьтесь, господа – Наталья Николаевна Гончарова, путешественница из Москвы. Едет на самый восток, ничего не боится.

Гости угодливо зааплодировали, вогнав Ташу в краску. Она хотела было возразить, когда чей-то знакомый голос громко спросил:

– Это которая Гончарова? Младшая дочь Натальи Ивановны?

Владелец голоса подошёл ближе, и Натали с радостью разглядела в нём графа Строганова. Осмелев, Таша высвободила свою руку и сделала шаг в сторону Сергея Григорьевича.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, – официально поприветствовала родственника Натали. – Невыразимо рада видеть вас здесь, хоть это и неожиданность для меня.

– Ничего странного, – махнул рукой Строганов. – Приехал посмотреть, как дела на заводах моей супруги. А вы какими судьбами?

– Наталья Николаевна следует в Томск, чего ей, разуме-

ется, не следует делать, – скаламбурил губернатор и поджал губы.

Сергей Григорьевич смерил Тюфяева хмурым взглядом и, взяв Ташу под руку, отвёл в сторону.

– Что за история? Мать знает? – строго спросил он вполголоса.

– Конечно, она меня отпустила, – залепетала Натали, как провинившийся младенец. Собственно, она приходилась графу троюродной сестрой, но возраст и общественное положение его были несоизмеримо выше. – Я к Мите, к Дмитрию Николаевичу еду.

Строганов хмыкнул.

– Не место тебе в Сибири. И здесь не место, – он оглядел роскошную, богато украшенную залу. – Но раз Наталья Ивановна не против... С кем едешь?

– Ни с кем, – потупилась Таша. – Ну то есть с кучером и двумя девушками.

Граф закатил глаза.

– Я провожу тебя хотя бы до Екатеринбурга, – утвердительно сказал он и весь вечер не отходил от родственницы, несмотря на неудовольствие губернатора.

Через день они уже выехали из Перми на двух каретах. Натали пересела к Сергею Григорьевичу по его настоянию и сильно опасалась, что он будет читать ей морали, но граф премило обсуждал с ней как светские темы, так и по-друже-

ски наставлял в делах обустройства своего дома. О причинах отъезда Строганов тоже тактично не расспрашивал. Проезжали через рабочие посёлки Демидовских заводов, которые лежали по обе стороны тракта. Однажды ранним утром, до света, наткнулись на какое-то пепелище – граф объяснил, что посёлок сожгли во времена Пугачёвского бунта. Таша тайком придвинулась поближе к кузену – озноб пробежал по коже. Но едва отъехали от страшного места, Сергей Григорьевич сам приобнял продрогшую Натали.

– Смотри, – сказал он, – здесь начинается Сибирь.

Таша выглянула из окна, и в глаза ей ударили яркие лучи восходящего солнца. Наступало утро.

Глава 6. Новый мир

«Вся жизнь моя была залогом

Свиданья верного с тобой».

(А. С. Пушкин «Евгений Онегин»)

В Екатеринбург приехали к обеду. Этот город, построенный на берегу пруда, понравился Натали. Среди обычных деревянных домов яркими пятнами выделялись изящные каменные строения, достойные столичных архитекторов. Граф отвёз Ташу в известный ему трактир с огромной вывеской «Херсон» на фасаде. Тимофей Егорович и девушки расположились в общей зале, где с белёной стены на них глядел портрет императора Николая в полный рост, а для себя и Наташи Строганов запросил отдельный кабинет. Блюда Сергей Григорьевич заказал самые изысканные из тех, что можно было найти в меню.

– Угощайся, Наталья Николаевна, это самое приличное заведение по эту сторону Урала. Когда тебе ещё доведётся... – его глаза погрузстнели, усы опустились.

– Таня очень хорошо готовит! – возразила Таша. – Она же на кухне была у деда.

– Жаль мне тебя отпускать, – снова вздохнул граф. – Но дальше проводить не могу, мой отпуск не так долог, как хо-

телось бы. Мы тут с твоим кучером обсудили, дорогу наметили – он мужик неглупый, даже карты читать умеет. Поедешь через Ишим и Омск, по новому тракту. В Тобольске уже холодно, а этот путь южнее. Торопиться вам надо – скоро снег ляжет, а вы на карете. Не знаю уж, как Егорыч твой возвращаться будет.

Распрощались на следующее утро. Граф увёз с собой связку писем в Москву, обещав занести их на Никитскую лично. Его участие так тронуло Натали, что следующие несколько дней пути она мысленно продолжала свои беседы с Сергеем Григорьевичем. Потом новые путевые впечатления вытеснили светлый образ, но и позже Таша всегда вспоминала Строганова с благодарностью. Соблюдая рекомендации графа, проехали, не задерживаясь, Тюмень и свернули направо, к югу, а затем, после Омска, на северо-восток. Погода стояла пасмурная, холодная, но дождей почти что не было, так что двигались ходко. Егорыч очень боялся разбойников и диких зверей, поэтому ехали только днём. Останавливаться же на постоянных дворах опасалась Натали, так что ночевали, как правило, в обычных избах на окраинах. Чем больше путешественники углублялись на восток, тем чаще встречались им длинные вереницы каторжников: в цепях, с клеймами на лицах. Иногда среди них были женщины и дети. Обычно бойкая, Параша пряталась при виде этапируемых вглубь кареты и закрывала руками лицо. Таня над ней посмеивалась, а Наташа смотрела в окно во все глаза, не в силах оторваться от

чужой боли и безысходности.

Наконец добрались до реки Томи. Её серые воды катились на север, подгоняемые ледяным ветром вперемешку со снежной крупой. Заканчивался октябрь, и близился ледостав.

– Скоро ли закроют переправу? – громко спросил у перевозчика щуплый мужчина в долгополом, из толстого серого сукна, сюртуке, доходящем до середины голенищ его высоких сапог. Из-под картуза выбивались бакенбарды, выдавая горожанина, а может даже и купца.

– Дня три, ну пять поплаваем, – перекрикивая ветер, ответил бородатый мужик. – Потом шуга пойдёт.

Щуплый взмахнул рукой, мол, понял, и повернулся к своей лошади.

Дом Дмитрия Николаевича нашёлся легко, стоило лишь задать вопрос попутчикам по парому, пока они не успели разъехаться после переправы. Тот самый мужчина в картузе тут же отозвался:

– Гончаров? Отлично известен. Да я вас к нему провожу – сам хотел заехать. А вы откуда будете, простите за праздный интерес, издалека?

– Из Москвы, – ответила Натали. Собеседник явно знал Митю, и ей тоже стало любопытно, кто это.

– Ох, извините, дамы, я не представился, – заметил он Ташин пристальный взгляд. – Федот Иванович Попов, купец

первой гильдии, – несмотря на холод, мужчина снял картуз и поклонился, вопросительно глядя на девушек.

– Гончарова Наталья Николаевна, – нехотя ответила Таша. – А это Прасковья и Татьяна, мои спутницы.

Федот Попов так удивился, что выронил свой головной убор из рук прямо на жухлую траву.

– Так вы и есть Митина младшая сестра! – воскликнул он, не заметив потери. – Вот не ожидал, что вы действительно на это решитесь! Ну после, после поговорим, что же я вас тут морожу на ветру. Поедьте скорее, держитесь за мной, тут недалеко.

Попов легко вскочил на свои беговые дрожки, потом, спохватившись, хлопнул себя по макушке, спрыгнул на землю, подобрал картуз, нахлобучил его и, смеясь, снова уселся на сиденье. Лошади тронулись одновременно, карета следовала чуть позади. Через четверть часа уже были на месте. Дом превзошёл все Ташины ожидания. Большой, в пять окон на улицу, с мезонином и кирпичным подклетом, он сиял им навстречу свежей голубой краской. На крылечко нападала рябина, видно было, что хозяин сегодня ещё не выходил. Сердце Натали выскакивало из груди – вдруг она заволновалась, как её встретит брат? Попов дал знак оставаться в карете, и это озадачило и обеспокоило Ташу. Но Федот, с трудом сдерживая улыбку, решительно прошёл на крыльцо, растоптав ягоды сапогами. Стук в дверь был слышен на всю улицу.

– Митя, засоня, открывай! На дворе собачья погода, а он

дыхнет, как всегда, – Попов обернулся к девушкам, высу-
нувшимся из окон кареты, и подмигнул им.

Дверь приоткрылась наполовину, но Федот остался сто-
ять, прислонившись к перилам.

– Ну холодно же, заходите, – услышала Натали знакомый
с детства голос и в волнении зарылась в подушки, прикрыв
глаза.

– Представляешь, – невозмутимо продолжил Попов сво-
им громовым баритоном, – я из-за тебя проспорил Ваньке
империал. Почему тебя так дамы любят, а? Мне б хоть по-
ловину такой любви!

– Про что спорили?

– Приедет к тебе сестра до ледостава или не осмелится.

– А что, паром уже закрыли? – с беспокойством в голосе
спросил Дмитрий.

– Нет, я сегодня переправлялся. Фу ты, какой ты, пра-
во, недогадливый спросонья! Всё, открывай ворота поши-
ре, встречай гостей! Наталья Николаевна, добро пожаловать
в представительство нашей Первой золотопромышленной
компании, оно же дом Гончарова.

Таша нерешительно ступила на двор. Тут же откуда-то из-
за угла с весёлым лаем выскочила мохнатая, как медвежо-
нок, собака, когда-то бывшая белой, а теперь изрядно изма-
занная грязью. Она накинулась на гостей, играя и подстав-
ляя под руки свою большую голову. Натали попыталась увер-
нуться от её чумазных лап, но безуспешно – на подоле оста-

лись следы. Попов присел на корточки и закричал:

– Ласка, Ласка, поди сюда живо, оставь дам в покое!

Собака с неохотой оторвалась от Таши и, оглядываясь на неё, потрусил к дому.

На крыльцо вывалился Митя – лохматый, в красном полосатом халате, босой. Девушки за спиной Наташи прыснули и зашептались. Федот стоял, почёсывая за ухом пушистую Ласку, довольный, будто он сам привёз приятелю сестру из Москвы. Натали поднялась по ступенькам. Она думала, что при встрече кинется обнимать Митуша, но он так повзрослел за четыре года, что было неловко приставать к нему с нежностями, тем более в присутствии этого Попова. Дмитрий, видимо, чувствовал нечто похожее, потому что он в замешательстве замер, загораживая проход, затем поднёс ладонь к своему лбу, примеряя его к Наташиному, и сказал:

– Так выросла, не узнать! Скоро станешь выше меня! – потом спохватился: – Заходи, ты, наверное, устала после долгой дороги! – и он наконец, взяв за руку, завёл сестру в дом.

Чай пили в большой гостиной, которая, по видимости, служила и приёмной. Дмитрий уже переоделся, но всё ещё смотрел дико, будто не понимая, что вокруг него происходит. Федот распоряжался, как у себя дома: послал Тимофея Егоровича в ближайший трактир за готовыми блюдами, сам принёс необходимые для туалета вещи из кареты и сварил всем кофею.

Натали рассказывала обо всём по порядку, но про императора умолчала, сказав только, что устала от навязчивого внимания света, и здесь, в Сибири, под защитой брата, будет чувствовать себя спокойнее. Попов в это время отпил глоток из чашки и долго кашлял, поперхнувшись.

– Наталья Николаевна, простите, но при вашей красоте и образованности вам не избежать мужского внимания нигде, хоть на Камчатку поезжайте, – сказал он, с трудом восстановив дыхание.

Дмитрий быстро на него посмотрел, нахмутив брови, и снова перевёл взгляд на сестру. Таша тоже смотрела на Митю безотрывно, восстанавливая в памяти его образ и дополняя новыми подробностями. Брат стал выше, значительно шире в плечах. Его щёки, прежде округлые, впали, а само лицо вытянулось и выглядело обветренным, как у рабочего человека. Впрочем, у Попова оно было таким же. Длинные пальцы с выпуклыми косточками, как у отца, также огрубели.

– Натали, – вдруг спросил Дмитрий, – а представь мне своих спутниц. Ну, чтоб я знал, как мне вас размещать.

Девушки сидели тут же за столом, смущаясь и робея.

Таша помедлила с ответом, за неё ответил Федот:

– Если я не ошибаюсь, эта зовётся Прасковьей, а вот эта – Татьяной.

– Это ведь дедовы крепостные, верно? – уточнил Митя.

Наташа торопливо полезла в ридикюль и достала вольные.

– Нет-нет, уже нет! – возразила она брату, протягивая до-

кументы. – Но помнишь ты правильно.

Дмитрий мельком просмотрел бумаги и отдал обратно.

– Я думала нанять их горничной и кухаркой, – пояснила Таша, – но если у тебя свой штат прислуги...

Попов рассмеялся:

– Да нет у него никого! Девушки, вы придётесь весьма кстати! Наш Дмитрий Николаевич обедает в трактирах, а горничную я ему присылаю свою пару раз в месяц. Вот уже пора бы, а то грязью весь зарос!

– Я приберу! – привстала со своего места Параша.

– Сидите-сидите, пейте кофей, отдыхайте, начнёте свою работу позже, – остановил её Федот. – Митя, ничего, что я распоряжаюсь? А то ты застыл весь от радости.

– Ну я просто действительно не ожидал прямо вот так сегодня, – промямлил Дмитрий неуверенно. – Думал, ты не всерьёз, – сказал он сестре.

Таша вспыхнула.

– Ну вот, и ты! Катя с Сашей тоже сперва не поверили! – она подскочила, подумала минуту и снова опустилась на диван. – Но обратно мне ехать нет никакой возможности, – грустно сказала Наташа.

– Да что ты! – спохватился Митя. – Я вовсе не то хотел сказать! Весь мезонин в твоём распоряжении. Там одна большая комната и две маленьких, вам в самый раз хватит. Егорыч может жить внизу.

– Нет, Тимофея Егоровича дед ждёт обратно с каретой

и лошадьми, ну, кроме моей Матильды, – немного оживившись, поправила Натали.

– Тогда он должен пуститься в обратный путь не позднее, чем завтра, – сказал Федот. – Помните, что переправы скоро закроют, и не только на Томи. А он к тому же на колёсах. Надо из Сибири до снега выбираться.

На том и порешили. Егорыча отправили отсыпаться до утра, девушки вдвоём быстро отмыли мезонин и кухню, нашли и постелили бельё на кровать для Натальи Николаевны и на сундуки для себя. Легли рано, не дожидаясь вечера. Когда Наташа проснулась, было уже совсем темно. Она накинула домашнее платье и тихо, стараясь никого не разбудить, спустилась по лестнице. Часы в гостиной показывали всего лишь девять. Таша попила в кухне воды и уже хотела возвращаться наверх, но услышала звук удара, будто что-то упало. Она пошла в ту сторону и увидела свет из-под двери. Помедлив, Натали всё-таки постучала.

– Входи, входи, – отозвался брат.

Таша проскользнула в кабинет. За массивным столом Дмитрий смотрелся внушительнее, на своём месте. Вдоль стен размещались книжные полки – большей частью пустые. Наташа задержалась возле них, провела дорожку пальцем по пыли.

– Ничего, что я тебя отвлекаю? – обернулась она к брату. – Что ты делаешь?

– Думал пойти отдохнуть, – потёр лоб знакомым жестом

Митя, – а тут ящики мои приехали на ночь глядя, золото привезли. Считаю деньги теперь, как Кощей, – завтра нужно будет жалованье всем выдать и самородки выкупить. Надеюсь, Попов заедет с утра, – он озабоченно покосился в сторону бюро. – Не люблю хранить мешки с песком дома. Твои девушки чисты на руку?

– Конечно! – обиделась за подруг Таша. – Я их знаю с самого детства. А о каком песке ты говоришь?

– Показать? – Дмитрий встал и снял с шеи шнурок с ключиком.

Отперев и откинув крышку бюро, он выдвинул один из ящиков и вытащил небольшой мешочек. Внутри оказались желтоватые блестящие камешки, очень мелкая россыпь.

– Вот это и есть золото, – пояснил Митя. – А это самородки, – достал он из другого ящика камень покрупнее. Неправильной формы, он был похож на сгусток капель непрозрачной смолы.

– А как ты оказался пайщиком золотопромышленной компании? – спросила Наташа, пока брат вновь убирал и запирал свои сокровища. – Мы так боялись, что ты здесь, в Сибири, будешь бедствовать, голодать...

– Ну, на самом деле, нет, – Дмитрий усадил сестру на кушетку и присел на краешек рядом. – Нам сразу повезло, мы жили в татарской деревне у очень гостеприимной старушки, – он помолчал и шумно втянул воздух носом. – Занимались уходом за лошадьми, извозом. Потом нанялись на при-

иск, когда Поповы только начинали искать золото. А потом Федот Иванович – до сих пор не пойму почему – решил взять нас в пайщики.

– Ты всё время говоришь «нас», кого ты имеешь в виду?

– Да Пушкина же. Я писал тебе, кажется. Нас сослали вместе, мы и жили в одном доме, в одной комнате даже.

– Того самого, Александра Сергеевича, ты не шутишь? А... Какой он? – Натали вдруг стало нестерпимо любопытно, каковы в жизни гениальные поэты. Молва о Пушкине в Москве долго не утихала. Несмотря на цензуру, он стал ещё более известен после 1826 года, когда его сослали в Сибирь. Списки со стихами и поэмами продолжали читать в гостинных, судача о судьбе автора.

– С ним не всегда легко, – раздумчиво ответил Митя. – Но всегда интересно. Очень живой ум. И он – человек слова, несмотря на уйму вредных привычек. Он стал мне практически старшим братом и пару раз спас жизнь нам обоим. Да вы скоро познакомитесь!

– Да, кстати, а где он? – спросила Таша, неудовлетворённая таким скудным описанием.

– Попов дал ему, скажем так, творческий отпуск. Пушкин сидит в деревне и пишет поэму. Обещал вернуться к нам после ледостава. Впрочем, дом в Эуште теперь принадлежит ему, жить здесь он отказался, но зимой через реку можно добраться часа за полтора, а то и быстрее, если напрямик.

– У-у-у, – разочарованно протянула Наташа. – А где твоя

невеста? Ты же ещё не женился тут без меня?

– Нет, – погрузнел Дмитрий. – Лиза должна приехать из Иркутска, да и не приготовлено ничего к свадьбе.

– Я помогу тебе, если нужно, – предложила Натали и вдруг зевнула, прикрыв ладошкой рот. – Прости.

– Спасибо! Думаю, мне и правда понадобится твоя помощь. У меня здесь совсем нет знакомых дам, чтобы всё организовать. Разве что Лизина сестра, но я её совсем мало знаю, – Митя помолчал. – Ты иди, отдыхай, я ещё поработаю.

Таша встала, её взгляд снова упал на пустые полки.

– Митуш, а книги-то где?

– Так нет здесь книг, очень сложно достать, – развёл руками Дмитрий. – Ни публичной библиотеки, ни книжной лавки. Только то, что ты мне присылала.

– А я ещё привезла! – заулыбалась Наташа. – Много! И Пушкин там есть, старые издания.

Митя хихикнул:

– Непременно презентую Александру! Он будет счастлив.

Утром встали очень рано. Егорыч разгрузил багаж из кареты, которую вчера так и бросили во дворе, и вновь запряг отдохнувших лошадей – кроме Матильды, уже нашедшей своё место в небольшой конюшне Гончарова. Девушки вышли проводить дядьку Тимофея. Тот обнял поочерёдно Таню и Парашу, погрозил обеим пальцем.

– Ведите себя прилично, вертихвостки! Служите исправ-

но, не позорьте Полотняный Завод!

Он смахнул слезу и склонил голову перед Натали и Дмитрием.

– Вот, довёз я вам барышень, Дмитрий Николаевич. Берегите их, как я деду вашему обещал, – он хотел ещё что-то сказать, но сбился и, махнув рукой, отвернулся.

– Ты сам тоже береги себя, Тимофей Егорович! Дорога дальняя, трудная! Пусть Афанасий Николаевич нам напишет, как ты доберёшься, – сказала взволнованно Таша. Вот и оборвалась последняя ниточка, связывающая её с домом.

Располневшая в дороге Параша радостно хлопотала, таская снизу и расставляя вещи в мезонине. Вдруг Таша заметила, что девушка побледнела и схватилась за поясницу. На её искажившемся лице выступили крупные капли пота.

– Что случилось? – Натали подскочила к подруге, усадила её на сундук.

– Спину потянула, наверное, – с трудом переводя дыхание, ответила Параша. – Так и ломит!

– Ты ляг, полежи, мы с Танюшей сами управимся, – обеспокоенная Наталья проводила девушку к своей неразложенной постели, помогла улечься, накрыла одеялом. Парашу так знобило, что зуб на зуб на попадал. – Может, тебе чаю принести?

– Дожила! – засмеялась, несмотря на дрожь, девушка. – Хозяйка чаю хочет подать прямо в постель.

Таша раздражённо махнула рукой.

– Какая я тебе хозяйка! Жалованья пока не платила ни разу. Лежи уж! – и, перепрыгивая через ступеньки, побежала вниз, к брату.

– Митя, Митинька, прости, я привезла тебе одно беспокойство! Параша моя заболела, кажется. Не дай бог, холера прицепилась. Доктора бы ей. Очень дорого это?

Дмитрий был так заметно рад приезду сестры, что любое её желание исполнял с удовольствием.

– Конечно, Таша, сейчас я пошлю кого-нибудь. Обидно выдержать такую дорогу и заболеть уже дома. Не переживай! – он обнял сестру за плечи. – Я всё улажу.

Немного успокоенная, Натали заварила травяной чай, который нашла на кухне, и понесла наверх, Параше. За время её отсутствия девушке стало хуже. Она тяжело дышала, то и дело прижимая руки к одеялу. Глаза её были прикрыты, лицо мокрое. Таня стояла рядом, зажав руками себе рот, и смотрела на подругу с ужасом.

– Дмитрий Николаевич сейчас доктора приведёт, – стараюсь говорить будничным тоном, сказала Наташа. – Всё будет хорошо. Вот чай.

Не зная, чем ещё помочь, она поставила чашку около постели и отошла. Чтобы не думать о плохом, Таша заняла себя разбором багажа.

Доктор пришёл только к вечеру. Параша почти не заметила его появления, она стонала и металась, сбрасывая одеяло.

Бегло осмотрев пациентку, доктор повернулся к Наташе.

– Сударыня, это ваша родственница?

– Нет, – растерялась Таша. – Подруга.

– А сами вы замужем, прошу прощения за вопрос?

– Нет, нет!

– Тогда я попрошу вас выйти из комнаты. Я позову вас позже.

Взволнованная, Наташа вышла. Таня и так уже ждала внизу, выскочив из комнаты, едва завидела доктора.

Натали прошла в кабинет к брату. Тот что-то писал за столом, но оторвался от дел и подвинул Таше стул.

– Садись! Что там?

– Не знаю, доктор ещё в мезонине. Прости, я буду должна тебе за его вызов. Кстати, тётушка передала денег, я отдаю их все тебе, раз ты так добр и приютил нас у себя, – Натали сняла с пояса кошель Екатерины Ивановны и положила его на стол. – Хотела бы сказать, что надеюсь не стать обузой, но, увы, уже ей стала.

– Да что ты говоришь! – возмутился Дмитрий. После стольких лет разлуки они оба ожидали большей теплоты в отношениях, но пока чувствовалась лишь неловкость. – Ты для меня только в радость! Не представляешь, как тяжело жить одному. Хотя, помнишь, в детстве мы часто об этом мечтали. Вокруг было столько суеты! Я бы сейчас вернулся туда.

– Ой, нет! – искренне ужаснулась Таша. – Я только вырва-

лась из этого всего и обратно не хочу! Ты просто забыл! И ведь скоро придет твоя Лиза?

– Да, – вздохнул Митя грустно. – Только теперь, наверное, уже не очень скоро. На реках ледостав, ты чудом успела проскочить на пароме, не сегодня-завтра переправы закроют, нужно будет ждать крепкого льда. Не знаю, как там погода дальше по Иркутскому тракту, но все наши рабочие уже закончили сезон, пока Кия и Яя не встали.

В дверь осторожно постучали. Бледная Таня, заглянув, сообщила, что из мезонина спустился доктор.

– Я ему подала воду руки вымыть и полотенце, – испуганно сказала она. – Поговорите с ним сами, Наталья Николаевна! Я боюсь спрашивать!

Наташа и Дмитрий вышли в гостиную. Доктор стоял посередине, вытирая руки.

– Ну как? – выдохнула Таша.

– Мёртвый, – устало ответил доктор. – Мал ещё.

– Кто? – удивился Митя.

– Младенец. Как, вы не в курсе? – доктор переводил взгляд с брата на сестру, соображая, с кем лучше вести беседу.

– А Параша? – пискнула из угла Таня.

– С матерью всё в порядке, но я зайду дня через два, проведу. Передайте мои соболезнования её супругу.

– Но... – снова попробовал понять происходящее Митя, потом достал деньги. – Вот оплата. Спасибо, что приехали.

– Не за что, – пожал плечами доктор. – Но вы могли бы и повитуху позвать, дешевле бы вышло.

Параша быстро поправлялась. Уже на следующий день она встала с постели и, пряча глаза, занялась хлопотами по дому. Натали всё хотела с ней поговорить, но ей было неловко поднимать такую щекотливую тему.

Девушки потихоньку обустроивались на новом месте. В воскресенье Дмитрий свозил всех троих на службу в Благовещенский собор. На улице резко похолодало, лужи и грязь сковало льдом, ветер нёс в лицо хлопья снега. Таша надела на себя всё самое тёплое, что привезла из Москвы, и тем не менее ужасно продрогла. Митя, заметив посиневший кончик носа сестры, постановил в ближайшее время идти за покупками в Гостиный двор. А пока после службы вернулись домой, отогреться чаем с вареньем, которое передал дед. Таня разложила лакомство по нескольким маленьким розеткам причудливой формы. Дмитрий пробовал каждый сорт на кончике ложечки, угадывая ягоду с закрытыми глазами.

– Земляника... Малина... Чёрная смородина... Яблоки... Крыжовник... О! – Митя раскрыл глаза и хихикнул. – Александр большой охотник до крыжовника, а здесь его не растёт, представляешь? Там ещё есть баночка?

– Да, – уверенно ответила Натали. – Дедушка даже ведомость составил и приложил, там каждого сорта по несколько штук. И Пушкину твоему хватит. Я смотрю, ты за него силь-

но переживаешь, – смешливо прищурилась она.

– Да, знаешь, соскучился уже, – смутился брат. – Привык, что всё время вместе.

В дверь неожиданно постучали. Параша на правах горничной пошла открывать. Из передней послышался её смущённый смех и мужской вкрадчивый голос.

Таша вглядывалась в лицо Дмитрия. Он состроил скучающую гримаску и поджал губы, не спеша навстречу гостю.

– Кто там? – шепнула Наташа.

Митя махнул рукой, мол, сейчас сама увидишь. В комнату быстрыми шагами вошёл невысокий мужчина в светлом песочном костюме. При виде Натали он расцвёл в улыбке и, приблизившись, склонился поцеловать руку.

– Любезная Наталья Николаевна, приветствую вас! Позвольте представиться: Иван Асташев, друг вашего брата.

– Как много у моего брата друзей! – Таша отняла руку, неприлично долго остававшуюся у Асташева, и произвольно потёрла пальцы.

– А, друзья... – протянул Митя. – Это Попов вам рассказывал?

Иван хитро усмехнулся и не ответил.

– И горничная у вас такая милая, – сказал он. – Я давно говорю Дмитрию Николаевичу: заведите хоть дворецкого, садовника, ну любого лакея! А то всё сам дверь открывать бегаешь, как мальчишка.

– Чай пить будете, Иван Дмитриевич? – попытался пере-

вести разговор Митя, вставая с кресла.

– Ну вот и чай сам наливает, – укорил его снова Асташев, опускаясь на диван рядом с Натали. – Пить, безусловно, буду. Но я к вам по делу.

– Иван Дмитриевич сейчас исполняет обязанности томского городничего, – пояснил Дмитрий сестре. – Прежний уехал в Россию по семейным надобностям.

– Да, всё верно. Вы, наверное, не знаете, но ещё весной министерство внутренних дел разослало распоряжение по губернским городам об открытии публичных библиотек. Наш новый губернатор, Евграф Петрович, после знакомства с Пушкиным решил ускорить исполнение повеления министра, и библиотека будет открыта уже на днях. Я лично выписал для неё четыре десятка различных журналов и газет Москвы и Петербурга, хотя с книгами будет посложнее. Мы сейчас собираем добровольные пожертвования для покупки литературы. Первая золотопромышленная компания, конечно, тоже вложит свои капиталы? – Асташев вопросительно посмотрел на Дмитрия, склонив голову набок.

– Спросите у Попова, – отмахнулся Митя. – Хотя библиотека – это хорошая идея! Я думаю, он согласится.

Глаза у Таши загорелись. Она заёрзала на месте.

– Библиотека – это отличная идея! – воскликнула Натали. – Я боялась, что буду оторвана от мира, от событий, от новых книг, а тут такие возможности! Дмитрий, ты обязательно должен поучаствовать, и Федот, наверное, тоже захо-

чет, он показался мне образованным человеком.

– «Федот»? – поднял бровь Асташев. – Вы уже так хорошо знакомы?

Таша смутилась и замолчала.

– Тогда меня зовите просто Иваном, – предложил городничий. – Я тоже хочу входить в ваш близкий круг. Так вот, Дмитрий Николаевич, губернатор приглашает вас – и всех уважаемых горожан – в следующую субботу на благотворительный бал по случаю открытия библиотеки. Будет прекрасно, если вы возьмёте с собой сестру и невесту – представите Евграфу Петровичу. Кстати же, я видел вчера Лизаньку в городе. Удивлён, что она не с вами.

Митя побледнел и подскочил с места.

– Вы не обознались, Иван Дмитриевич?

– Нет, конечно. Они были с Верой Игнатьевной и даже помахали мне с извозчика.

– Я должен уйти! – воскликнул Митя. Он с тревогой взглянул на сестру и полуутвердительно бросил Асташеву: – Вам ведь тоже уже пора.

Иван Дмитриевич посмотрел на Натали так, будто она таяла в воздухе у него на глазах. Ей стало неуютно. К счастью, Асташев не стал спорить и поднялся.

– Раз обстоятельства таковы... – протянул он, – то я удаляюсь.

Проводив Асташева, бросающего на Наташу печальные взгляды, Дмитрий поспешил одеваться. Едва он скрылся в

своей комнате, в дверь робко постучали. Поколебавшись мгновение, Таша открыла. На крыльце стояли две девушки в капорах и крытых бархатом беличьих шубках. Они были похожи меж собой, только одна выше и старше, а другая – ровесница Натали. На лице младшей отразилось замешательство, и вместо приветствия она сказала:

– Ой, а вы кто?

– Это дом Дмитрия Николаевича Гончарова? – исправила её оплошность другая дама.

– Да, да, входите! – Натали подвинулась, пропуская гостей внутрь.

– Я Вера Зеленцова, – представилась старшая, протягивая карточку. – А это моя сестра Лиза. Можем мы видеть хозяина?

Таша так обрадовалась за брата, что потеряла дар речи. Всплеснув руками, она метнулась вглубь дома и затарабанила в Митину дверь.

Дмитрий вышел уже полностью одетый. Он услышал голоса в передней и, не обратив внимания на сестру, устремился туда. Натали последовала за ним и увидела, как брат пылко целует Лизины руки, а Вера, отвернувшись ради приличия, внимательно изучает декор платяного шкафа. Таша осторожно тронула её за рукав.

– Пройдёмте в гостиную, – шёпотом сказала она. – Меня зовут Натали, я сестра Дмитрия.

Вера Игнатьевна оказалась очень умной благовоспитанной дамой. Она поведала Таше, что отец поручил ей организовать помолвку юных влюблённых, объяснявшихся сейчас в передней, с тем, чтобы к Масленице сыграть свадьбу. Помолвку следовало объявить как можно раньше, чтобы успеть до рождественского поста, то есть буквально в ближайшие дни.

– А вы знаете, Вера, – волнуясь, сказала Натали, – губернатор позвал Дмитрия вместе с Лизой на благотворительный бал. Уместно ли будет принять его приглашение до помолвки?

Вера Игнатьевна задумалась.

– Это очень лестно, – наконец произнесла она. – Пожалуй, и впрямь следует поторопить события. На самом деле, мы с сестрой уже готовы. Она приехала неделю назад, но была так простужена, что я её не пустила к Дмитрию Николаевичу. Надеюсь, он меня простит за это. Зато у Лизы уже почти сшито платье. Мы сможем вас пригласить дней через пять. Приходите вдвоём, познакомитесь с моим мужем и детьми, правда, они совсем малыши, – Верино строгое лицо смягчилось, а уголки губ сами поползли вверх.

– О, у вас есть дети, я не знала! – воскликнула Наташа. Не желая показаться невежливой, она добавила: – Я сама приехала лишь несколько дней назад, мы с братом ещё всего не переговорили.

В дверях появились Митя и Лиза. Они держались за руки

и, казалось, не могли оторваться ни на минуту. Усевшись на диван, они не переставали улыбаться, то и дело поглядывая друг на друга.

– Ну, здравствуйте, Дмитрий Николаевич! – попробовала привлечь его внимание Вера. – Как вы смотрите на то, чтобы упрочить наше знакомство семьями? Это позволит вам с Лизой видаться в рамках приличия. Приходите к нам с Семёном Григорьевичем в гости, и на правах старших Лизиных родственников здесь мы скрепим ваши договорённости. Я вижу, они достигнуты, – её глаза смеялись. – Но сейчас нам уже нужно идти, все подробности вы узнаете от Натальи Николаевны. Лиза, нам пора! – Вере пришлось повторить дважды, прежде чем сестра услышала её.

Растерянно заозиравшись, Лиза наконец заметила Наташу. Митя, проследив её взгляд, подскочил с дивана и представил девушек друг другу. Лиза Соколовская показалась Таше очень милой. С сожалением Натали распрощалась с невестой брата.

Уезжая из Москвы, Таша не думала, что её жизнь в Сибири окажется полна событий и знакомств. Скорее она ждала вынужденного отшельничества и принимала это как схиму. А тут её сразу закрутило вихрем общественных дел и новых лиц. Они с Митей, бледным от волнения, блуждали по рядам Гостиного Двора в поисках торжественного наряда жениха и, заодно, шубки для Натали. Потом у ювелира выбирали по-

молвочное кольцо с бирюзой – голубой камень должен был чудно гармонировать с тёмными глазами и бледной кожей Лизы. Дома Таня, почти без перерыва на еду и сон, подгоняла и перешивала самое лучшее Ташино платье, добавляя на него кружев и мелкого речного жемчуга, купленного у того же ювелира.

В назначенный день и час брат и сестра Гончаровы переступили порог дома Зеленцовых. Супруги встретили их радушно. Вера, очень красивая в тёмно-красном тяжёлом платье, пошла на второй этаж звать Лизу. Митя присел на краешек стула. Он то и дело подносил руку ко рту, трогал кончик носа и губы – Таша видела, что он близок к тому, чтобы начать, как в детстве, грызть ногти. Семён Григорьевич, высокий худой мужчина средних лет, старательно развлекал гостей беседой, но, так как Дмитрий был не в состоянии поддержать разговор, Натали пришлось взять это на себя. Она в общих чертах рассказала про род Гончаровых, в ответ на это Зеленцов представился купеческим сыном и смотрителем губернской типографии.

– В Томске есть типография? – удивилась Таша.

– Да, при губернском правлении, уже больше десяти лет, – невозмутимо сообщил Семён Григорьевич. – Но мы почти не печатаем литературу, в основном приказы, инструкции, иногда новостные листки. Полноценной газеты в городе нет.

– Так вот почему Асташев говорил, что выписал для новой библиотеки московские и петербургские издания!

– Вы уже знакомы с Иваном Дмитриевичем? – поднял брови Зеленцов.

– Да, он даже был так любезен, что пригласил нас на бал от лица губернатора.

Митя, несмотря на поглощённость собственными мыслями, скривился и хотел что-то добавить, но тут в комнату вошла Лиза. В голубом пышном платье с рукавами-буфами она была похожа на воздушное пирожное, и Натали порадовалась, что помолвочное кольцо – именно с бирюзой, в цвет туалета.

– А вот и наша невеста! – объявила Вера, входя следом.

Дмитрий подскочил со стула, едва не опрокинув его, и склонил голову перед своей избранницей. Лиза улыбалась, глядя на него влажными блестящими глазами, и у Таши самой чуть не выступили слёзы радости. Митя опустился на одно колено и, не говоря ни слова, надел невесте колечко. Потом приложился губами к её пальцам, замер на несколько мгновений и поднялся, весь зардевшись. Лиза прижала руку с кольцом к своим губам и оглянулась на сестру.

– Ну, слава Богу, – выдохнула Вера. – Я так за вас рада! А теперь пройдёмте в столовую, отобедаем и обсудим свадьбу, раз уж мы с Семёном Григорьевичем волею судеб здесь оказались за старших. Родители, конечно, приедут, – заверила она Дмитрия. – В конце зимы. Тогда и обвенчаетесь.

Обед прошёл в дружеской атмосфере. Договорились, что Лиза будет жить у сестры, но встречаться с Митей сможет

свободно, хоть в доме Зеленцовых, хоть у Гончаровых. Приданого Игнатий Иванович обещал за дочь пять тысяч да сундуки, что Лиза привезла из Тельмы, но Дмитрию это было вовсе безразлично. Когда накрыли стол для чая, из детской спустилась дородная няня с двумя малышами – девочкой лет трёх и младенцем на руках. Вера, гордая своим материнством, захватила внимание Натали, оставив, наконец, молодых в покое.

Возвращались уже по темноте. В карете Таша видела только блестящий взгляд брата и очертания его большой фигуры.

– Ну как, ты рад? – спросила она.

– Да, – ответил Митя. – Да! Да! – яростным шёпотом добавил он и закрыл глаза.

Сердце Натали горело под рёбрами, будто это ей сегодня надели на палец кольцо.

В Сибири ноябрь всегда приносит метели и снегопады. Так сказал Дмитрий, одеваясь на приём к губернатору. Снег уже лежал большими сугробами, хотя неделю назад его не было вовсе. Извозчики пересели на сани. Казалось, что уже совсем скоро Рождество, хотя до него оставалось ещё больше месяца. Лиза, ожидавшая на крыльце дома Зеленцовых, зарумянилась на холодном ветру и стала похожа на фарфоровую куклу, каких дарил Таше дед.

Бал проходил в красивом каменном здании с колоннами, в большой зале на втором этаже. Губернатор лично привет-

ствовал гостей. Казалось, он знает каждого.

– Добрый вечер, Дмитрий Николаевич! Слышал о вашей помолвке, искренне поздравляю! Буду рад знакомству, – Евраф Петрович с любопытством переводил взгляд с Натали на Лизу. Митя с запозданием представил спутниц.

– Надеюсь, общество столь достойных дам благотворно скажется на вашем положении. – Губернатор, как показалось Таше, маскировал строгостью ехидство. В любом случае, вскоре пожаловали другие гости, и Ковалевский вступил в разговор с ними. Дмитрий отвёл девушек в сторону.

– Расскажи, кого ты здесь знаешь? – вполголоса спросила Натали.

– Да немногих, на самом деле, я же в основном был на прииске или в деревне, – пожал плечами Митя, не отпуская руку невесты. Лиза так же, как и Наташа, разглядывала публику во все глаза. – Вон стоит Асташев, беседует с дамой в возрасте, я её впервые вижу. Блондин, прихрамывая, несёт два бокала – это Касаротов, Ерофей Арсеньевич, городничий. Я и не слышал, что он уже вернулся. О, а вот Федот Иванович! Лиза, ты же с ним, наверное, ещё не знакома?

Дмитрий помахал Попову рукой, и тот направился было к ним, но какой-то невысокий кудрявый мужчина в тёмно-коричневом фраке задержал его на полпути, потянув за рукав и что-то сказав. Золотопромышленник расплылся в улыбке и обнял неожиданного собеседника. Таша вопросительно посмотрела на брата и увидела на его лице такое же довольное

выражение. Митя шумно выдохнул, будто с облегчением, и воскликнул:

– Саша! Ну наконец-то! Это же Пушкин!

Глава 7. Чёрная речка

«Мужская честь далеко не всегда может привести женщину в восторг».

(Дж. Лондон «Сердца трёх»)

Проведя осень в Эуштинских Юртах, в доме покойной Зульфийи Халиловны, который теперь стал его собственным, Александр чувствовал глубокое удовлетворение. Одиночество подействовало на него благотворно: всего за два с небольшим месяца он написал несколько повестей, пару сказок, три десятка стихотворений. Закончил – наконец-то! – «Онегина» и начал новую большую поэму про Ермака. Поэтому, когда в размеренную тихую жизнь бесцеремонно вторгся Асташев с письмом от губернатора, Саша даже не очень сильно расстроился. Ковалевский хотел денег на устройство библиотеки, это понятно. Пушкин ещё не был столь богат, чтобы жертвовать на благотворительность. А может, и был – в последние месяцы делами золотопромышленной компании занимался Гончаров на том берегу Томи, так что прибылей за этот сезон добычи Саша ещё не видел. Река встала совсем недавно, и Асташев первым успел переправиться по новому льду. Иван привёз приглашение от губернатора, лично в руки Александру Сергеевичу. Саша аж

присвищнул от удивления, когда прочёл послание – столь уважительным тоном оно было написано.

– Вы у нас вместо свадебного генерала будете, как я понял, – пояснил Асташев, испортив всё впечатление.

И теперь, в своём лучшем фраке, Пушкин стоял на ступенях Магистрата. За окнами бушевала метель, поспешно покрывая снегом застывшие грязевые колеи, а здесь, в передней залы для заседаний, снова переделанной в бальную, было тепло и светло. Помедлив, Саша прошёл внутрь. Ковалевский стоял у входа, увлечённо беседуя с каким-то тучным бородатым мужчиной. Пушкин мысленно одел гостя в кафтан пятнадцатого века, расшитый золотом, вместо зелёного сюртука и посмеялся про себя над таким колоритным купцом из сказки. Мимо хозяина приёма Александру удалось прошмыгнуть незаметно, и он влился в публику, высматривая приятелей. Вот как раз мелькнула знакомая спина. Пушкин потянул Попова за рукав.

– Здравствуй, Федот Иванович! Ужасно рад тебя видеть! Даже не заезжал ко мне всю осень, занят был на приисках?

Попов обернулся и расплылся в улыбке.

– Пушкин! – он кинулся обниматься. – Уважал твоё одиночество, потому и не приезжал. Ты ж сам просил оставить тебя в покое! – Федот отстранился и осмотрел Сашу со всех сторон. – Выглядишь отлично!

– Как Митя? Здесь он?

– Должен быть здесь. Он нынче обласкан женским внима-

нием, цветёт и пахнет.

– Да ну? – с плохо скрытой завистью переспросил Саша. После замужества Танзили он вёл монашеский образ жизни, что, несомненно, пошло на пользу творчеству, но не душевному спокойствию поэта. – Лиза приехала?

– Не только, мой друг, не только, – хитро прищурившись и явно посмеиваясь про себя, ответил Попов. – Вот и Ванечка наострил уши, как и ты сейчас. О, да вон они, пойдём, познакомлю!

Заинтригованный, Пушкин посмотрел в ту сторону, куда указывал Федот. Дмитрий стоял на другом конце залы в окружении двух дам, в одной из которых Саша узнал Лизу Соколовскую, и улыбался немного растерянно. Александр поймал его взгляд и помахал рукой. Лиза тоже заметила Пушкина и подняла ладонь в приветствии, позволяя разглядеть блеснувшее кольцо на безымянном пальце. Незнакомая особа вцепилась в Митин локоть и смотрела прямо на них с Федотом, отчаянно шурясь.

– Неужели Гончаров уже женился? – возмутился Александр.

– Нет, только помолвлен, – успокоил его Попов. – Ещё погуляем на свадьбе, не волнуйся.

Они наконец пересекли залу.

– Здравствуйте, здравствуйте! – вскричал Дмитрий, как только они подошли поближе.

– И вам не хворать, – пошутил Пушкин. – Прекрасный

вечер, сударыни, Лизавета Игнатьевна... – он с намёком выдержал паузу, переведя взгляд на вторую даму. Девушке было едва ли восемнадцать. Похожая на невесомого ангела в белом платье, она смущённо взмахнула кружевным веером и спряталась за ним, лишь глаза цвета крепкого травяного чая сверкали. И тут только Саша сообразил, где он видел такие же миндалевидные глаза, и понял, кто перед ним, за миг до того, как Дмитрий произнёс:

– Позволь представить тебе мою сестру Натали! Наташа, это мой друг, Александр Пушкин.

Девушка опустила веер и протянула тонкие пальцы. Они были прохладными, и Саша с трудом подавил желание приникнуть к ним не только губами, но и разгорячённым лбом. Голова его закружилась.

Тем временем Митя представил Лизу Федоту Ивановичу. Пушкин поцеловал руку и ей, хотя в гостиной Соколовских они всегда ограничивались словесным приветствием, но бальный этикет обязывал быть любезным.

– Какое красивое кольцо, Лизавета Игнатьевна! Откуда оно у вас?

Теперь была очередь Лизы смущаться и краснеть. Видимо, помолвка состоялась совсем недавно.

– Я не успел вам сказать, простите. Лиза теперь моя невеста! – пояснил Гончаров, светясь от счастья и гордости.

– Ну, поздравляю! – Пушкин обнял обоих сразу, зацепив случайно рукою плечо Натали. Девушка отпрянула, как по-

родистая лошадь, только что не фыркнула на него. Саша погрузился. Он не считал себя достаточно привлекательным, чтобы заинтересовать столь красивую молодую особу, а слова на ум не шли. Казалось, за время уединения он разучился складно говорить. Но попробовать стоило.

– Спасибо за поздравление! – сердечно поблагодарил Дмитрий, а Лиза сделала книксен. – Я так рад, что ты выбрался в город! Наша свадьба будет в конце зимы, мы тебя, конечно же, приглашаем, будешь моим шафером.

Пушкин в красках представил, как он из последних сил держит венец над головой Гончарова. Может, сразу на скамеечку встать? Он улыбнулся, решив, что выскажет это предложение Дмитрию позже, без дам. Саша снова покосился на Митину сестру. Боже, до чего хороша! Похожа на Мадонну, как её изображал Рафаэль. Сама скромность: стоит в стороне, смотрит в пол, на бледных щеках – лёгкий румянец. Кожа бархатная даже на вид, как у младенца. Да она и есть младенец, так невинна и юна! Пушкин почувствовал себя прожжённым циничным стариком рядом с такой жемчужиной. И пока он боролся с невесть откуда взявшейся робостью, смешной у мужчины его возраста, заговорил Попов. Александр чуть не подпрыгнул от возмущения.

– Наталья Николаевна, как вам понравился Томск? Если у Мити нет времени, – Федот с усмешкой кивнул на Лизу, – я с удовольствием сам покажу вам местные достопримечательности.

У Пушкина аж сердце зашло. Он не дыша ожидал ответа девушки.

– Благодарю вас, Федот Иванович, я непременно обращусь к вам за помощью, если она потребуется. – Натали говорила свободно, без жеманства. Она даже улыбнулась Попову! – Александр Сергеевич, я так рада знакомству с вами, – продолжала Наталья, не переменяя тона. – Мой брат очень ценит вас как друга, а я доселе знала вас лишь как прекрасного поэта, чьи стихи мы с сёстрами учили наизусть. Надеюсь, что вы не откажете в любезности посетить наш дом?

Саша на миг потерял дар речи, но тут же нашёлся.

– Мне наше знакомство не менее приятно, я так же был наслышан о вас от Дмитрия – естественно, только хорошее, но реальность оказалась гораздо прекраснее любых рассказов. Ваш брат должен быть счастлив иметь такую сестру! И я, безусловно, стану бывать у вас иногда, ежели не надоем и вы сами меня не выгоните, благодарю сердечно за приглашение.

Митя рассмеялся, глядя на их расшаркивания.

– Я так отвык от светского этикета, вы не представляете, – искренне сказал он. – Но, кстати же, Пушкин, ты говорил с губернатором? Он, кажется, хотел, чтобы ты сказал какую-нибудь речь о важности литературы и библиотек.

Александр закатил глаза.

– Мне посчастливилось миновать его, но, пожалуй, придётся вас покинуть и пойти таки поприветствовать хозяина, чтобы не выглядеть последним хамом. Простите, – он кинул

долгий взгляд на Натали и повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть приближающегося к ним Ковалевского.

Пушкину не удалось избежать торжественной речи, а также стихотворения экспромтом, чтобы угодить губернатору. Зато, помимо аплодисментов толпы, он удостоился пламенного взгляда от девицы Гончаровой и ответил ей личным поклоном. Возвращаясь к друзьям, Саша поймал себя на мысли, что именно таких взглядов не хватает ему для вдохновения. Вот бы иметь запас дома и пользоваться по необходимости! Он не удержался от вздоха при виде Дмитрия и Лизы, прильнувшей к нему. По пути Пушкина снова задержал Ковалевский, высказавший ему благодарность и надежду на милость властей в связи с участием в общественно значимых проектах.

– Я обязательно напишу для вас рекомендации в столицу, – заверил он. – Возможно, удастся взять ваши книги в фонд новой библиотеки.

Александр рассыпался в изъявлениях признательности. В превосходном настроении он повернулся к Гончаровым. Оркестр уже заиграл мазурку, и Пушкин не увидел Наталью Николаевну возле брата. Он заозирался и тут же понял, кто его опередил. В танце с Натали кружился Асташев. Саша замер, следя за ними взглядом. Иван Дмитриевич двигался уверенно, даже красиво, и Пушкин почувствовал, как внутри него зарождается неприязнь к этому франту. Наталья Николаевна танцевала легко, невесомо, будто парила над паркетом.

Александр не мог оторваться, любуясь. Вдруг кто-то прикоснулся к его плечу.

– Что, хороша же сестра нашего Мити? – Попов подошёл незаметно, Саша аж вздрогнул.

– А ты, Федот Иванович, не танцуешь? – хрипло сказал Пушкин, не отвечая.

– Куда мне, – хмыкнул Попов. – Вы молодые, вам разнообразнее.

– А почему ты не женился? – вдруг заинтересовался Александр и повернулся к приятелю.

– Всё недосуг, всё при деле. То на заводе, то на прииске, то в поисковой экспедиции. Да и за столько лет привык я один.

– И дамы не волнуют твоё сердце? – с иронией спросил Пушкин.

– Ну почему же? Что ж я, не мужчина, что ли? В юности мечтал, бывало, чтоб и красавица, и умница, и чтоб помощницей была в делах... Да нет таких, не уживается это всё в одном теле... А что, Саша, давай мальчишник Мите устроим? Лизавета Игнатьевна умница, безусловно, но давай мы ему настоящих красавиц покажем? А то так и помрёт, не познавши, он же такой честный!

Пушкин, не удержавшись, расхохотался. В приподнятом настроении они присоединились к жениху и невесте. Вскоре подошёл и Асташев, ведя за руку Наталью Николаевну. Подойдя к брату, она высвободила ладонь и сделала реверанс Ивану Дмитриевичу.

– Это я вас должен благодарить за танец, – возразил Асташев с поклоном. – Я восхищён вашей грацией и изяществом.

Натали прикрыла лицо веером и не ответила.

– Александр Сергеевич! Добрый вечер! Очень рад! – повернулся к Пушкину Иван Дмитриевич. – Вы отлично выступили с речью, Евграф Петрович будет доволен. Надеюсь, вы больше не покинете наше общество так надолго? Мы можем собираться, как прежде у Соколовских, у Веры Игнатьевны или у Гончаровых, если Наталья Николаевна будет так любезна нас принимать, – он весь сочился мёдом, и сладкая улыбка его, обращённая к Митиной сестре, вызвала у Александра отвращение. Впрочем, Натали сделала вид, что ничего не услышала, и промолчала. Оркестр играл довольно громко для такой небольшой залы.

Благотворительный бал, очевидно, не планировался надолго, так как был лишь поводом для сбора денег, да и танцевали немногие. Поэтому, когда раздались звуки котильона, стало понятно, что этот танец – последний. Лиза и Митя тут же, взявшись за руки, двинулись в центр залы и влились в общий круг. Федот ошутимо толкнул Сашу в бок. Пушкин и сам понял, что сейчас важно опередить Асташева, который уже открыл было рот.

– Наталья Николаевна, – шагнул Александр к ней, отстраняя соперника, – позвольте мне иметь честь пригласить вас...

Натали улыбнулась ему и подала руку.

Через два дня Пушкин сидел на дружеском обеде у Гончаровых. Уже начался пост, и новая кухарка, которую привезла из Москвы Наталья Николаевна, накрыла прекрасный стол исключительно из подходящих случаю блюд. Митя ел и нахваливал, подкладывая Лизе лучшие лакомства. У Александра, напротив, не было аппетита. Две ночи подряд он почти не спал – писал стихи в угоду внезапно нахлынувшему вдохновению. Вышедшего из-под пера вполне хватило бы на небольшую книжку – для любителей слезливой романтической лирики. Но легче Пушкину не стало. К исходу второй ночи Саша вдруг осознал очевидное – влюбился. Безнадёжно, словно монах в лик иконы. В третью ночь он пил. В одиночестве, будто запойный пьяница. Поэтому сейчас у него болела голова и ломило тело, как от начинающейся простуды.

– Александр Сергеевич, а вы нам почитаете сегодня? – улыбаясь через стол, спросила Лиза и, не дожидаясь ответа, сказала Наталье Николаевне: – Знаете, когда здесь жили мои родители, мы с сёстрами часто имели удовольствие наслаждаться чудесными стихами из уст автора! Вы же дописали «Евгения Онегина»? – вновь обратилась она к Пушкину. – Они поженились с Татьяной?

– Я вам расскажу это в другой раз, – скривился Саша, не желая разочаровывать девушку. – Но, да, дописал.

– А вы можете послать этот чудесный роман отцу? Он так

ждёт окончания! Я могу переписать красивым почерком, если вы позволите, – щёки Лизы порозовели.

– У Лизаветы Игнатьевны самый аккуратный почерк, который я видел, – подтвердил Митя, глядя на невесту влюблёнными глазами.

– Буду премного благодарен, – не слишком охотно ответил Пушкин. Ему было стыдно признаться даже самому себе, что счастье друга может так сильно раздражать.

К чаю подали несколько видов варенья и вазу с рассыпчатым печеньем. Наталья Николаевна вышла в кухню и, вернувшись с чем-то, завернутым в серую бумагу, подошла к Пушкину. Саша поднял на неё взгляд, надеясь, что пылающий в груди огонь не вырвется наружу. Но девушка, казалось, ничего не замечала.

– Вы любите варенье? – спросила она весело.

– Да, – ответил Пушкин, не понимая, в чём тут дело.

– А какое больше всего?

– Крыжовенное, – сказал он, глядя прямо в глаза Натали.

В слабом свете свечей они казались цвета переспелых ягод крыжовника.

– Тогда у меня есть для вас сувенир из нашего Полотняного Завода, – немного смущаясь, сказала девушка и протянула свёрток. Внутри оказалась баночка с тем самым вареньем. – Вы можете попробовать его прямо сейчас, – она указала на вазочки на столе, – а это забрать с собой. Чтобы вам и без нас было не скучно, – улыбнулась Натали.

Саша с благодарностью прижал к себе свёрток.

– Это прекрасно! – искренне воскликнул он. – Но всё-таки я предпочту ваше общество.

После чая Лиза при поддержке Мити всё же уговорила Пушкина почитать стихи. Никаких рукописей с собой у Александра не было, а в голове звучали только свежие строки – про восхищение Мадонной. Вцепившись в волнении в свою шевелюру на затылке и спрятав глаза за локтем, как мальчишка, он прочёл наизусть новый сонет. Несколько мгновений стояла тишина. Саша отвёл руку от лица и встретил кроткий ангельский взор той, что и не догадывалась о предмете посвящения. Лиза захлопала в ладоши.

– Как это красиво! – воскликнула она. – Не замечала за вами раньше такого увлечения иконописью.

– Да, кажется, я уверовал, – не в силах отвести взгляд от Натальи, ответил Пушкин.

– Это хорошо, ведь вам придётся присутствовать на нашем венчании, – практично заметила Лиза.

– Как вы думаете, каждый человек достоин счастья? Бог ко всем милостив? – спросил её Александр. Но ответила Натали, наверное, потому, что Саша по-прежнему, отринув приличия, смотрел в её глаза.

– Ко всем, кто верит в его милость. Неужели вы считаете себя недостойным?

Пушкин развёл руками, имея в виду темноту и холод за замёрзшими стёклами, Сибирь и весь этот бранный мир.

Гончаров, явно не желающий поддерживать этот навевающий грусть разговор, перебил сестру, уже открывшую рот для проповеди:

– Таша, принеси нам лучше шахматы. А хочешь, сама сперва сыграй с Александром, а я потом.

– Наталья Николаевна, вы играете в шахматы? – изумился Пушкин.

– Разумеется, а что тут такого? – скромно улыбнулась Натали. – Даже Таня и Параша, мои девушки, освоили эту науку за пару недель. Я привезла доску и фигуры.

Лиза сделала большие глаза:

– А вы знаете, что в Сибири шахматы запрещены? Как и карты, и любые другие азартные игры.

– Да ты просто не умеешь, – поддразнил её Митя.

– Ой, Лиза, я вас научу, – воскликнула Наташа. – У меня и учебник есть.

Первую партию с Натали Пушкин проиграл, не успев моргнуть глазом. Гончаров смеялся над его недоумением, а потом сам получил мат от Саши, потому что во время игры больше смотрел не на доску, а на свою невесту, шепчущуюся о чём-то с Ташей.

После игры Александр засобирился домой. Митя, накинув тулуп, вышел проводить его во двор.

– Сестра твоя, кажется, нашла общий язык с Лизой, – сказал Пушкин, седлая Батыра.

– Да, – радостно ответил Дмитрий, – они оказались по-

хожи, я недавно это понял. Только Таша... Сложнее. У неё много своих мыслей по разным вопросам, не как у большинства девиц её возраста. Как она тебе показалась, кстати?

– Приятная девушка, – осторожно произнёс Саша. – Со всем неискушённая в светских делах. Я бы на твоём месте смотрел в оба, мало ли вокруг вертится... подлецов. Ты ей теперь за отца.

– Ты прав, – вздохнул Митя. – Но мы почти нигде не бываем, только среди своих.

– И среди своих может затесаться волк в овечьей шкуре, – туманно предостерег Пушкин и легко вспрыгнул в седло.

В последующие несколько недель Александр ещё не единожды бывал у Гончаровых, почти всякий раз заставая там и Лизу Соколовскую. Наталья Николаевна была с ним очень мила и приветлива, но не более. Саша старался держать себя в рамках приличия, хотя изнутри его сжигала страсть. Он пил чай, читал стихи из поэм, играл в шахматы, но не решался признаться Наташе в своих чувствах. С Митей Пушкин тоже не откровенничал, мрачней с каждым днём.

На Рождество, разумеется, Гончаровы вновь ждали его у себя. Пушкин приехал поздно – снегу ночью насыпало по пояс, верхом было не проехать. Пришлось идти к соседям, Сулеймановым, просить сани и выносливую лошадку в упряжь.

Передняя была завалена шубами. Александр вошёл в гостиную. За чайным столом, помимо привычной компании,

сидели Зеленцовы – Вера и Семён Григорьевич, Федот Попов и Иван Асташев. Комната, обычно кажущаяся большой, стала тесной. Наталья Николаевна ютилась на краешке дивана возле Асташева, отодвинувшись от него к самому подлокотнику. Справа от неё на стуле сидела Лиза. Саша, поздоровавшись со всеми, тоже взял стул и поставил его между Митей и Федотом, на противоположной стороне стола. Разговор крутился вокруг грядущей свадьбы. Вера как раз накануне получила письмо от родителей и спешила поделиться новостями.

– Выедут на почтовых первого февраля, втроём с Ольгой, Соню оставят с бабушкой. Недели через две будут здесь. Правда, надолго не задержатся – отец очень занят на службе.

Лиза, наклонившись, что-то шепнула Наташе. Та посмотрела на Пушкина в упор. Саше захотелось провалиться сквозь землю под её взглядом. Ох, Лиза, какие тайны сестры ты сейчас выдала? Александр и думать не хотел о приезде Ольги. Он искренне надеялся, что та, не написав ему ни одного письма за этот год, не строит никаких планов на возобновление отношений.

Федот откровенно скучал. Сперва он пытался завязать разговор о делах с Семёном Григорьевичем, но тот отвечал вяло, намекнув, что в праздник намерен отдыхать, а если Федоту Ивановичу что-то от него надо, пусть найдёт его в губернском управлении. Впрочем, Зеленцовы посидели недолго. Сославшись на необходимость сделать ещё несколько ви-

зитов, они уехали вдвоём.

Асташев остался. Он по-хозяйски расположился на диване и, когда Дмитрий вышел проводить гостей, обратился к его сестре вполголоса:

– Наталья Николаевна, вам сказочно идёт такой розовый цвет. В этой гостиной он выглядит даже лучше, чем тот лиловый туалет, в котором вы принимали меня в прошлый раз.

Натали не нашлась, что ответить, зато нашёлся Пушкин:

– Ах, Иван, вы, оказывается, специалист по женскому платью? И как часто вы оцениваете туалеты здешних дам?

– Любезный Иван Дмитриевич бывает здесь каждую неделю, – пояснила Лиза, с беспокойством переводя взгляд с одного на другого.

– Просто удивительно, что мы не повстречались раньше! – воскликнул Александр.

– Это действительно любопытно, – не пожелал сдавать свои позиции Асташев, – поскольку я тоже не знал о ваших визитах в этот гостеприимный дом.

– Кажется, один я бываю у Мити лишь по делам, – нарочито огорчился Попов.

– Что? – Гончаров вошёл в комнату. – Федот Иванович, вы также можете заезжать к нам на чай, когда вам будет угодно.

– Премного благодарен за приглашение, – искренне сказал Федот. – Но сейчас позвольте мне украсть нашего друга Сашу для беседы, так сказать, тет-а-тет.

Пушкин от неожиданности чуть не свалился со стула, на

котором раскачивался, изображая невозмутимость.

– Вы всё о делах? – с укором сказал Митя. – Можете пройти в мой кабинет, – он махнул рукой в нужном направлении и подсел поближе к Лизе.

Александр с досадой последовал за Поповым, поминутно оглядываясь. Федот плотно закрыл за ними дверь.

– Присядь, Саша.

– В чём дело? – возмутился Пушкин, прислонившись к двери, готовый в первый же подходящий момент вернуться в гостиную.

– Не бесись. Я всё вижу, Саша. Ты прозрачен, как это окно.

– Что? – вскинулся Александр.

– Давай начистоту. Твоё положение всё ещё шатко. Царь сослал тебя бессрочно, под надзор. Любое неверное движение может закончиться каторгой, понимаешь? – Саша молчал, насупясь. – Асташев – другое дело. Он – любимец властей, его в управлении все знают. Даже когда проворовался на строительстве этапов, лишь пожурили слегка.

– Но это не значит, что он может делать всё, что хочет! – не выдержал Пушкин.

– Не значит, – согласился Попов. – Я с Ванькой давно знаком и даже, можно сказать, люблю – как тебя, как Митю. Хотя по морде иногда ему стоило бы дать, в воспитательных целях. Но не ты это должен делать. Тебе – опасно.

– Плевать.

– Тихо, не заводишься. Я сам с ним поговорю. А с тобой, давай, друг, выпьем. Но не здесь – поехали после в трактир или ко мне. Изольёшь душу – полегчает.

Саша посопел, признавая правоту Федота. Когда они вышли из кабинета, Асташева уже не было.

– Извинился, сослался на занятость и ушёл, – лишь развёл руками Митя.

– Эх, жаль, – стукнул себя по бокам Попов. – А мы хотели с ним ещё побеседовать. Ну, как-нибудь в другой раз. Пойдём, брат Пушкин, дальше разговляться. Увы, прекрасные дамы, мы вас покидаем с сожалением, но нас ждут мужские дела, – он раскланялся и уволок Сашу одеваться.

Возлияние с Поповым довольно скоро переросло в исповедь. Трактир вокруг шумел праздничным кутежом, поэтому, набрав еды и вина с собой, друзья укатили на Басандайку, в «Отрадный уголок». Задушевный разговор с Федотом привёл Пушкина в философское, отрешённое настроение.

– Хочешь жениться – женись, – с трудом ворочая языком, резюмировал Попов на правах старшего товарища. – Ну и что, что бесприданница – ты видел выручку за этот сезон? А в следующем году вдвое, втрое больше отмоем! Главное, чтоб Наташа твоя согласилась. А она с радостью, вот увидишь! Вот ещё придумал ерунду: «Достоин... Не достоин...» А что тёща за четыре тыщи вёрст – так то мечта, а не родня! Ох, погуляем ещё на твоей свадьбе, помяни моё слово, – Федот значительно поднял палец и захрапел уже, роняя го-

лову на стол.

Саше не спалось. Он тихо встал и подошёл к окну. Серп луны в виде буквы «С» висел над заснеженной рекой.

«Свадьба, – подумал Пушкин. – А может быть, смерть».

Он лёг на диван, не раздеваясь, и закрыл глаза.

Через две недели после Крещения Александр решил признаться Натали в своих чувствах. А чувства были серьёзными: впервые в жизни Саше хотелось обрести счастье и покой у ног любимого создания. Ещё недавно смеявшийся над Митей, он ощущал себя совсем старым на четвёртом десятке лет и теперь думал, насколько он сам комичен в образе безнадёжно влюблённого. Но Федот, весь январь не отпускаящий его от себя, подбадривал и поощрял поэта, не давая впасть в уныние. И к Гончаровым Попов попросился ехать вместе с Александром.

– Всё хорошо, Саша, – сказал он. – Если вдруг язык проглотишь, я, так и быть, сватом выступлю. Хотя, – Федот лукаво глянул на Пушкина, – что-то я сомневаюсь, что ты за словом в карман полезешь.

На подъезде к дому друзья встретили пустого извозчика. Попов недоумённо хмыкнул. Александр насторожился. Толкнув незапертую дверь, они вошли в переднюю, в которой происходило что-то невообразимое. Наталья Николаевна в коричневом домашнем платье вжалась в стену между платяным шкафом и банкеткой, вцепившись побелевшими

руками в концы шерстяной шали, скрещённой на груди. Перед ней, загораживая проход, стояла шуба с рыжеватым кудрявым затылком и тянула к ней лисьи рукава. На шум открывающейся двери злоумышленник прервал свою речь и обернулся, оказавшись Асташевым. Его лицо было растерянно, с пальцев свисала цепочка с медальоном, блеснувшим аквармином.

– Та-а-ак, – пробасил Попов.

Воспользовавшись общим замешательством, Наташа проскользнула за спиной мужчины и со всхлипом выбежала из передней. Её шаги простучали дробью по лестнице. В груди у Саши будто разорвался артиллерийский снаряд, разнеся сердце в клочья. Он шумно втянул воздух.

Из комнаты появился Митя.

– Что тут... – начал он возмущённо.

В это мгновение Пушкин шагнул к Асташеву и коротко, без замаха, ударил. Иван ошарашенно сел на банкетку, схватившись за ухо. Александра сзади обхватили чьи-то сильные руки.

– Тихо, тихо, – раздался шёпот Попова, – мы же договаривались – никакого мордобоя.

– Что тут происходит? – снова повторил Гончаров, повышая тон. – Иван Дмитриевич, объяснитесь!

Пушкин выпростался из объятий Федота. Асташев молчал, поэтому Саша ответил за него, дрожа от ярости:

– Вот этот человек пришёл, словно разбойник, в твой дом

и оскорбил Наталью Николаевну. Она вырвалась и убежала от него в слезах, когда мы вошли.

– Всё так и было, – подтвердил Попов.

– На самом деле, – поднялся с банкетки Асташев, – всё было не так. Я... – он откашлялся, прежде чем продолжить. – Я просил руки вашей сестры, Дмитрий Николаевич. Она мне, по всей видимости, отказала.

У Мити округлились глаза. После томительной паузы он презрительно фыркнул.

– Вероятно, своим предложением вы оскорбили Натали. Или тем, в какой форме оно было высказано. В любом случае, – распаяясь, добавил Гончаров, – вы должны были сперва просить её руки у меня, как у старшего в семье. А ещё лучше – написать письмо в Москву, родителям. А то, что вы делаете, называется совращением! Возможно даже, насилуем! Наедине, воспользовавшись моим отсутствием! В конце концов, вы же уже женаты! – Дмитрий почти кричал. – Я вынужден вызвать вас на дуэль!

В передней повисла тишина.

Попов закашлялся и сиплым голосом произнёс:

– Митя, ты бы думал, прежде чем говорить...

– Я пришлю вам письменный вызов, – сухо сказал Дмитрий Асташеву. – А теперь – уходите!

– Дмитрий Николаевич... – попытался оправдаться Иван.

– Уходите! – повторил Митя и повернулся спиной.

Асташев, ни на кого не глядя, запахнул шубу, покрутил

в пальцах медальон и, сунув его за пазуху, вышел из дома. Дверь за ним захлопнулась с грохотом.

Гончаров повернулся на звук. Он был бледен, руки тряслись. Сашу тоже била крупная дрожь.

– Каков нахал! – произнёс он. – Митя, у тебя есть что выпить? Очень надо, и тебе тоже.

Все трое прошли в столовую. Гончаров достал из буфета бутылку какой-то настойки, разлил по стаканам. Пушкин выпил залпом, не почувствовав ни вкуса, ни градуса. Митя пригубил, стукнув стеклом по зубам, поставил стакан и тяжело опустился на стул. Затем обхватил голову руками и застонал:

– Что я наделал?!

– Тебе сказать? – с готовностью отозвался Попов, потягивающий свою порцию настойки.

Гончаров промычал что-то невнятное.

– Подставился ты по полной, вот что. Ванька – известный женолюб, и окоротить его давно пора. Но не насмерть же! Ты, Митенька, стрелять-то умеешь? – обманчиво ласково спросил Федот.

Дмитрий выглянул из-под руки.

– Александр меня учил.

– Учил! – передразнил Попов. – Сам-то подумал, на кого сестру и невесту оставишь, коли помрёшь? – вдруг громыхнул он, и Митя снова спрятал голову.

– Но теперь уже обратного хода нет, – осторожно произнёс Пушкин. – Нельзя отменить вызов, Дмитрий же дворянин.

– Зато Ванька-то нет!

– Да, но Асташев – коллежский асессор, это добавляет ему чина. Он не станет отказываться от дуэли.

Гончаров издал странный всхлипывающий звук, потом выпрямился и, привстав на локтях, вперился в Попова:

– Ну не мог я этого так оставить, не мог, понимаете вы или нет? Я Таше ещё в детстве обещал, что буду её защищать от вот таких неуместных ухажёров. Она же девочка совсем, сама отпор дать не умеет!

Федот закусил край губы, потарабанил пальцами по столу в задумчивости, потом встал и снова наполнил стаканы.

– Ладно, – наконец тяжело уронил он. – Утро вечера мудренее. Предлагаю сегодня всё обдумать, а завтра собраться здесь же и написать вызов. До первой крови, не более! – Попов внушительно погрозил пальцем.

Вернувшись в Эуштинские Юрты после долгого отсутствия, Пушкин зашёл к Сулеймановым сказать Малике, что он снова нуждается в ужине. Дверь открыл Ильнури.

– Саям, дус! – обрадовался татарин. – Давно не видно тебя, куда пропал?

– Да так, у приятелей был, в городе, – смутился Саша.

– Дмитрия обнимаю от нас, совсем забыл друзей, как переехал. Пойдём со мной, я к лошадам шёл, Рустэма сменить.

Крещенские морозы уже отступили, но небо было ясное, звёздное. Снег скрипел под ногами. На конюшне хозяйничал

младший брат Ильнури. Рустэм так вырос и возмужал за последнее время, что их с братом стало даже сложно различить. Тепло поприветствовав Пушкина, парень завершил дела и ушёл. Александр с Ильнури остались вдвоём. Саша прошёлся вдоль денников, почесал любимых Сулеймановских коней – они все его помнили. Остановился возле старой Аргамак, погладил её пожелтевшую шкуру.

– Послушай, друг, – наконец произнёс он, – если бы тебе нужно было сделать какое-то дело, которое необходимо сохранить в тайне, куда бы ты пошёл? Так, чтобы никто не узнал и не услышал...

Ильнури хитро прищурился.

– Чего не услышал? Ладно, молчи. Я не из болтливых. Есть здесь недалеко по тракту татарская деревня Ауды Аул, Чёрная речка по-вашему. Небольшая такая деревенька, три десятка чадских землянок. За деревней, в сторону реки, глухой бор. В бору – три озера. Зимой там только лоси бродят. Я бы пошёл туда. Я знаю, ты отличный стрелок, но будь осторожен.

– Спасибо за совет, – отозвался Пушкин. Он вдруг отчётливо понял, как следует поступить.

На следующее утро все трое собрались у Гончарова в кабинете.

– Что Натали? – не выдержав, спросил Саша.

– К ужину не выходила, но за завтраком я её расспросил, –

ответил Дмитрий. – Асташев правду сказал, – Митя поморщился.

– А как они наедине остались?

– Случайность. Параша на рынок ушла, а Таня была на заднем дворе. Таша читала в гостиной, пошла открывать сама. А тут Иван Дмитриевич насел на неё со своими подарками и предложениями. Она испугалась сильно. Вы вовремя появились. Не нужен ей такой жених.

– То есть, если я его ненароком убью, плакать Наталья Николаевна не станет? – уточнил Пушкин сквозь зубы.

– Нет. Постой, почему ты?!

– Потому что я стреляю лучше тебя.

Затянувшееся молчание прервалось хмыканьем Федота:

– Этот вариант не так уж плох. Только от убийства воздержись, не бери грех на душу.

– А так можно? – неуверенно спросил Митя.

– Конечно! – Саша вскочил со стула. – Каждый имеет право на замену себя профессионалом. Я, правда, никогда не участвовал в дуэли за деньги и сейчас не буду, но этого проныру подстрелю с удовольствием.

– Уха тебе мало оказалось? – неодобрительно уточнил Попов.

– За честь друга – несомненно, – Пушкин повернулся и театрально склонил голову перед Гончаровым. – Распоряжайся моей жизнью как своей.

– О-о-о, ладно, – Митя потёр переносицу. – Даже не знаю,

что сказать. Спасибо.

– И место я нашёл подходящее, в лесу на том берегу Томи. Чёрная речка, знаете?

Гончаров покачал головой, а Попов хлопнул себя рукой по колену:

– Ещё бы, у меня из окна тот бор видать. Можно было б напрямки переправиться, если бы не обрыв.

– Ну, раз всё решено, давайте вызов писать, – сказал Дмитрий.

– Необходимы ещё секунданты, – перебил его Пушкин. – Лишние люди нам не нужны. Ты будешь моим, а Федот Иванович – Асташева.

– Оружие? – спросил Попов.

– У меня же есть пистолеты, – отмахнулся Саша. – Вот теперь всё решено. Пиши.

Поединок назначили на двадцать седьмое января, полдень. Письмо поехал отвозить Попов, он же обещал внушить Асташеву, чтоб тот не болтал лишнего, а то его самого, чего доброго, за дуэль попрут с должности.

Утром двадцать седьмого завьюжило. Дело шло к потеплению, поэтому набежали снеговые тучи, но ветер с реки дул ледянящий, забивая колючими снежинками глаза и ноздри. Саша постоял, снял рукавицу, вытянул руку и поймал ветер в ладонь. «Такой и пулю снесёт, – подумал он. – Но, может, в бору тише будет».

В бору у Чёрной речки, куда прибыли на двух санях все участники дуэли, и в самом деле было спокойнее. Метель завывала в верхушках сосен, роняя время от времени большие шапки снега, но внизу ветер дул умеренный.

Попов, как лучший знаток окрестностей, правил лошадей. В санях сидел Асташев. За дорогу он ещё никому не сказал ни слова. Гончаров с Пушкиным ехали следом. Сугробы в лесу были глубоки, но от деревни к озёрам кто-то протоптал тропу. На опушке Федот остановился и спрыгнул в снег, тут же провалившись по колёно. Выругавшись, он выкарабкался на тропинку и пошёл по ней к озеру. Водная гладь была покрыта льдом везде, кроме небольшой полыньи, к которой и вела тропа.

– Здесь и разместимся, – сказал Попов, выходя на лёд.

Пушкин спустился следом. На озере снег разметало ветром, поэтому здесь снежный покров не превышал пяди, доходя лишь до голенищ сапог. Лёд под ногами не скользил, водоём был достаточно большим – его дальний край терялся где-то в метели. Митя подошёл к Попову, и они вместе начали мерить поверхность шагами, утапывая снег.

Асташев, путаясь в шубе, вылез из саней.

– Александр Сергеевич, может быть вы объясните мне, что происходит? – спросил он, будто находился не в лесу, а на приёме у губернатора.

Пушкин следил взглядом за Дмитрием и не посчитал нужным повернуть голову к собеседнику.

– Ваше высокоблагородие, имеет место быть дуэль с вашим участием, – сухо ответил он. – Я собираюсь стрелять вместо вызвавшего вас Гончарова.

– Но, Александр Сергеевич, – воскликнул Асташев, не сумев скрыть волнение в голосе, – если лично вы имели ко мне какие-то претензии, вы, кажется, могли удовлетворить свою обиду ударом, нанесённым мне непосредственно перед вызовом! Я, заметьте, принял его с покорностью.

Пушкин сплюнул на снег.

– Тем хуже для вас. Я просто исполнитель.

– Дорогой Дмитрий Николаевич! – воззвал к подошедшему Гончарову Асташев. – Давайте решим всё дело миром! Я не хотел задеть честь вашей сестры, моё предложение было сделано от чистого сердца!

Митя надулся и напыщенно произнёс:

– Это невозможно. Как вы помыслить смогли об этом? Как же ваша первая супруга и дочь? Кажется, её зовут Лиза?

– Моё сознание помрачилось от небесной красоты Натальи Николаевны, я забыл обо всём, – поник Иван Дмитриевич. – Готов принести извинения!

– Это более неуместно, – ответил Гончаров, и Пушкин с облегчением выдохнул. Он боялся, что мягкосердечный Митя сжалится и отменит дуэль. Страх за собственную жизнь у него не было, как и на прошлых четырёх поединках. А холодная ярость, бросающая в дрожь сильнее январского ветра, была.

– Я смотрю, попытка примирения провалилась? – мрачно констатировал Попов. – Жаль. Тогда кончайте скорее и поехали домой, буря этот продирает до костей.

Ветер теперь спустился ниже и крутил вихри позёмки на льду. Федот ещё раз повторил условия: не сходитьсь, стрелять по очереди с отмеченных мест, между которыми – двадцать шагов; право первого выстрела – у оскорблённой стороны; дуэль длится строго до первой крови, после этого инцидент считается исчерпанным.

– И не вздумайте мне переубивать друг друга! – сурово подытожил Попов.

Противники скинули шубы в снег, оставшись в сюртуках. Гончаров принёс из саней книгу-шкатулку с пистолетами и тщательно зарядил их. Не глядя, роздал их дуэлянтам, которые, не разговаривая более, разошлись на позиции.

Александр прицелился. Метель усилилась, снег застилал глаза, забирался за воротник. Ветер сбивал прицел, отводя руку влево. Так. Надо взять чуть правее – но не сильно. Всё же до первой крови, не до смерти. Ветер...

Пушкин начал немзыкально мурлыкать себе под нос: «*Malbrough s'en va-t-en guerre...*» Расслабиться. *Mironton*. Вот она – цель. *Mironton*. Руку чуть вверх. *Mirontaine*. Александр дёрнул спусковой крючок.

Асташев слабо вскрикнул, пошатнулся и выронил пистолет на лёд. На его вишнёвом сюртуке не было крови. «Иди-

от, – обругал себя Пушкин, – на вишнёвом вообще алое плохо видно. Непонятно, куда попала пуля». Федот бросился к своему подопечному:

– Что?

– Рука, – скорее догадался, чем услышал, Александр. Метель уносила слова. Иван баюкал предплечье, лицо его было искажено.

Попов поднял пистолет, внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Сам-то будешь стрелять? – спросил он громко. – Сможешь?

– Обязательно! – со злостью почти выкрикнул Асташев, принимая из рук Федота оружие.

Придерживая правый локоть левой рукой, он прицелился. *Mironton, mironton, mirontaine...*

Грянул выстрел.

Метель взвыла раненым волком, унося пулю в сторону леса. Пушкин оглянулся ей вслед.

Митя стоял, зажав рот обеими руками, белый на белом фоне. Саша весело помахал ему рукой. Федот перекрестился и так шумно выдохнул, что было слышно сквозь свист ветра. Иван опустил руки и прикрыл глаза – казалось, сейчас потеряет сознание. На снег под его ногами упало несколько капель крови. Пушкин пошёл к нему. Попов уже был рядом и поддерживал Ваню за плечи. Гончаров тоже подходил, опустив взгляд и ссутулившись.

– Очень больно? – спросил он виновато.

Асташев мужественно мотнул головой.

– Я ещё раз искренне прошу прощения у вас, Дмитрий Николаевич, – произнёс он. – Надеюсь, Наталья Николаевна тоже не будет держать на меня зла.

Гончаров осторожно, стараясь не причинить боль, пожал ему руку:

– Извинения приняты.

Александр отдал свой пистолет Мите и, подумав секунду, приобнял Асташева за левое плечо.

– Забудем.

Иван скривился в подобии улыбки.

– Ну всё, дуэль завершена, дело чести закрыто, и всё такое, – сказал Попов на правах секунданта. – А теперь отдай мне, Ваня, наконец пистолет, и давай я тебя перевяжу, а не то шубу испачкаешь. Были б вы моими детьми, выпорол бы всех троих. На конюшне. Розгами, – ворчал он, наматывая тряпицу поверх испорченного рукава сюртука. – И чтоб ни одна живая душа не узнала, поняли?! Руку, скажешь, зашиб по-пьяни. А не то я вам...

Метель заметала все следы.

Глава 8. Торжество жизни

*«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой».*
(И. В. фон Гёте «Фауст»)

Дуэль удалось сохранить в тайне – даже Натали не узнала о том, что произошло, хотя, конечно, обрадовалась тому, что Иван Дмитриевич перестал ей докучать и вообще не появлялся в доме Гончаровых. Зато зачастил Федот Иванович, но он относился к Наталье Николаевне скорее как к дочери, которой у него никогда не было. Пушкин же после всего произошедшего осторожничал, ничем не проявляя своих чувств. Это было тем более сложно, что близилась свадьба, и Лиза выбрала своей подружкой Наташу. В подготовке к событию друзьям приходилось встречаться почти ежедневно. Вторым шафером вызвался быть Попов и тут же со свойственной ему энергичностью взялся организовывать всё и вся.

– Мальчишник-то будет у тебя? – спросил он Гончарова как-то после чая. – Мальчишник нужен!

– Федот Иванович, ну зачем? – спросил Митя, беспокойно взглянув на Лизу.

– Положено! – отрезал Федот, сдерживая ухмылку.

– Какой мальчишник?! – подала голос Лиза.

– Ну у вас же будет девичник? Будет, конечно, я слышал, вы обсуждали, – зашёл с козырей Попов. – Вот и Мите необходимо расслабиться перед свадьбой, посидеть с друзьями.

Лиза недовольно поджала губы, но более возражать не стала. Позже, когда дамы поднялись наверх за какой-то своей надобностью, Федот снова пристал к Гончарову:

– В общем, так. В последнюю перед свадьбой субботу, то есть уже через неделю, собираемся у меня: ты, я, Сашка и бабы.

– К-к-какие бабы? – Митя аж начал заикаться, щёки его порозовели.

– Ну, обычные, лёгкого поведения. С ними весело, – глядя на Гончарова ясными глазами, отвечал Федот Иванович.

– А, а, а Лиза как же?

– А Лиза пойдёт на девичник к Вере и Наташу с собой возьмёт. Кто их знает, этих девиц, чем они без нас будут заняты! Может, тем же!

Пушкин с интересом наблюдал, как Митины щёки из нежно-розовых становятся пунцовыми.

– А то можно в баню поехать. Я одно место знаю, там такие банщицы в номерах, м-м-м... – Попов, казалось, вознамерился довести жениха до разрыва сердца.

– Я, в-вы и Александр? – уточнил Гончаров слабым голосом.

– Можно ещё Ваньку позвать, если ты хочешь, – Попов

хохотнул. – Только он, боюсь, на тебя обижен. Рука у него до сих пор побаливает.

– Ну уж нет, – не выдержал Пушкин. – Давайте хоть на мальчишнике обойдёмся без Асташева.

– То есть, с остальным ты согласен? – ухмыльнулся Федот.

– Ну... Надо – значит, надо. Возражений не имею, – развёл руками Саша с улыбкой.

Митя прожёл его взглядом:

– Да вы сговорились! Я женюсь, непонятно, что ли?

– Ладно-ладно, не кипятись, – примирительно выставил ладони Попов. – Но ко мне-то приедешь? Проводишь холостую жизнь?

– Приеду, – согласился Гончаров.

В назначенный вечер все трое собрались в «Отрадном уголке». Уже был накрыт стол, на котором преобладали тарелки с холодными закусками, обрамлявшие изрядную батарею бутылок.

– Ну, за уходящие деньки холостяцкой жизни нашего друга! – поднял Попов первый тост. Выпили.

– Федот Иванович, кажется, вы перестарались, – заметил Митя, накладывая себе понемногу разных блюд. – Нам столько не съесть.

– А мы сейчас ещё выпьем, – ответил Попов, поглядывая на стенные часы. – Appetit приходит во время еды!

После второй распитой бутылки Гончаров размяк, распу-

стил шейный платок, развалился на диване. Федот, напротив, был бодр и периодически к чему-то прислушивался. Но в доме стояла тишина, прислуга, кроме дворецкого, распущена. Вдруг из окна послышался звон бубенцов. Митя поднял сонную голову:

– Что там?

– Саша, а почитай нам что-нибудь весёлое! – перебил его Попов. – А то песен застольных не поём, музыку не играем, скучно у нас!

Пушкин, чуя подвох, прочёл не вполне пристойный стих из своего лицейского прошлого, вогнавший Гончарова в краску, а сам тоже наострил уши.

Внизу хлопнула дверь, с лестницы донеслись женские голоса и стук каблуков. Митя тут же сел прямо и захлопал глазами. В комнату всполохом ворвались три девицы в красных, похожих на цыганские, платьях и одинаковых жёлтых сапожках.

– Дорогой Дмитрий, мы с Сашей решили сделать тебе небольшой сюрприз, чтобы ты напоследок оценил прелесть сибирских красавиц, – широко ухмыляясь, сказал Федот. – Девушки, проходите, присаживайтесь за стол, угощайтесь.

Девицы не заставили себя упрашивать: две сразу уселись вокруг Гончарова, третья расположилась на подлокотнике кресла Пушкина, закинув ему руку на плечо. Митя укоризненно посмотрел на Сашу. Федот налил и раздал напитки. Девушки на диване взяли по бокалу и, перемигнувшись,

звонко чмокнули Гончарова в обе щёки. Митя залпом выпил. С момента появления гостей он не издал ни звука и практически не шевелился. Зато Попов разливался соловьём, постепенно перетянув всё женское внимание на себя. Видя непрошибаемость Дмитрия, который, сравнившись цветом с платьями, прикинулся то ли пьяным, то ли спящим, девицы пересели к Федоту и приобняли его с обеих сторон. Митя с облегчением растянулся на диване, закрыв глаза. Попов с двумя хихикающими жрицами любви вскоре удалился куда-то в покои – их голоса какое-то время были слышны и за столом. Пушкин уже опьянел. Чувствуя, как тонкие пальцы перебирают его волосы, он представлял совсем другое лицо – бледное, с глазами цвета переспелого крыжовника. Реальность расплывалась, теряла очертания, оставались лишь ощущения. А потом неожиданно наступило утро.

Саша проснулся на кровати в одной из комнат. Из окна лился тусклый белёсый свет. Рядом на смятых простынях никого не было. Кое-как приведя в порядок костюм, он вышел в гостиную. Митя спал на диване, раскрыв рот и похрапывая. Из других дверей появился довольный Федот, завязывая пояс на домашнем халате.

– Хорошо-то как, а?! А ты как провёл ночь?

– Как в тумане, – честно ответил Саша и потряс головой, будто пытаясь упорядочить её содержимое.

– Эй, Гончаров, подъём! – заорал Федот. И, когда Митя подскочил, судорожно оправляясь, добавил уже тише: – С

добрым утром! Поздравляю тебя с, хм, сохранением невинности для невесты! Ты прошёл испытание! За это надо выпить! – он поочерёдно потряс бутылки, нашёл полную и налил в чайные чашки. – Пей!

– И так плохо, – буркнул Митя.

– Вот потому и пей! – назидательно сказал Попов. – Станет лучше.

Действительно, через три четверти часа уже почти пришедшие в себя Дмитрий и Александр выехали в сторону города. Конечно, выглядели они весьма помято, поэтому, когда Митя обнаружил в передней своего дома несколько шуб – признак прибытия гостей – он растерялся.

– Какая досада, – воскликнул Гончаров, схватившись за голову, – я совсем забыл, что Соколовские приезжают именно сегодня!

Пушкин прислушался: из гостиной действительно доносился голос Игнатия Ивановича и с ним – несколько женских голосов.

– Пожалуй, мне пора, – малодушно заспешил Саша. – Встретимся ещё перед свадьбой, я заеду, – и он выскочил за дверь.

В среду на рассвете Пушкин уже был у дома Гончарова. Погода стояла чудная: февральские метели будто решили на день приостановить свою работу ради Митинога праздника. В дверях Саша столкнулся с Натали. Она выглядела расте-

рянной.

– Доброе утро, Наталья Николаевна! У вас всё в порядке?

– Да. Нет. Я забыла послать за извозчиком заранее, а теперь опаздываю. Меня ждёт Лиза, – она кивнула на большую шкатулку, которую держала в руках.

– А что здесь? – любопытствовал Пушкин, оглядывая Натали. Она была уже полностью одета для свадьбы. Из-под шубки выглядывал подол знакомого белого платья, только теперь он был отделан синим кружевом. «Митя с его доходом мог бы купить сестре и новое, – досадливо подумал Александр. – Хотя в этом Таша чудо как хороша». Он на секунду перенёсся в миг знакомства, а потом поймал себя на мысли, что уже давно в голове называет Наталью Николаевну домашним именем. «Как бы не выдать себя», – усилием воли он притушил свой мечтательный взгляд и перевёл внимание на шкатулку.

– Здесь украшения для невесты, фата, кольца, венчальные свечи, – перечисляла тем временем Натали. – Я должна помочь Лизе одеться.

– Так давайте я вас отвезу!

– О. Это было бы чудесно.

Саша, подав Таше руку, усадил её в украшенные лентами и бубенцами сани. Сани были свадебным подарком для Гончарова от семейства Сулеймановых. Младшие дети вчера весь вечер их наряжали. Сам Ильнури обещал подъехать после венчания, чтобы лично возить молодых.

С ветерком домчав Наташу до дома Зеленцовых, Пушкин помог ей выйти из саней и проводил по заснеженному крыльцу до самой двери.

– Вы меня очень, очень выручили, – поблагодарила Натали и скрылась в доме.

Саша ещё несколько мгновений смотрел на дверь, потом, встряхнувшись, как пёс, вернулся в сани. Начинался хлопотливый день.

По дому, из спальни в кабинет, из кабинета в гостиную и снова в спальню ходил неприкаянный, полуодетый Гончаров.

– Я тебя уже заждался! – встретил он Пушкина около передней. – Ты где пропал?

– Наталью Николаевну довёз до Зеленцовых, – со спокойным видом сообщил Александр.

– А-а-а, – протянул Митя, посмотрев на Сашу долгим взглядом. – Хорошо. Помоги мне с шейным платком, руки не слушаются, – пожаловался он.

– Волнуешься?

– Очень! – признался Гончаров.

– Уже через несколько часов всё будет прекрасно, – пообещал Пушкин. – Ты будешь счастлив! Да ты и сейчас уже должен быть счастлив!

– Я счастлив, – кислым голосом произнёс Митя. – Где там уже Федот Иванович?

Попов примчался на тройке, звеня колокольцами на всю улицу. С грохотом распахнул двери:

– Хей, жених, готов за невестой ехать? Я тебе полные сани подарков загрузил, не отвертятся!

На улице ожидала ещё карета на полозках, с возницей из числа знакомых по прииску. Митя сел в сани к Попову, и свадебный поезд с шумом и звоном полетел к дому Зеленцовых. Там их уже ждали. Подарков хватило всей Лизиной родне, Федот не забыл и о Вериных ребятишках. Наконец невесте позволили спуститься с крыльца. В белой шубке, накинутой поверх струящегося платья цвета шампанского, она казалась очень юной и беззащитной. Кружевная фата спускалась на лицо, но не скрывала черт. Натали сопровождала Лизу, поддерживая под локоть – белые сапожки скользили по снегу. Дмитрий, глядя на невесту восхищённым взглядом, уступил ей и подружке своё место в санях, запряжённых тройкой, а сам пересел к Пушкину. Остальная родня разместилась в карете. В считанные минуты, не успев даже замёрзнуть, прикатили к Благовещенскому собору. В дверях встретили Асташева. Накануне Гончаров всё же прислал ему приглашение, и теперь Иван Дмитриевич неловко мялся, утаптывая снег в ожидании. Но никто из Соколовских не знал о произошедшем в лесу у Чёрной речки, так что они были искренне рады видеть Асташева.

В торжественной тишине все вошли в церковь и разделались на женскую и мужскую половину. Начался обряд обру-

чения. Под пение хора священник в белом одеянии с молитвой надел Мите и Лизе кольца. Шаферы постелили рушник возле анаоя, на который встали молодые со свечами в руках, и подняли над их головами венцы. На деле венец весил не больше трости, с которой привык ходить Александр, но держать его на вытянутых вверх руках около получаса оказалось непросто. Лиза была значительно ниже ростом, чем Гончаров, так что Федоту выдалась участь легче, чем Пушкину. Наконец священник благословил молодых и принял венцы. Разминая затёкшие пальцы, Саша с удовольствием и радостью наблюдал, как Митя бережно целует невесту. Под разгонный звон колоколов первыми к Гончаровым подошли Лизины отец с матерью и Зеленцовы, ставшие для Мити посажёными родителями. Родная мать, Наталья Ивановна, прислала ему благословение накануне, но не выразила сожаления, что не сможет присутствовать на свадьбе. Пушкин с чувством обнял друга. Тот часто моргал, будучи не в силах поверить своему счастью. Лиза сияла, не выпуская Митиной руки.

На улице возле церкви процессию встретил Ильнури с братом. Татарин долго жал Гончарову обе руки:

– Я так рад за тебя, дорогой друг!

Перед тем, как отправиться в обратный путь, свадебный поезд претерпел изменения. Ильнури сел править тройкой, в санях разместились молодые. Во вторых санях ехали дружки. Попов оттеснил Александра с места возницы, так что Са-

ша оказался рядом с Натальей. Рустэм повёз Ольгу и Асташева: вместе с прочими они поехали в дом Гончаровых, чтобы подготовить встречу молодым. А молодожёны с друзьями помчались по улицам города – кататься. Федот правил так, будто с детства участвовал в скачках. Сани заносило на каждом повороте, кидая то Сашу на Наталью, то Ташу на Александра. При случайных касаниях девушка смущалась и краснела, но избежать их не удавалось. Митя в передних санных обхватил Лизу обеими руками и прижал к себе. Пушкин позавидовал, но не решился сделать так же.

Наконец приехали домой. У ворот молодых встретили родные с хлебом-солью, проводили в дом. Федот последовал за ними, Саша задержался, увидев Рустэма. Тот обтирал и покрывал лошадей попонами.

– Пойдёмте в дом! – позвал Пушкин его и Ильнури.

– Прости, друг, это неловко, – возразил старший Сулейманов. – Мы не ровня с ними.

– Чушь! – возмутился Саша. – Вы Митины друзья!

– Александр Сергеевич прав, – раздался с крыльца голос Натали. Оказалось, она не ушла вместе со всеми. – Но если вам неуютно в нашем обществе, возможно, вы согласитесь поужинать в кухне с моими девушками? Или хотя бы я попрошу их собрать вам угощение с собой, для вашей семьи. Не отказывайтесь!

– Простите великодушно нашу непочтительность, Наталья Николаевна, – склонил голову Ильнури. – Татарские

обычай гласят, что отказываться от пищи невежливо. Поэтому мы с братом примем ваше приглашение на ужин, но только не с господами.

– Вы напрасно стесняетесь родителей Лизаветы Игнатьевны, – мягко пожурила его Таша. – Но будь по-вашему.

Они все вместе вошли в переднюю, где Натали перепоручила Сулеймановых встречавшей их Тане. Татьяна, зардевшись, увела братьев в кухню, а Пушкин и Наташа прошли в гостиную. Там был накрыт стол, в центре которого возвышался торт в виде лебедя. Из соседней комнаты доносилась музыка – Попов где-то раздобыл скрипача для создания праздничной обстановки.

– Мне так приятно, Дмитрий Николаевич, видеть вас в нашей семье, – произнёс, поднявшись, Игнатий Иванович. – Могли ли мы все предполагать это, когда судьба свела нас? Давайте выпьем за молодых, за их будущую счастливую жизнь!

Все подняли бокалы.

Пушкин оказался за столом между Ташей и Ольгой. С сестрой Лизы с момента её приезда Саша не перемолвился ни словом, и она, по всей видимости, также была не намерена разрывать молчание. Сделав пару неловких попыток завязать светскую беседу, Пушкин с некоторым облегчением перевёл своё внимание на Натали. Впрочем, она тоже казалась лишь дружелюбной и на его ухаживания отвечала вежливой улыбкой и словами благодарности. Александр никак не мог

понять, что скрыто за этой воспитанностью: удаётся ли задеть струны её сердца, или все стрелы Купидона летят мимо? Уныние вновь овладевало Пушкиным. Он подумал о разнице в возрасте, сравнил её красоту со своей внешностью и решил, что Наталья Николаевна достойна большего, чем политический ссыльный. Может, ей стоило принять предложение Асташева. На этой мысли нервы у Саши сдали, и он налил себе самого крепкого спиртного, которое нашёл на столе.

Спустя три дня тихое уединение Пушкина в Эуштинских Юртах нарушил звон бубенцов на санях молодожёнов, приехавших со светским визитом. Митя и Лиза внесли в дом мороз уходящей зимы и тепло своих влюблённых сердец. Они поминутно сплетали пальцы, поглядывали друг на друга, касались волос и одежды. Саше было забавно на них смотреть, но внутри нарастало какое-то щемящее чувство, похожее на зависть.

Выпили чаю. Митя без конца вставал, подходил к полкам, занавешенным полотенцами, трогал утварь и вздыхал.

– Лиза, ты пойдёшь со мной к Сулеймановым? – неуверенно спросил он.

– Это не совсем удобно, мне кажется. Я ведь их совсем не знаю, – пожалала плечами новоиспечённая Гончарова. – Если позволишь, я бы лучше осталась с Александром Сергеевичем.

Дмитрий не стал её уговаривать. Суетливо накинул шубу

и выскочил во двор.

– Представляете, – сказала Лиза, – так рвётся к этим татарам. Хочет даже на кладбище идти, очень переживал, что бабушка Зульфия не дожила до свадьбы.

– Пусть идёт, – согласился Пушкин.

– Но ведь там снегу, наверное, по пояс!

– Знаете, Лизавета Игнатьевна, ваш муж привычен и к сугробам, и к ночному лесу, и даже волков не боится, – весело сказал Александр.

Лиза недоверчиво улыбнулась.

– Вы всё шутите, – упрекнула она Пушкина. – А дамы потом рыдают в подушку.

– Какие дамы? – не сразу сообразил Саша.

– Да полно! Всё вы понимаете. Сестра моя на вас в обиде. Плакала перед отъездом: «Зачем Александр Сергеевич сперва был так любезен, а теперь даже не смотрит?»

– А-а-а. Хм. Лизавета Игнатьевна, но ведь сердцу не прикажешь. Я не должен вам этого говорить, но, раз вы прибыли парламентом от сестры... В общем, я люблю другую. Это, наверное, досадно для Ольги Игнатьевны, но никак не может оскорбить, верно?

Лиза поджала губы, потом, не в силах справиться с любопытством, с придыханием спросила:

– А кого? Взаимно?

– Увы, – развёл руками Пушкин. Лиза разочарованно заморгала. – Признаться, даже завидую вам с Дмитрием. Ка-

жется, я не создан для счастья или счастье не создано для меня.

– А мне кажется, – осторожно произнесла Лиза, – кто-то ещё мечтает о вашем внимании. Если бы вы это заметили, возможно, тогда счастье бы посетило и ваш дом.

– Кто же эта особа? – нарочито равнодушно спросил Саша. Его сердце внезапно забилося быстрее, чем у мыши, пойманной кошкой у самой норки.

– О, вы её прекрасно знаете! Это сестра моего мужа, Наталья Николаевна. Только я вам ничего не говорила! – Она сделала страшные глаза. – Просто больно смотреть, как Таша украдкой вздыхает, а потом, при вас, изображает приличное лицо.

Пушкин с трудом сдержал порыв вскочить на коня и мчаться в дом Гончаровых немедля. Вместо этого он помолчал и сказал:

– Спасибо вам, Лизавета Игнатьевна, за участие. Это так чудесно, что вы подружились с Митиной сестрой. Если вы не против, я заеду к вам на днях.

– Приезжайте прямо завтра! – обрадовалась Лиза. – Как раз масленичная неделя начинается, поедem кататься с горок!

В распрекрасном настроении Пушкин прибыл в город. Заметно потеплело, шёл лёгкий снежок. По улицам гуляли весёлые, нарядные томичи, девушки пели хором величальные

песни, мимо то и дело проносились украшенные экипажи, звеня бубенцами.

Во дворе Александр обнаружил большие сани Попова. Голос Федота был хорошо слышен в передней. Вообще, у Гончаровых оказалось непривычно шумно и пахло блинами. Таяня, открывшая дверь с полотенцем в руках, едва поздоровавшись, тут же скрылась в кухне.

– О, Саша! – громынул Попов, стоило Пушкину перешагнуть порог гостиной. – Ты как раз вовремя. Я приехал звать всех Гончаровых к себе в усадьбу, кататься с горы на реку. Хорошо, лёд ещё крепкий, можно не бояться на него выходить.

– Мы хотели пойти на праздник на городскую площадь, – пояснил Митя, – но Таша говорит, что это неприлично для людей нашего положения.

Натали залилась краской:

– Ну нет, я не то хотела сказать. У Федота Ивановича действительно более уместно развлекаться, своим кругом.

– Наташа стесняется посторонних, – Лиза приобняла подругу за плечи. – Но это ничего, здесь все свои, – и она бросила быстрый заговорщицкий взгляд на Александра.

– Вот, значит, я кстати, – заявил Попов. – Собирайтесь скорее!

В большие сани Федота вместились все пятеро: Попов – на облучок, Гончаровы и Пушкин с Натальей Николаевной – друг напротив друга. Федот гикнул, как заправский ямщик,

и лошади помчались. Митя с Лизой ворковали на заднем сиденье, но Александр заметил, что Дмитрий за ним исподтишка наблюдает. Поймав взгляд друга, Саша кивнул ему, мол, что? Но Гончаров пожал плечами и снова повернулся к жене. Натали сидела молча. Пушкин скосил глаза на неё. Щёки Таши покраснелись, волосы, по-простому собранные в косу, припорошило снегом, взор затуманился, на губах застыла полуулыбка. Саша залюбовался её естественной красотой.

В «Отрадном уголке» всё было готово к встрече гостей. Невидимые, как всегда, слуги Попова, вычистили дом и накрыли праздничный стол. Чего там только не было: кроме неизменных блинов с различными начинками заботливая кухарка приготовила и выставила всевозможные варенья и соленья, а также напитки: наливки для мужчин и компот для дам. Гостеприимный Федот тут же усадил всех завтракать, а после повёл Лизу и Наталью показывать свою, как он выразился, «холостяцкую берлогу». Пушкин с Гончаровым остались за столом. Митя бросил мечтательный взгляд на двери, за которыми скрылась его жена.

Александр улыбнулся.

– Как же я рад за тебя! – сказал он. – Одно удовольствие любоваться вами. В мои лета тоже было бы пристойно жениться и излучать такое же счастье.

– А я думал, тебе больше по нраву беззаботная одинокая жизнь, – поднял бровь Дмитрий.

– А тебе?

– О, нет, мне нравится быть женатым! – Митя даже потянулся, как кот, от избытка чувств. – Моя Лиза – просто чудо!

Саша уже хотел задать какой-нибудь ехидный вопрос, дабы смутить друга, но тут появился Попов с дамами, и все спустились в переднюю одеваться.

Горка, залитая для катания, оказалась самым пологим спуском к реке – но всё равно крутым. Пожалуй, летом Пушкин бы прошёл здесь пешком, чтобы не ломать ноги коню, но зимой не стоило и рисковать. Впрочем, для салазок должно было подойти. Их Федот нашёл двое. Первыми по старинной традиции спускались молодожёны.

– Ты сам-то съезжал здесь? – спросил Митя, крепко упёршись каблуками в снег, пока Лиза садилась впереди него.

– Разумеется, – хмыкнул Попов. – А ты думаешь, я нарочно вас всех сюда заманил, как разбойник? – он скорчил страшную рожу и расхохотался густым голосом. Лиза приснула и потянула мужа за рукав:

– Поехали!

Дмитрий обнял её за талию, оторвал ноги от земли, и салазки помчались к реке, сопровождаемые женским весёлым криком. Оказавшись внизу, Лиза спрыгнула на лёд и помахала оставшимся на склоне. Потом Гончаров подхватил салазки за верёвку, и они с женой, обнявшись, потащились в сторону деревянной лестницы, ведущей наверх.

– Ваша очередь! – Федот протянул верёвку от вторых са-

лазок. – Не бойтесь, Наталья Николаевна?

– Вот ещё! – неожиданно бойко ответила Натали. – Мы всю зиму в Полотняном Заводе с гор катались с девушками, – и она первая разместилась на сидении.

Пушкин придержал салазки сзади и осторожно сел, бережно обхватив Наташу и уткнувшись носом в её воротник. В первые мгновения медленно, но стремительно набирая скорость, они полетели вниз, в пропасть – так показалось Саше, и он прижал к себе Ташу крепко, будто боялся, что она потеряется по дороге. Сердце ухнуло в живот, кровь отлила от головы, всё вокруг закружилось на краткий миг, но и этого хватило, чтобы салазки потеряли управление и в самом низу горы, резко повернув, завалились на бок.

Натали упала на Сашину руку и замерла. Пушкин уже успел испугаться, но тут Таша произнесла весело:

– Смотрите, Александр Сергеевич, снежок закончился, солнышко выглянуло.

Она сделала движение, чтобы встать, но не смогла выпростаться из-под салазок и Сашиных ног, обхвативших её, и снова со смехом рухнула на Александра. Её щека оказалась так близко от Сашиных губ, что он на миг закрыл глаза и ещё крепче прижал девушку к себе.

– Пустите! – возмутилась Натали несердито.

Пушкин собрал волю в кулак и поднялся, помогая встать и Наташе.

– Вы целы? – спросил он хрипло.

Таша топнула ногой, расправляя юбки.

– Да, всё хорошо, не волнуйтесь за меня так. Я ведь на самом деле деревенская девочка. Мне там, у деда, всегда было лучше. Ну, пойдёмте! Решитесь скатиться ещё?

Сверху, со склона, за ними наблюдали. Пушкин вскинул руку в знак того, что всё в порядке. Лиза помахала в ответ, и они с Митей помчались с горки снова. Саша и Таша тоже съехали несколько раз, уже без происшествий. Пушкин нежно обнимал Натали, и она не была против – так увлеклась катанием на салазках. Наоборот, на спуске сама хваталась за его руки варежками, чтобы не отпустил.

Федот так и не съехал ни разу, но, кажется, был доволен получившимся развлечением. После катания он отвёз всех к Гончаровым. На Монастырской улице Александр увидел Рустэма верхом на соловом коне, но тот, заметив сани, свернул в переулок.

– Тебя подвезти в Юрты? – спросил Попов Сашу. Тот задержался во дворе и маялся, не зная, заходить ли ему в дом.

– Нет, спасибо, езжай один. У меня тут Батыр в конюшне.

– Ну тогда удачи! – подмигнул Федот и тронул лошадей.

Уже темнело. Пушкин неуверенно поднялся на крыльцо. Из двери выглянула Натали. Она ещё не раздевалась, только шубка была распахнута.

– Александр Сергеевич, чего ж вы не заходите? Вы останетесь на обед?

Саша медлил. Таша перешагнула через порог и, чтоб не

запускать холод в дом, прикрыла за собой дверь. Они остались вдвоём на маленьком крылечке. Сумерки окутали их, лишь из окна гостиной падал на снег квадрат жёлтого света.

– Я поеду домой, благодарю вас, – сказал Пушкин. Ему не хотелось сейчас сидеть в душной гостиной и вести светские беседы, смазывая яркие впечатления дня. Натали уже сняла варежки, и он, вопреки этикету, с низким поклоном поцеловал ей руку. И Таша не отняла её даже тогда, когда Александр выпрямился, не выпуская её ладонь из своей. С сожалением он опустил кисть, и Ташины пальцы проскользили по ней, оставляя невидимые глазу тёплые дорожки.

– Очень жаль, – сказала Натали, спрятав руку под шубку, к сердцу. Вид у неё был ошеломлённый. – Тогда приходите завтра. Или когда сможете, – поправилась она. – Здесь всегда рады вас видеть. До свидания, – и она исчезла в доме.

Не все дни масленичной недели Пушкин проводил с Гончаровыми, стараясь удержаться в рамках приличий, но ещё трижды он приезжал в город, сопровождая друзей на праздничные гуляния. Натали в присутствии брата и его жены оставалась сдержанной, но иногда Саша ловил её пристальный взгляд и не мог оторваться, падая в пропасть любимых глаз.

Когда окончились праздники и поводов часто бывать у Гончаровых не стало, Александр решился раскрыть свои чувства. После инцидента с Асташевым он понимал, что сле-

дует сперва поговорить с Дмитрием, но совершенно не представлял, чего ожидать от друга, столь трепетно оберегавшего младшую сестру. В смятении, он вновь обратился к Попову с просьбой побыть его сватом. Федот, радостно потирая руки, согласился составить компанию. Не откладывая дела в долгий ящик, тут же поехали к Мите. Гончаров не удивился их приезду, и когда Попов сказал, что нужно поговорить наедине, без дам, Дмитрий взглянул весело-озадаченно и провёл в свой кабинет. Все расселись. На минуту повисло молчание.

Федот прочистил горло, потом сказал:

– У нашего друга Саши есть к тебе, Митя, важное дело. Говори, Александр, чего застеснялся, как маленький!

Пушкин встал, посмотрел в пол, помялся, затем поднял ставшую невероятно тяжёлой голову и, глядя Гончарову прямо в глаза, выпалил:

– Дмитрий, я хочу просить у тебя руки твоей сестры, Натальи Николаевны.

Взгляд его визави стал менее весёлым и более озадаченным. Наконец Гончаров кашлянул и хрипло сказал, скривив рот в язвительной насмешке:

– А не помрачилось ли и твоё сознание небесной красотой, друг мой? Идёшь по стопам Асташева? – Саша вспыхнул, но сдержался. – Не так давно я был свидетелем вашего с Федотом Ивановичем легкомысленного поведения и теперь сомневаюсь в честности и искренности твоих намерений. За годы нашего знакомства я видел и другие примеры

неразборчивости в увлечениях. Наталья Николаевна – не из таких! Ты, наверное, думаешь, что раз она вежливо улыбается, то радостно примет любого ухажёра? Нет, это просто оскорбительно! Александр Сергеевич, я должен вызвать вас на дуэль! – рыдающим голосом прокричал Митя, переходя на «вы».

Пушкин оглушённо молчал. Лицо Федота, напротив, показывало во всей красе владевшие им переживания.

– Вы меня в гроб вгоните, – мрачно сказал Попов. – Какая, к лешему, дуэль, Митинька? Совсем сбрендил?

– Федот Иванович, вы будете моим секундантом?

Александр молча вышел из кабинета, а затем и из дома. Он стоял, полуодетый, под сыплющимся снегом. В голове не было ни одной мысли, казалось, все они, ещё недавно мельтешившие и сталкивающиеся в волнении, застыли в ужасе от Митиной отповеди.

Позже, уже в «Отрадном уголке», Попов дал волю гневу.

– Саша, ты дурак? Почему смолчал? Ты друга убить хочешь? И кого ты позовёшь в свидетели?

– Мне секундант не нужен, обойдусь.

– А, ну славно. А я думал, Ваню пригласишь. То-то бы он посмеялся над вами, балбесами, – язвительно сказал Попов.

– Федот, я не стану стрелять в Митю. Откажусь от выстрела. Мой пистолет можешь даже не заряжать, не тратить порох. А он в своём праве. Я виноват, кругом виноват, как

Асташев. Зачем напрасно мечтал о несбыточном счастье? Я его не заслуживаю, – Саша стиснул пальцы, пытаясь причинить себе боль.

Попов вцепился обеими руками в свои волосы и издал рёв раненого зверя. Потом замолчал надолго. Пушкин тоже ничего не говорил. Через несколько минут Федот встал и прошептал осипшим голосом:

– Видит Бог, я сделал всё, что в моих силах. Этот обалдуй тоже упёрся и заладил: «Честь сестры, честь сестры...» Стреляйтесь! Убейте друг друга! – и Попов добавил длинное непечатное ругательство к своей речи.

Дуэль назначили там же, на Чёрной речке. Пушкин приехал верхом. Снег был по-весеннему плотный и почти не проваливался под широкими копытами коня татарской породы. Шкатулку с пистолетами Александр заранее отдал Попову. Гончарова ещё не было на месте. Саша вышел на озеро, топнул, проверяя поверхность на прочность. Лёд держал пока хорошо. Александр опустился на снег и в ожидании растянулся на спине, глядя в небо. Солнце уже клонилось к закату, тени сосен ложились длинными полосами. Перед внутренним взором стоял образ Мадонны со слегка косящими глазами. Она смотрела с печальной иронией. «Как глупо! – подумал вдруг Саша. – Ведь Митя пойдёт на каторгу!» Ему стало страшно за друга. Послышался звон бубенцов, не снятых с упряжи, наверное, со свадьбы. Вставать было лень, снег

приятно охлаждал горячее тело. Александр подтянул ноги и сел. На берегу Попов вытаскивал из саней книгу, ту самую Библию. Гончаров ждал рядом. К нему доверчиво подошёл Батыр, и Митя с готовностью полез за хлебом для коня. Пушкин встал и отряхнулся. Противника следовало встречать в приличном виде.

Федот, не поднимая глаз, спустился на лёд. Молча отмерил двадцать шагов, краем сапога небрежно прочертил метки. Вынул пистолеты из шкатулки. Дмитрий уже стоял на позиции. Его лицо всё ещё выражало гнев, словно застыло со вчерашнего утра.

– Мириться будете? – нарушил тишину голос Попова.

Митя медленно, будто поправляя шейный платок, повёл подбородком. Саша пожал плечами и кивнул на Гончарова, мол, выйдет ли толк? Федот с удивительным спокойствием раздал оружие. Пушкин сбросил шубу и прошёл на своё место. Дмитрий поднял руку с пистолетом. Лицо его исказилось, сморщилось.

Саше вдруг вспомнился давешний серп луны в форме буквы «С». Свадьба. Какая, к чертям, свадьба? Смерть. Вот и сбылось то предсказание. Свобода. Александр встал прямо и сомкнул веки.

Громко хлопнул выстрел.

Саша глубоко вдохнул холодный воздух. Кажется, всё цело. Неужели Митя промазал? Где-то в сердцевине души оторвался камень и упал под ноги. Пушкин открыл глаза, от-

салютовал Гончарову пистолетом и выстрелил вверх. Дмитрий, всё ещё стоявший с вытянутой вперёд рукой, страшно закричал. Потом отбросил оружие, будто оно было раскалено, закрыл лицо руками и разрыдался.

Саша быстрым шагом подошёл к нему, на ходу отдав пистолет Попову.

– Ну, Дмитрий Николаевич, дорогой мой, прими мои извинения, если они тебе так нужны, – обняв друга, приговаривал Пушкин. – Всё хорошо. Теперь всё будет хорошо.

Гончаров ещё несколько раз шумно вздохнул и высвободился из объятий.

– Извинения приняты, – буркнул он. – Но нам всё равно надо поговорить.

– Вот! – торжественно воскликнул Попов, подняв вверх указательный палец. – Поговорить! Нормальным русским языком! А не вот этим, – он уложил пистолеты в шкатулку и, подойдя ближе, сунул её в руки Пушкину. – Сейчас мы все поедem ко мне и там поговорим. Всё равно тебе, Митинька, нельзя показываться жене в таком виде. Она у тебя умная – живо всё выпытает.

Оказавшись дома, Федот первым прошёл в кабинет и, пренебрегая приличиями, осушил из горла початую бутылку какого-то спиртного. Потом он обессиленно упал в кресло:

– Ох, ребяташки, с вами так помрёшь раньше времени. Садитесь, наливайте себе что-нибудь, я устал.

Пушкин достал из бара бутылку хорошего вина и разлил

по бокалам.

– За жизнь! – сказал он и выпил. Гончаров присоединился.

– Какое счастье, Господи, что ты не дал взять грех на душу! – воскликнул он, обращаясь к небу.

Из кресла отозвался Попов.

– Спасибо, конечно, за столь высокое доверие, но я бы предпочёл оставаться человеком, – он полез в карман и протянул Пушкину две пистолетные пули. – На, забирай! Может, для разбойников сгодятся.

– Что это? – удивился Гончаров.

– Ты оба пистолета не зарядил! – вдруг понял Саша. – Поэтому такой спокойный был!

– Да как вы могли, Федот Иванович! – возмутился Митя. – Это же против чести! Оскорбление!

– Я – не дворянин, жизнями не играю! – отрезал Попов. – Отстаньте, ироды! Хотите – морду набейте мне завтра, когда проспите, – и он захрапел с довольным видом.

Пушкин смотрел на него с безмерной благодарностью.

– А что, Митя, – сказал он, – по-моему, нам с тобой сказочно повезло, что Асташев познакомил нас с Федотом.

– Пожалуй... – отозвался Митя задумчиво. – Прости меня, Саша. Я был дураком.

– Всё в порядке, – ответил Пушкин. – Во всяком случае, пока у нас есть наш ангел-хранитель, – и он с усмешкой указал на спящего Попова.

– А почему ты не стал стрелять? – помолчав, спросил Гончаров.

– Потому что мне с тобой делить нечего. И обиду нанести тебе не хотел. Митя, я люблю твою сестру. И готов жизнь отдать за неё.

Дмитрий взъерошил волосы. Повисла томительная тишина.

– А она? – наконец спросил Гончаров.

– Я не знаю, – признался Александр. – Но Лиза говорит, что равнодушна.

– Дай слово, – медленно сказал Дмитрий, – что в случае её отказа ты не станешь настаивать и никогда больше не поднимешь этого вопроса.

– Обещаю! – искренне ответил Пушкин.

– Ну тогда – удачи, – с деланным безразличием произнёс Митя. – Но я был бы рад считать тебя своим братом, – негромко добавил он, прикрыв рот рукой.

Наутро Александр поехал к Гончаровым вместе с Дмитрием. Наташа в гостиной читала книгу.

– Где Лиза? – беспокойно спросил Митя у сестры.

– Ушла к Вере. Не помнишь? Они ещё на прошлой неделе договаривались, что сегодня встретятся.

– Рассердилась, что я не пришёл вчера?

– Ну мы же знали, что ты с Федотом Ивановичем, поэтому не очень тревожились, – уклончиво ответила Натали.

Гончаров вздохнул и обернулся к Пушкину:

– Если понадобится – я в кабинете, – и он вышел.

Саша присел на краешек стула. Таша положила томик Байрона на колени и с любопытством посмотрела на Александра. В этом объяснении ему никто не мог помочь, даже Попов. Светские слова для начала разговора не шли на ум. Молчание затягивалось.

– Александр Сергеевич, как вы вчера провели день? – наконец спросила Натали. – Дмитрий так волновался, когда уезжал. Не случилось ли чего?

– К счастью, всё уже разрешилось, благодарю вас за беспокойство, – сглотнув ком в горле, кратко ответил Пушкин.

– Да, я понимаю, что это меня не касается, – немного обиженно сказала Таша. – Но я рада, что всё благополучно, – она улыбнулась, сгладив неловкость.

Сашу, как всегда, успокоила её улыбка, и он решился:

– Нет-нет, вы имеете право знать. Тем более, речь шла о вас, – Натали подняла бровь. – Дело в том, что вчера я... – Во рту предательски пересохло, Пушкин облизнул губы. – Вчера я просил у Дмитрия вашей руки.

– И... И что сказал брат? – Таша заметно побледнела и вжалась в кресло, выставив Байрона, как щит.

– Он оставил решение за вами. Но я очень прошу вас не торопиться с ответом! – взмолился Саша, подскочив со стула. И, как обычно в минуты волнения, начал пересчитывать по пунктам, расхаживая по комнате: – Во-первых, я вынуж-

ден вам напомнить, что я здесь на поселении и вернуться в Россию никогда не смогу. Во-вторых, я считаю себя неблагонадёжным как политический преступник, хотя всё моё преступление состоит лишь в моих неосторожных стихах, но тем не менее. В-третьих, я ещё не сообщал о своих намерениях никому, кроме вас и вашего брата, а ведь обязан просить дозволения как минимум у губернатора, а может и у императора. И я не знаю, что он мне на это ответит. Мы расстались не в лучших отношениях...

Из кресла раздался странный звук, похожий на смешок. Пушкин остановился и поднял голову. Таша уже не выглядела напуганной, пальцами она прикрывала рот, книга лежала на столике.

– Чему вы смеётесь?

– Дело в том, что, прежде чем вы продолжите, я тоже должна вас предупредить, что рассталась с императором не в лучших отношениях и не имею права вернуться в Россию. Так что по этим пунктам мы на равных.

– А-а-а... Да? – Александр сбился с мысли и взъерошил свои кудри. – Тогда, наверное, можно переходить к главному.

– Я вас слушаю.

К Натали вернулось серьёзное выражение лица. Пушкин опустил на одно колено около кресла и, не в силах смотреть Таше в глаза, сосредоточился на её длинных пальцах.

– Чем более я думаю, тем сильнее убеждаюсь, что моё су-

ществование не может быть отделено от вашего, – проговорил он. – Я создан для того, чтобы любить вас и следовать за вами. Все другие мои заботы – одно заблуждение и безумие. Я готов бросить всё и пасть к вашим ногам. Моё сердце отныне и навеки принадлежит вам, какое бы решение вы ни приняли. Если я буду отвергнут, то не обременю более вас своим вниманием, но и сам позабуду о счастье. Моя судьба в ваших руках, Наталья Николаевна. Согласитесь ли вы стать моей женой?

Саша в мольбе поднял руки ладонями вверх и только теперь осмелился взглянуть на Ташу. Её глаза сияли. Она покусала губу, затем сказала:

– Право, я не знаю, как мне прилично ответить на ваш вопрос. Увы, рядом со мной нет матери или старшей сестры, чтобы подсказать мне – могу ли я принять ваше предложение сразу или это не *comme il faut*?

Несколько долгих мгновений Пушкин осмыслял ответ. Сердце его от восторга толкнулось куда-то в горло, мир вокруг закружился. Осторожно, боясь спугнуть счастье, он сгрёб Ташины руки в ладони и уткнулся в них лицом.

– Ничего не говорите, мой ангел, – шепнул он и замер, вдыхая аромат её кожи.

Натали послушно застыла в ожидании. Саша с усилием оторвался от неё и достал из жилетного кармана золотой перстень с изумрудом. Он не надевал его с тех пор, как приехал в Сибирь, хотя раньше любил носить кольца. Здесь, часто

работая руками, как обычный деревенский житель, Пушкин предпочитал хранить свои драгоценности более надёжно – на груди.

– Это мой талисман, – пояснил он, бережно надевая перстень на тонкий девичий палец. – Теперь ты – мой талисман, – добавил он шёпотом.

Таша сжала кисть в кулак и поднесла изумруд к губам.

Глава 9. Шаг за шагом

«Он крепко сжал веки, потом открыл снова:

– И что теперь?

– Множество очень медленных движений».

(Л. М. Буджолд «Комарра»)

Когда Пушкин пришёл к Гончаровым на следующий день, дверь ему открыл незнакомый мужчина: в летах, но крепкий, одетый в синюю с красной отделкой ливрею, которая фасоном контрастировала с его простым крестьянским лицом. Пока Александр соображал, кто это, в переднюю вышла Лиза.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич, это наш дворецкий, Алексей. Вера рекомендовала мне его и для работ в саду, и на конюшне. Ну и для охраны нас с Ташей, когда Дмитрия нет дома. Знаете, это нехорошо, когда женщины остаются дома одни, – с упрёком сказала она, увлекая Пушкина в комнаты. – Я вообще на вас сердита! – прибавила Лиза громче, оказавшись тет-а-тет. – Увозите моего мужа на ночь без предупреждения! Потом, воспользовавшись моим отсутствием, устраиваете помолвку! Без гостей, без официального объявления! Это просто возмутительно! Вы простите, что я на вас кричу. – Она интимно взяла слегка оторопевшего Са-

шу за локоть. – Но это действительно обидно. Я теперь даже не знаю, когда ваша свадьба!

– Лизавета Игнатьевна, извините ради Бога, меньше всего мы хотели обидеть вас, – сказал Пушкин, усаживая её на диван. – Я и сам не знаю, когда свадьба. Чтобы она состоялась, нужно дозволение нескольких весьма важных особ, а письма в столицы идут не меньше месяца. Поэтому сейчас и рассказывать никому не стоит о помолвке, это только наше с Натальей Николаевной дело.

Лиза недовольно поджала губы и вздохнула.

– Кстати, перстень ваш ей велик. Только Таша сама этого не скажет – стеснительная очень, – наябедничала она на золовку.

Саша расстроился, что не заметил этого сразу. Но вчера он не видел ничего, кроме сияющих глаз своей возлюбленной.

– Скажите, Лизавета Игнатьевна, это будет прилично, если я уменьшу кольцо у ювелира и тотчас верну его обратно? Она не обидится?

– Таша-то? Да она вас боготворит! Только не больно-то зазнавайтесь! – Лиза встала. – Сейчас я её позову.

Она ушла, оставив Александра в одиночестве. Саша прошёлся по комнате. В этом кресле Натали сидела вчера. Пушкин замер перед ним, мысленно продолжая беседу со своей невестой. Невеста... Он покатал это слово на языке. Было сложно привыкнуть к тому, что он теперь помолвлен все-

рвёз. Хотелось просто взять Ташу в охапку и увезти её в Эуштинские Юрты без всех этих условностей. Но женитьба требовала исполнения множества формальностей.

Александр обернулся на звук лёгкого шуршания платья. Он остановился в нерешительности, не зная, имеет ли право обнять невесту или стоит ограничиться поцелуем руки, хотя, конечно, мечты его были гораздо смелее. Натали вошла в гостиную и встала в трёх шагах от Саши – так близко и так далеко.

– Добрый день, Александр Сергеевич, – неуверенно сказала она. – Садитесь, что же вы?

Пушкин с досадой опустил на диван. На миг показалось, что вчерашнее объяснение ему привиделось, что положительный ответ он вообразил себе сам в любовной горячке, а Наталья Николаевна по-прежнему лишь любезна и учтивая. Но Таша робко присела на краешек рядом с ним. Саша взял её руку в свои ладони.

– Как вам спалось? Как ваш сегодняшний день? – спросил он, желая слышать её голос.

– Спасибо, всё хорошо. Правда, Лиза с самого утра меня отчитывает, – пожаловалась Наташа. – А я-то думала, что, уехав сюда, я избавилась от контроля матери и сестёр, – она улыбнулась краешком рта. – А как ваши дела?

Пушкин помедлил, не зная, рассказывать ли.

– Я сегодня уже был у губернатора. – Таша вся обратилась в слух, пальцы её напряглись. – Он не против нашего

брака. Даже рад. Но, говорит, вы, Александр Сергеевич, публичная личность, нельзя этот вопрос решать без ведома самодержца, – Саша сердито поджал губы, подавив желание сплюнуть. – Вот такая непредвиденная задержка. Придётся писать письмо императору, – уже мягче сказал он, не сводя взгляда с Натали. Её глаза наполнились слезами, которые, казалось, вот-вот расплескаются.

Таша взволнованно обхватила свободной рукой Сашино запястье и, наклонившись к нему, с жаром зашептала:

– Только умоляю вас, не пишите ему, на ком вы собираетесь жениться!

– Но почему, душа моя? В чём дело?

– Он тогда не разрешит, ни за что не разрешит!

Пушкин хмыкнул и, подняв к лицу руки, покрыл поцелуями девичьи пальцы.

– Ну а теперь расскажите мне, ангел, что же такого вы натворили? На какую императорскую любимую мозоль наступили?

Натали сморгнула слёзы и увидела, что Саша смеётся. Она сердито убрала свои руки и спрятала в складках юбки.

– Наверное, вы должны это знать, – потупилась она. – Я вела себя крайне невежливо с их величеством и оскорбила своим нежеланием стать его фавориткой.

– Так вы ему отказали! – восхитился Пушкин. – Вот это жёнку я выбрал! Дайте я вас расцелую за это, моя дорогая! – и он звонко чмокнул Ташу в щёку.

– Натали! – послышался из дверей голос Дмитрия. – Тебе не нужна моя помощь?

Таша подскочила, оправляя платье и волосы:

– Нет, Митуш, всё в порядке, не беспокойся.

Саша шумно вздохнул:

– Ну Митя, могу я подарить невесте целомудренный поцелуй в знак признательности? – и, обратясь к Таше, негромко добавил: – Вы всё сделали правильно, Наталья Николаевна. Я восхищаюсь вашей смелостью.

В гостиную заглянула Параша.

– Лизавета Игнатьевна спрашивает, не изволят ли господа выпить чаю?

– Да, пожалуй, – ответил Гончаров. – Зови барыню. Давайте, что ли, хоть сегодня скромно отпразднуем вашу помолвку, – обратился он Пушкину. – А то я ещё не привык.

– Барин! – расхохотался Саша, когда горничная вышла. – Давно ли мы с тобой были простыми конюхами да ямщиками, а тут, гляди-ка, прислуга, дворецкий в ливрее!

– И ты, друг мой, женишься, заживёшь своим домом – захочешь обеспечить своей супруге достойное житьё, – назидательно сказал Дмитрий. – Я надеюсь.

Пушкин взглянул на Натали. Она прикусила нижнюю губу и с любопытством следила за разговором.

– Когда растает снег, я отвезу вас в Эуштинские Юрты, – пообещал Саша, повернувшись к ней. – Мой дом не так хорош, как этот – в нём всего три комнаты, но и там можно

счастливого жить вдвоём. А позже построить новый, для большой семьи.

– Кстати, о семье, – обратился Гончаров к сестре. – Ты уже написала маминьке?

Наташины глаза смущённо забегали, она снова присела на диван рядом с Пушкиным.

– Нет. Может быть, ты сам это сделаешь?

– Давайте я напишу, – предложил Александр. – А то неловко получается – я вряд ли когда-либо смогу познакомиться с вашими родителями лично, но это не повод не спросить их благословения на брак.

Он больше почувствовал, чем услышал, как Таша вздохнула.

Вошла Лиза, сели пить чай.

– Александр Сергеевич, – спросила молодая жена Гончарова, – я понимаю, что Натали здесь первый год и не знает особенностей нашего житья, но что вы собираетесь делать в ледоход? Переправу скоро закроют.

– Вы же не зовёте меня погостить у вас всё это время? – раздражённо уточнил Пушкин, злясь на себя, что не подумал об этом раньше. – Поживу у Попова! Я не готов расстаться так надолго со своей невестой, – он бросил на Наталью долгий и нежный взгляд. Она ответила ему тем же выражением. На сердце будто распустили ремни доспеха.

– И письма же нужно отправить до закрытия переправы! – задумчиво сказал Дмитрий. – А что губернатор? – вдруг

вспомнил он.

– Просит ответ из высшей инстанции, – нарочито равнодушно ответил Александр. – Сегодня же напишу в Петербург, – пообещал он, глядя на Ташу. Она опустила ресницы.

Вернувшись домой, Пушкин засел за корреспонденцию. Сначала самое сложное – Николай. Александр погрыз перо. В последний раз, когда Саша видел императора, тот совсем не царственно на него кричал. Правда, это было почти пять лет назад. Может, остыл, забыл и уже не вспомнит нынче, кто такой отставной чиновник десятого класса, поэт Александр Пушкин? Хорошо бы так. Что то там в столице, какие новости? Саша пожалел, что давно не интересовался событиями в России, не писал друзьям, да и они не баловали ссыльного вниманием. Пушкин снова взялся за перо.

«Всемиловейший государь!

В 1826 году я имел несчастье вызвать Ваш гнев, за что был сослан в Сибирь, город Томск, на поселение, где поныне живу под надзором губернского начальства, которое мною вполне довольно и претензий не имеет. С надеждой на Ваше великодушие и с поручительством губернатора, Евграф Петровича Ковалевского, прошу Вашего императорского Величества дозволения вступить в законный брак с достойной особой по взаимному согласию.

Остаюсь в ожидании Вашего благосклонного слова, верноподданный Александр Пушкин».

Вот так, и имя Натальи Николаевны Гончаровой не названо. Саша снова восхитился своей невестой, сумевшей дать отпор самодержавному сластолюбцу. Самолюбие ласкала мысль, что красавица предпочла императору ссыльно-го поэта. Ведь он-то получил согласие! Замечтавшись, Пушкин не заметил, как погасла свеча, и он остался в темноте, лишь прогорающие угли в печи с теплом излучали и капельку света. Ощупью Саша нашёл и зажёл новую. Теперь следовало вымолить благословение будущей тётки. Он взял чистый лист бумаги. О госпоже Гончаровой, Наталье Ивановне, Пушкин давно составил мнение по рассказам друга, хотя Дмитрий ни разу в жизни не сказал о матери дурного слова.

«Милостивая государыня, пишу к Вам в большом волнении, ибо от Вас зависит счастье моей жизни. Умоляю Вас проявить снисходительность к моей скромной персоне, хотя мы и не знакомы лично. Находясь в унылом сибирском городе в том же положении, что и Ваш сын, Дмитрий Николаевич, и будучи его близким другом и партнёром по золотопромышленной компании, я встретил Вашу дочь, ангела, присланного нам во спасение. Я полюбил её, голова у меня закружилась. С одобрения её старшего брата я сделал ей предложение, и, к моему удивлению, она согласилась. Теперь мы умоляем Вас и Вашего супруга, Николая Афанасьевича, о родительском благословении, без которого счастье наше будет невозможным.

Недостатка в денежных средствах я не испытываю и не

потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя по моей вине терпела лишения, но условия жизни здесь ограничиваются не столько размером кошелька. Моё имущественное состояние гораздо более привлекательно, чем положение относительно правительства, но, так как Вы не понаслышке знаете, как нелепо и стремительно можно впасть в немилость имеющих власть, это не должно помешать Вам ответить положительно на нашу почтительную просьбу. Благоволите, милостивая государыня, принять уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении. А. Пушкин».

Он оставил место на листе, на случай, если Таша захочет сделать приписку от себя лично.

Время близилось к полуночи, глаза слипались. Следовало написать ещё и своим родителям. Третье за вечер письмо носило скорее уведомительный характер.

«Мои горячо любимые родители, пишу к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на мадемуазель Натали Гончаровой. Я получил её согласие, а также и согласие её старшего брата, выполняющего при ней здесь роль опекуна. Прошу вашего благословения, свадьба состоится не позднее, чем мне минет тридцать два года. Этот возраст мне кажется подходящим для вступления в брак. Я уже достаточно остепенился и поднялся вопреки всему, чтобы вторая половина моего существования была для вас более утешительна. Et cetera, et cetera...»

Назавтра Пушкин встал поздно. Бегло просмотрел написанные вчера послания, болезненно поморщился и принялся собираться к Гончаровым. Надо было успеть в почтовую контору.

После обеда Александр показал Таше письма для её матери и для императора, за что получил одобрение и благодарный взгляд. К письму Наталье Ивановне дочь приписала пару строк о том, что замуж она идёт по собственной воле, без принуждения, и присоединяется к просьбе о благословении. Кроме этого, у Таши имелось ещё письмо к деду, Афанасию Николаевичу. Пушкин уже знал о значимости этого человека в жизни его невесты и надеялся, что она сообщила ему о своей помолвке что-нибудь хорошее. Но просить прочесть, конечно же, не стал. Дмитрий, как и обещал, тоже написал письмо матери.

– Я рекомендовал тебя как верного друга и честного человека, могущего составить счастье Наташи и обеспечить семью достойным существованием, – сказал Митя, отдавая конверт. – Думаю, татап согласится. Тем более, ты берёшь жену без приданого, – усмехнулся он.

– Натали, вы поедете со мной в почтамт? – спросил Саша. – Погода чудная! Я бы предложил пешую прогулку, здесь недалеко, но под ногами жуткая слякоть, лучше передвигаться в экипаже.

– С удовольствием! – заметно обрадовалась Таша. – Толь-

ко подождите немного, мне нужно одеться.

– Алексей отвезёт вас, – чопорно сказал Митя и бросил на Пушкина суровый взгляд, мол, не спорь.

Саша лишь пожал плечами.

От дома Гончаровых до почтовой конторы можно было дойти пешком за четверть часа, но кучер повёз их долгой дорогой, выбирая улицы пошире да почище. Низкое солнце светило уже совсем по-весеннему, пригревало щёки, хотя март в Сибири – зимний месяц. Снег под копытами скользил и, смешиваясь с подтаявшей грязью, образовывал трудно проходимую жижу. Но Пушкин не торопился. Такие редкие минуты вдвоём были драгоценны для влюблённого. Александр рискнул положить руку на спинку сиденья, приобняв девушку. Его невеста оказалась так щепетильна и скромна, что он боялся неосторожным словом или жестом отвратить её от себя. Но Натали будто не замечала его прикосновения. Она грелась на солнце, на лице играла улыбка.

– Знаете, Александр Сергеевич, – сказала она, – я была не готова к сибирской зиме. Считала, что слухи преувеличены. Но нет, напротив! В какой-то момент, кажется, в середине января, мне подумалось, что тьма и мороз никогда не кончатся. И сейчас эти лучи – такие тёплые! – очень радуют меня. И птицы так поют! Теперь я верю, что скоро всё оживёт. А как вы переносите зиму здесь?

– Сначала было непривычно, а сейчас мне даже нравится, – ответил Саша. – У меня в деревне снега гораздо боль-

ше, чем в городе. Он лежит огромным белым одеялом, из которого тут и там торчат стволы сосен. От того, что всё покрыто снегом, кажется светлее даже ночью. А от мороза хорошо спасает обычный крестьянский тулуп. И рубка дров, – он улыбнулся.

– Да вы живёте совсем простой жизнью, – засмеялась Таша. – Наверное, я и не знаю, что такое настоящая деревня, хотя всё детство провела у деда в Полотняном Заводе. Там тоже было красиво зимой. Но всё равно, я больше люблю лето.

– А я – осень, – признался Пушкин. – Но здесь красивая осень коротка, и она зовётся «бабьим летом». А потом листья стремительно облетают, и наступает зима, хотя на календаре ещё осенние месяцы. Но лето в Юртах мне тоже нравится – всё вокруг зелено и щебечет. А как вы думаете, – осторожно спросил он, – мы бы могли обручиться в конце весны? Тогда летом вы бы уже жили в деревне, среди милых вам просторов. Там река буквально за оградой, и до леса три дома. А за деревней – поля, где пасутся стада татарских лошадей и растёт ячмень.

– Вы очень заманчиво рассказываете, – Ташино лицо стало сосредоточенным и каким-то будто тоскливым. – Но мне так неловко обсуждать эту тему, – она кивнула на кучера.

Саша махнул свободной рукой, мол, не обращайтесь внимания, и притянул девушку ближе к себе.

– Третьего дня, – жарко зашептал он ей в ухо, – вы согла-

сились стать моей женой. Но ни слова не произнесли о ваших чувствах. Я же говорю: я вас люблю, мой ангел, и буду любить всегда, ничего не требуя взамен. Позвольте мне надеяться, что скоро все условности останутся позади, но для этого вы должны дать мне свободу действий! Скажите: да! – Александр отстранился, чтобы видеть лицо Натали. Её щеки порозовели, ноздри расширились, меж бровями пролегла вертикальная складка. Таша прерывисто вздохнула, будто всхлипнула.

– Да. Как вам будет угодно, – сказала она сдержанно. Потом прикрыла глаза и прошептала едва слышно: – Я разделяю ваши чувства, Александр Сергеевич.

Саша совсем потерял голову. Он готов был осыпать Натали поцелуями всю, от макушки до пят, и лишь её отрешённый вид останавливал его.

Неожиданно лошади встали.

– Приехали, – сказал Алексей.

Оставив Ташу в экипаже, Пушкин быстро поднялся в почтовую контору и отдал письма. Вернувшись так скоро, как смог, он снова сел, приобняв девушку. В его отсутствие Натали немного успокоилась, задышала ровнее и даже мимолётно улыбнулась Саше.

Пушкин обратился к кучеру:

– Алексей, обратно едем той же дорогой. Я скажу, куда нам нужно ещё зайти.

Таша вопросительно взглянула на него. Саша взял её руку

и покрутил на пальце перстень.

– Я здесь по пути видел вывеску ювелира. Вы позволите мне исправить мою оплошность и ненадолго забрать подарок, чтобы вы не сронили его ненароком со своих прелестных тонких пальцев?

Смущаясь, Натали сняла кольцо и, не касаясь Александра, опустила украшение в его подставленную ладонь.

– Я верну его, как только будет готово, – пообещал Пушкин. – Мы можем пойти вдвоём. Или вы снова предпочтёте остаться? – спросил он, когда прибыли на место.

– Наверное, мастеру потребуется узнать нужный размер? – предположила Таша и бесстрашно спрыгнула прямо в слякоть.

Мастерская ювелира располагалась в каменном подклете небольшого домика на углу Почтамтской улицы и Подгорного переулка. Пушкин помог Натали спуститься внутрь. Здесь было темновато и странно пахло. Во внутреннем помещении что-то загрохотало. Таша на миг прижалась к Александру, и он обнял её за талию, уткнувшись носом в шею. Тяжёлая дверь неожиданно растворилась, и на пороге в ореоле света появился старик в кожаном фартуке. При виде посетителей он поднял кустистые седые брови, от чего лоб его весь сморщился.

– Вы ко мне? – надтреснутым голосом спросил мастер. – Проходите, – он отошёл в сторону, пропуская гостей, затем сел за рабочий стол, освещённый сразу полудюжиной свечей.

Пушкин выложил перед ним перстень.

– Можете уменьшить до размера безымянного пальчика этой мадемуазель?

Натали неуверенно протянула руку. Ювелир взял кольцо, посмотрел через него на свет, прищурив один глаз, затем осторожно надел Наташе на палец и тут же стянул обратно. Взвесил перстень на ладони, зачем-то потёр камень и спросил:

– Старинная вещица, да? Ничего не жаль для невесты, понимаю. Такое беречь надо, – непонятно про что добавил он и замолчал.

– Сделаете? – не выдержал Саша.

– Конечно, – удивился вопросу ювелир. – Завтра приходите к вечеру. Тогда и сочтёмся.

Возвращались домой уже в сумерках. Дмитрий встретил их с недовольным видом:

– Отправил? – спросил он Пушкина. – Мы заждались вас.

Таша испуганно взглянула на брата и, сделав Саше книксен на прощанье, убежала наверх. Александр снял шубу.

– Ты позволишь войти? – уточнил он. – Давай всё же обсудим мою свадьбу. Мирно. И без Натали.

Митя пожал плечами. Они прошли в кабинет.

– Прости, я долго ждать не стану, мне четвёртый десяток лет, – сразу перешёл к делу Пушкин. – Обыкновенно большинство женится в эту пору, так что всё выглядит вполне прилично. Тем более, чувства мои искренни и намерения

честны. Я скажу тебе прямо – меня мало заботят ответы на всю эту корреспонденцию. И даже высочайшее дозволение, – он помолчал. Гончаров не ответил, так что Александр продолжил: – Свадьбу назначим, скажем, на двадцать пятое мая. Перед моим рождением. У нас остаётся чуть более двух месяцев на подготовку. Получается, что вы с Лизой – ближайшая Ташина родня. А у меня здесь – никого. Так что, хоть это и не принято обычно, всё решаю я сам, – Митя открыл было рот, потом передумал и закрыл. – Плачу тоже я, разумеется. И первый вопрос, дорогой родич, наряд для невесты. Моя обожаемая бесприданница должна блистать! Так и передай Лизе – я думаю, это её вотчина. Стоимость потом скажешь. А лучше пропиши по пунктам, как ты умеешь, все расходы без стеснения – я с тобой рассчитаюсь.

– А жить вы где будете? – спросил Дмитрий.

– Пока – в Юртах, потом посмотрим, – отмахнулся Саша. – Но там нужно всё обставить. Не на нары же мне класть молодую жену!

Митя закатил глаза.

– Ты, – сказал он, – со мной такие подробности не обсуждай. Я про сестру и знать этого не хочу.

Пушкин расхохотался.

– Только за оскорбление не принимай, а? Федот не перенесёт. И вообще, сам следишь за каждым её шагом, а говоришь – знать не хочешь.

– А ты потерпи до свадьбы, – с упрёком произнёс Гонча-

ров. – Недолго осталось.

Саша вздохнул горестно.

– Ладно, давай снова о деньгах тогда. Я всё пропустил – голова не тем занята. Рабочих-то отправили на прииски?

– Да, Федот всё сделал. С лошадьми и возчиками, как и в прошлом году, Сулеймановы помогли. Теперь мы через Рустэма связываемся, а то у Ильнури дел с городским извозом невпроворот, не успеваешь везде сам. А Рустэм у нас каждую неделю бывает.

– Хорошо, я тогда сегодня зайду к ним, а завтра буду переезжать к Попову. Река вот-вот тронется, уже водой подходит.

Федот обрадовался компаньону.

– Скучно тут мне одному, – пожаловался он, откупоривая бутылку. – Я было думал на Берикуль на лето уехать, а то и новые месторождения поискать в горах самому. Не могу долго сидеть на месте. Я люблю на воле.

Пушкин поболтал вино в бокале.

– На воле... – вздохнул он. – Ум у тебя всегда свободен. И дух. А я вот, наоборот, женюсь в мае.

– Договорились? – обрадовался Попов. – Ну слава те Господи. Все живы? – Александр улыбнулся. – А с женьбой – это у тебя любовная горячка. Выздоровеешь после медового месяца – снова на волю захочешь. Жаль, что Ковалевский упрямится, не желает вас отпускать. Я б, Сашка, в тайгу

с тобой пошёл, за золотом, за свежими мыслями. В городе затхло. Я потому здесь и живу, почти в лесу.

– Я тоже привык к деревне, – сознался Александр. – Уж не припомню, когда жил где-то в другом месте. Это же не первая моя ссылка.

– М-да, не любят тебя императоры, – усмехнулся Федот. – Ну и Бог с ними, тебе с царём детей не крестить. Живи себе.

– Я ему прошение послал, – признался Пушкин. – А вдруг не разрешит жениться?

– Да ну что ты, – махнул рукой Попов. – Женатый человек к месту привязан и к начальству более терпим, ибо ему детей кормить и жену беречь надобно, – назидательно сказал он. – Обрадуются только.

Вечером Саша поехал за перстнем к ювелиру. Узнав об этом, Федот сразу выдал ему денег на пару обручальных колец, чтоб заказать заодно. Не задерживаясь долго у мастера, Александр поспешил к Гончаровым, чтобы вернуть подарок так скоро, как обещал. Несмотря на поздний час, во дворе было многолюдно. Мелькали фонари, слышались приглушённые голоса.

– Что ж так долго-то, всё ли в порядке?

– Да, наверное, обойдётся...

– Постели ей рогожку, а то холодно на полу-то.

Встревоженный, Пушкин торопливо прошёл к сараю, где и столпились все домочадцы. Заглянув в дверь, он увидел,

что Натали и Дмитрий сидят на корточках, а Митя ещё и кого-то уговаривает:

– Потерпи, моя хорошая, вот уже и второй пошёл.

По-прежнему ничего не понимая, Саша сделал шаг внутрь и увидел на полу Ласку, а рядом с ней уже двух щенков. Пушкин с облегчением улыбнулся. Таша подняла на него лицо, и он подал ей руку, чтобы помочь встать.

– Простите, что мы так вас встречаем, – сказала она. – У нас тут прибавление.

Митя даже не повернул головы, обхаживая собаку, лишь поздоровался мимоходом.

– Пройдёте в дом, – вежливо предложила Натали. – Всё уже разрешилось.

– Я останусь, – беспокожно произнёс Гончаров, переводя взгляд с собаки на сестру и обратно. – Лиза! – крикнул он в двери. – Будь добра, прими гостя! Я скоро подойду.

– Никак не может расстаться со своей Лаской! – с укором проговорила Лиза, разливая чай.

– Да, он её обожает, – улыбнулся Пушкин. – Мне даже кажется, что они чем-то похожи.

– А вы любите собак? – осторожно спросила Таша.

– Не так, как ваш брат, но, да, пожалуй, – ответил Александр и по просиявшему лицу девушки понял, что угадал правильный ответ.

– У деда в Заводе всегда была большая псарня и конюшня

– он заядлый охотник. Но там в основном жили такие гладкие, быстрые собаки для охоты – гончие, легавые. А лохматых, как Ласка, мы никогда не держали. Это какая-то северная порода, да?

– Скорее всего так, – сказал Саша, судорожно вспоминая, что же говорил Асташев, когда всучил им с Митей щенков. – Кажется, у себя в тундре они пасут оленей.

В гостиную вошёл взволнованный Гончаров.

– Двое, всё-таки только двое! – воскликнул он с порога. – Пьют молоко и дремлют. Я оставил Алексея за ними присматривать.

– А кто счастливый отец? – засмеялся Пушкин его оживлению.

– Вот уж не знаю, – развёл руками Митя. – Но один щенок как две капли воды похож на мать, а у второго немного рыжие уши и хвост. Но тоже пушистый.

– Теперь у тебя три собаки, – с едва заметной завистью в голосе сказала Таша. И Саша подумал, что это неплохая идея – завести пса в Эуштинских Юртах.

Когда после чая Натали вышла проводить его в переднюю, Александр снова надел ей перстень на палец. На этот раз кольцо пришлось впору.

– Когда вас ждать к нам снова? – спросила Таша.

– Если это не будет слишком навязчивым, я готов припасть к вашим ногам хоть завтра чуть свет! Тем более что начался сезон золотодобычи, и у нас с вашим братом есть дела.

– Дмитрий... Кажется, он не очень рад оставлять нас вдвоём. Не понимаю, почему. Я думала, он будет доволен этой помолвкой.

Пушкин хмыкнул, вспомнив перекошенное Митино лицо перед выстрелом.

– Всё в порядке, – успокоил он Натали. – Просто как глава семьи ваш брат пытается соблюсти все приличия. И он беспокоится о вас.

Таша фыркнула.

– Уж я-то не давала ему повода думать обо мне что-либо скверное. Надеюсь, и вам тоже...

– О, вы суший ангел, Натали, чистейший и невиннейший, – Саша поцеловал её ладонь и поспешил уйти, пока не наговорил лишнего.

Эта весна была тёплой. Снег стремительно таял, всюду текли ручьи, Томь пошла споро и дружно. Пушкин и Гончаровы смотрели ледоход на набережной, где кроме них гуляло множество нарядно одетых, как на праздник, горожан. По середине реки уже плыла шуга, а по краям большие льдины медленно сдвигались и выползали на берег.

– Здесь, в Сибири, от рек зависит очень многое – добыча рыбы, торговые пути, даже почта, – рассказывал Саша Натали. – Поэтому всё население следит за тем, как меняется Томь от сезона к сезону. Видите, я и домой-то не могу попасть, пока лёд окончательно не сойдёт, а на постоянных дво-

рах около переправы сейчас настоящая свалка. Купцы, ямщики – все ждут, когда можно будет двигаться дальше. Через неделю запустят паром, и жизнь в городе снова закипит, а пока мы можем только наблюдать.

– Через неделю – уже Пасха, – задумчиво сказала Таша. – А там и лето.

– Да, как разгрузится тракт, скажем, на Красную горку или чуть позже, в конце апреля, я отвезу вас в Эуштинские Юрты, – голос Александра против воли стал хриплым, он заговорил тише и склонился ближе к Натали. – Там вы сможете посмотреть дом и скажете мне, что нужно переделать и докупить к вашему переезду, – от одной мысли о том, что Таша будет с ним в его доме, у Саши кружилась голова.

– Лиза, кажется, ты озябла? – спросил Гончаров громко и, не дожидаясь ответа, добавил: – Пойдёмте домой, – он подошёл и демонстративно взял сестру под руку так же, как и жену. Алексей ждал их поодаль. Пушкин не стал садиться в коляску. Ему хотелось пройтись, успокоить дыхание, размять истомившееся тело. Поклонившись недоумевающим дамам, он размашисто зашагал в сторону монастыря. Батыр, так или иначе, остался в конюшне Гончарова. Когда Пушкин вошёл во двор, кучер уже выпрягал лошадей.

– В дом заходить не будете-с? – спросил Алексей, пытаюсь придать своей речи столичный лоск. – А то барышня так расстроились, что вы изволили идтить пешком.

Саша досадливо отвёл взгляд.

– Нет, я только коня забрать. А впрочем, передайте Наталье Николаевне, чтоб не сердилась на меня. Дела!

Приехав в «Отрадный уголок», Пушкин пожаловался Федоту:

– Митя нынче лютует! Невесте не то, чтоб ручки поцеловать – на ушко слова шепнуть не даёт!

– А ты что, его дозволения спрашиваешь? – удивился Попов. – Не ожидал от тебя! Послушай, Александр, дело у меня есть. На Пасху хочу на Берикуль смотаться, рабочих поздравить, то да сё. Мочи моей нет! К свадьбе твоей вернусь, за неделю или за две, тут не беспокойся. Живи здесь, сколько хочешь, мои люди тебя уже хорошо знают. А соберёшься к себе съезжать – тоже воля твоя. Эх, жаль вместе нельзя. Ну да ладно, бывай, а я спать пошёл – завтра чуть свет отправляюсь. Удачи с невестой и привет всем Гончаровым!

В Светлый вторник открыли паромную переправу. Александр, прождав половину дня в очереди, к сумеркам перебрался на левый берег и наконец, после почти месяца отсутствия, появился в Эуштинских Юртах. Ужинал у Сулеймановых, делился новостями. Глава семейства был очень рад Сашиной предстоящей женитьбе.

– Обязательно нужен праздник для всех! – заявил Чагатай Улугбекович. – Если хочешь – мы всё устроим как родному. Венчайся в городе и вези молодую жену в свой дом, ты же из наших Юрт, свой человек – и татарские обычаи соблюдать

должен, – он хитро улыбнулся.

– Ваша правда, – вынужденно согласился Пушкин. – И я к вам как раз по этому делу. В воскресенье я приеду сюда с невестой, а дома всю весну не был. Могут ваши девушки помочь с уборкой?

– Малика придёт завтра, как и прежде, – успокоил его глава семейства. – С сёстрами и подружками живо работу всю переделают.

Когда Александр привёз Натали в Эуштинские Юрты, дом и двор были вымыты и отчищены. Таша приехала вместе с Таней, которую навязчивый Митя отправил с ней в качестве дуэньи. Пушкин поморщился, но не высказал другу своего недовольствия. Впрочем, теперь Татьяна, бегло осмотрев постройки, прильнула к уху Натали и что-то жарко ей зашептала. Таша, неуверенно покосившись на Пушкина, кивнула. Горничная разулыбалась и выбежала на улицу.

– Куда это она? – удивился Саша.

– У неё тут... приятель, – смущённо ответила Натали. – Надеюсь, она понимает, что делает.

– Рустэм! – догадался Пушкин.

– Да, Сулейманов, – подтвердила Таша, нервно комкая в руках кисти шали. Было очень жарко для конца апреля, лишь прохладный ветерок с реки да едва начавшие раскрываться почки на деревьях выдавали время года.

– Не беспокойтесь за неё, Натали, татары – народ честный. И у них случаются браки с русскими.

– Вы думаете, они... – подняла брови Таша и запнулась, не договорив.

Пушкин хмыкнул и, не отвечая, увлёк её в дом.

– Вот моё скромное обиталище, – обвёл рукой он просторную кухню, которая служила и столовой. – Расскажите мне, как сделать его достойным вашего присутствия!

Натали прошла вдоль полка с утварью, заглянула за занавеску в дальнем углу.

– А там что?

– Тут жила прежняя хозяйка. Я пока не придумал, что здесь разместить. Сам я сплю во второй половине, посмотрите?

Александр провёл Ташу через полутёмные сени и открыл дверь в большую комнату.

– Осторожно, притолока низковата, но, наверное, её можно стесать, чтоб вам было удобно. Дмитрий несколько раз расшибал лоб, – улыбнулся он воспоминанию. – Честно говоря, я ничего не переставлял с тех пор, как ваш брат переехал в город. Справа его нары, прямо – мои. Этот маленький столик я использую для работы, но, наверное, пора обзавестись каким-нибудь бюро. Татары вообще обычно сидят низко, часто даже на полу, но нам, конечно, понадобятся стулья.

Таша стояла посередине комнаты, неуверенно озираясь. В своей растерянности она показалась Саше такой трогательной, что огонь сердца обдал жаром. Среди полосатых ковриков и одеял Зульфийи аби, Натали в кремовом прогулочном

платье с широкими рюшами на рукавах и подоле выглядела ангелом, спустившимся на грешную землю. Пушкин сделал шаг к ней и обнял одной рукой, прикинув щекой к её плечу.

– Взгляните, это мы всё уберём. Здесь будет наша спальня. Выберите занавески, трюмо для всех этих женских штук, широкую постель, – его голос упал до интимного шёпота. Не в силах совладать с собой, он провёл рукой по талии вверх, ощутив через ткань платья под пальцами шнуровку корсета, заканчивавшегося под грудью, и поцелуями проложил дорожку от плеча к уху. В голове помутилось, он потерял мысль. Продолжать говорить бы он всё равно не смог, его губы искали Ташины, шаль упала в ноги, когда оглушающе прозвенела пощёчина.

Глава 10. Вкус счастья

*«Вчера Курбан-эфенди поцеловал меня
и говорит: "Ароматная, как Гюльбешекер".
Наверное, это варенье очень ароматное...
Сестрица, а может это вовсе не варенье?»
(Р. Н. Гюнтекин «Птичка певчая»)*

В Эуштинские Юрты Таша ехала с любопытством. Пушкин сам правил лошадью, а они с Таней сидели сзади. Натали беззастенчиво разглядывала его прямую спину, непослушные кудри, залезавшие под воротник, и не понимала, чего так ополчился на него брат. Вообще, Александра Сергеевича все любили – во всяком случае, все те, кто был в её окружении. Даже острая на язык Лиза втайне восхищалась поэтом. И Таша восхищалась гением, но в то же время он походил на большого ребёнка – так же эмоционален, непосредственен. Пушкина нельзя не полюбить, так думала она. Когда Саша – внутри себя Натали давно звала его Сашей и даже Сашенькой, несмотря на то, что именно он был значительно старше, – делал ей предложение, она едва удержалась от проявлений восторга. Станным и приятным стало то, что он, кажется, тоже испытывал к ней чувства. И вот сейчас вез показывать ей дом, в котором им предстояло прожить дол-

гую счастливую жизнь. Татьяна должна была быть рядом с ней для соблюдения всех приличий, а сама, едва приехали в деревню, сбежала к любовнику – после Сашиного намёка Натали окончательно утвердилась в этом мнении. Неужели девушка не видела страданий Параша?

Дом был совсем мал, хотя чист и даже по-своему уютен. В полутёмных комнатах витал едва заметный аромат душистых трав. Спальня больше походила на детскую – низкая мебель, сундуки, на которых стопками лежали книги, цветные коврики и одеяла. Впрочем, если обить или хотя бы побелить стены, обставить...

Пушкин обнял её, указывая свободной рукой на убранство. Его щека, касаясь плеча, колола бакенбардой через тонкую ткань. Это не было неприятно, напротив, и почему-то по животу Наташи от этого побежали мурашки. Она перестала понимать, что он говорит, его шёпот завораживал, и, когда губы его приникли к шее, а горячая ладонь оказалась где-то на груди, будто прожигая платье до кожи, Таша не сразу смогла среагировать. Страх сковал её ноги, бёдра окаменели, не давая сдвинуться с места. Она поняла, что мужчина, её жених, не владеет собой, им движет что-то иное, чем разум. И тогда, чтобы привести Александра в чувство, Натали в панике хлестнула ладонью по его щеке. И тут же отдёргнула руку, спрятав её, как ребёнок, за спину. Пушкин замер, не отстраняясь. Его руки, скользнув по платью, опустились. Он медленно, будто не понимая, что происходит, поднял на неё

горящий взгляд. Таша отступила назад, оперевшись спиной в стену.

– Саша, что ты делаешь! – вскрикнула она, невольно перейдя на «ты». – Не надо!

– Но... Таша, я люблю тебя, душа моя! – Он попытался взять её за руку, но Натали не позволила, брезгливо стряхнув его пальцы. – Почему? Ведь через месяц мы всё равно поженимся... – Его голос упал, казалось, он сейчас заплачет.

– Не бери грех на душу. – Натали пыталась быть твёрдой, хотя её чрезвычайно трогали его ставшие печальными глаза и опущенные уголки красиво очерченных губ. – Через месяц. Не сейчас.

– Ангел мой, ты так невинна и чиста, но я – обычный человек из плоти и крови... – Саша снова потянулся к ней, но она отпрянула, скользнув по стене к двери. – Постой! Не уходи! – взмолился он.

Таша, с глазами, полными слёз, покачала головой:

– Я не могу оставаться с тобой наедине ни минуты более. Рустэм отвезёт нас.

Она прерывисто вздохнула, с трудом сдержав рыдание, и выскочила за дверь. В сенях было холодно, и она замерла на мгновение. Дверь за спиной снова открылась, и на плечи Натали опустилась шаль. Таша схватила её за кисти и обернулась.

– До свидания, – уныло произнёс Пушкин. – Ведь мы же встретимся через двадцать восемь дней в Благовещенском

соборе?

Сердце Натали упало куда-то на дно живота. Она не хотела расставаться так надолго, но и на попятный пойти уже не могла.

– До свидания, – холодно ответила она и покинула дом, закрыв за собой дверь.

Слёзы обжигающими дорожками покатались по её лицу, быстро высыхая на апрельском ветру. Сделав несколько глубоких вдохов в попытке успокоить рвущееся сердце, Таша вышла за ворота, чтобы найти наконец Таню.

Дома Татьяна пристала к Натали с расспросами:

– Почему вы так поспешно уехали? Неужто поссорились с Александром Сергеевичем?

– Да, немного, – неохотно ответила Таша.

– Но что случилось?

Убедившись, что рядом никого нет, Натали сказала вполголоса:

– Он позволил себе лишнего, – и поджала губы.

Таня вытаращила на неё глаза.

– Не может быть! Александр Сергеевич не похож на насильника! Он такой вежливый, и с вами всегда, как с дорогой вазой, бережно обходился!

– Что ты, – испугалась Таша. – Конечно же, всё не так ужасно!

– А, – успокоившись, махнула рукой Татьяна, – целовал

просто? – Натали потупилась. – Так стоило убежать, как от чёрта! Мы тоже... – она осеклась.

Таша подняла голову и прищурилась:

– Что «тоже»? – воскликнула она. – Ты для этого к Руст-эму ездила?

– А для чего же ещё? – не смущаясь, ответила Таня. – Он жениться обещал. Хотел свой дом показать, а тут вы: «В город, в город, скорее!» – обиженно передразнила она.

– Прости, что помешала, – грустно сказала Натали. – Надеюсь, у вас всё сладится.

– И у вас всё сладится, Наталья Николаевна! Не отступится он от вас! Видала я, как он смотрит, нипочём не отступится.

Дни тянулись за днями. Александр не появлялся у Гончаровых. Таша плакала в подушку каждый вечер, не понимая, как ей следовало поступить.

Спустя неделю за чаем Митя заметил отсутствие друга.

– Наташа, а куда пропал Пушкин?

– Почему ты у меня спрашиваешь? – напряжённо спросила Натали.

– Ну он же твой жених. Вы не поссорились часом? Венчание состоится?

– Я не знаю, – несчастным голосом ответила Таша.

– Дмитрий, отстань от сестры, – возмутилась Лиза. – Появится Александр Сергеевич, а мы пока платье дошьём,

правда, Натали? – Она протянула ей под столом салфетку. Таша промокнула глаза. – Письма от Натальи Ивановны не было ещё? Здесь, в Сибири, так томительно ждать почты! Никакое другое ожидание не может с этим сравниться.

Митя спрятал глаза, прикрыв лицо рукой.

– Было, – невнятно пробурчал он.

– И что там? – подскочила Натали. – Дай я посмотрю.

– Я его сжёг вчера.

– Почему? – упавшим голосом проговорила Таша.

– А, ничего важного там не написала. Про твою свадьбу не говорит ни да, ни нет. Только бранит меня, что, мол, обещал тебя беречь и обеспечивать, а сам спешу сбить с рук какому-то проходимцу, государеву преступнику.

Наташа задохнулась от возмущения.

– Это поэта Александра Сергеевича Пушкина она называет проходимцем?

– Да, но ведь она ценит другое.

– А от дединыки мне не пришёл ответ? – спросила Натали, помолчав.

– Нет, больше писем не было. Я завтра ещё раз съезжу, узнаю, – пообещал Митя, внимательно глядя на сестру.

Но ни завтрашний день, ни последующий не принесли никаких известий. Лишь спустя неделю Дмитрий вернулся домой с толстой пачкой конвертов. С торжествующим видом он положил их на стол. Таша бросилась разбирать подписи отправителей.

– От Катерины, от Александрины, от дединыки... – Она прижимала к груди письма, адресованные ей, продолжая перебирать оставшиеся свободной рукой. – Ой, ещё одно от маминьки! На этот раз для меня! А это что? – Она подняла глаза на брата. – Почему ты забрал корреспонденцию Александра Сергеевича?

– По привычке, – смутился Митя. – Мы же раньше всегда за двоих всё делали. Да я отвезу ему завтра же, если он сегодня сам не объявится.

Натали, не сумев сдержать любопытства, будто невзначай подвинула к себе поближе оставшиеся два конверта. Один был надписан родителями Пушкина, а второй – Ольгой Павлицевой. После секундной паники Таша вспомнила, что это фамилия Сашиной сестры. Она снова перебрала письма. Никаких посланий с гербовой бумагой и императорской печатью не было. Натали вздохнула и заметила взгляд брата.

– Читать будешь? Открой хотя бы от татап, – попросил он.

Таша помедлила, потом опустилась на диван и, обложившись письмами, вскрыла нужный конверт. Мать писала, как всегда, по-французски. Натали бегло просмотрела текст.

– Она пишет, мол, раз ты за меня отвечаешь теперь, то и решайте сами. Она Александра не знает, поэтому навязывать свою волю не будет. Кстати, здесь ему приписка. Ничего же, если я прочту? «Уважаемый месье Пушкин, примите наше родительское благословение. Надеюсь, вы обеспечите

мою горячо любимую дочь приданым и всем необходимым для достойной семейной жизни». – Таша фыркнула и подала Мите лист бумаги. – Наверное, это тоже следует отвезти в Юрты.

Она встала и собрала письма.

– Я утром туда поеду, – пообещал Дмитрий. – Всё-таки странно, что Саши так долго нет. Не заболел ли? От тебя передать что-нибудь?

Натали помедлила с ответом. Чувства боролись в ней с благонаравностью.

– Да, пожалуйста. Скажи, к свадьбе уже всё готово.

Когда Митя, так и не дождавшийся визита друга, вошёл в дом Пушкина, тот принимал у себя Попова. Федот только вчера вернулся с Берикуля и, не найдя Александра у себя в «Отрадном уголке», поспешил узнать, как у него дела.

Дела у Саши были неважные. Он так осунулся за последние две недели, что сам не узнавал себя в большом зеркале, которое купил для Натали. Стараясь не думать, состоится ли свадьба, он погрузился в омут хлопот по дому. Бывшее жилище Зульфийи Халиловны теперь было не узнать. Кремовые стены будто добавили в помещение света, который проникал сквозь обрамлённые голубыми занавесками окна. Такого же небесного оттенка покрывало лежало на большой кровати. Огромных трудов и денег стоило привезти её в Юрты на пароме по частям, а потом, уже в комнате, склотить в единое

целое. Так же пришлось поступить и с платяным шкафом. Книги аккуратно стояли на полках, где раньше ютились чашки, тарелки и другие предметы обихода. В углу примостилось бюро. Вместо нар Пушкин приобрёл оттоманку и пару мягких стульев, на одном из которых сидел Федот. Митя вошёл без стука и остановился в изумлении.

– Вот это да! – воскликнул он. – Теперь понятно, куда ты пропал! А мы волновались, не случилось ли чего.

– Здравствуй, – Александр поднялся с оттоманки навстречу. – Хорошо, что ты приехал! Как там Натали? – не удержался он от вопроса.

– Ты мог бы сам заехать и спросить у неё, – немного обиженно ответил Гончаров. – Скучает, конечно.

– Ничего мне не просила передать?

– Велела сказать, что к свадьбе всё готово.

Саша прикусил губу, не понимая, как трактовать слова невесты. Как смирение с участью быть женой болвана, не сумевшего усмирить свою похоть? Или в этом послании была хоть толика радости, предвкушения важного события? Жаль, у Мити нельзя спросить.

– У меня, как видишь, тоже всё готово, – Пушкин обвёл рукой комнату.

– Да, я вижу! – Дмитрий сел на стул и пожал руку Федоту.

– Кстати, о свадьбе, – заговорил Попов, до сих пор молчавший и с улыбкой следивший за разговором. – Готово не всё.

Александр поднял бровь.

– Ты же сказал, что уже договорился со священником.

– А мальчишник?

Митя закатил глаза.

– Нет, – твёрдо сказал Саша. – Я уже нагулялся. Хотя, если хотите выпить со мной, стихи новые послушать – приезжайте. Я буду рад.

Гончаров успокоенно улыбнулся и вздохнул. Потом вдруг спохватился и полез к себе за пазуху.

– Я же письма тебе привёз!

Он достал два нераспечатанных конверта и отдельно сложенный лист писчей бумаги. Саша принял почту, просмотрел адресатов. Развернул письмо от Натальи Ивановны, прочёл, хмыкнул довольно. Потом поднял глаза на Митю.

– А от императора не было ничего?

Тот покачал головой, поджав губы.

– А что ты будешь делать, если он откажет? – с любопытством спросил Федот. – Или вообще не напишет?

Пушкин пожал плечами.

– Женюсь. После скажу, что письмо запоздало. Сибирь, дороги плохие, условия трудные, – он посмотрел на Попова хмуро. – Но, конечно, мне бы хотелось, чтобы всё было законно.

Когда друзья разъехались, Александр распечатал письмо от родителей. Они в самых чувствительных выражениях заверяли его в том, что известие о его предстоящем браке пре-

исполнило их радости, и они с удовольствием благословляют его и невесту на жизнь в любви и согласии. Саша даже удивился такому проявлению расположения после стольких лет опалы. Казалось, смена статуса изменила отношение родителей к нему, несмотря на ссылку, и это было непривычно и чудно. Лёвушка, которого, по словам матери, переводили в Финляндский драгунский полк, передавал лишь приветы, но сам ничего не написал. А вот Оля сочинила длинное послание, в котором обращалась как к Александру, так и к Натали с шутливыми сестринскими наставлениями. Пушкин отложил её письмо, чтобы после отдать Таше, а сам, поджав, как татарин, босые ноги, угнезвился на оттоманке и задумался. Олины слова разбередили его сердце. «Никогда не оставляй жену одну надолго, – писала она. – Влюблённая женщина придумает за день столько, сколько ты, поэт, не сочинишь и за месяц!» Сестра знала, о чём говорит: её муж уехал служить в Варшаву, а Оля тем временем жила в Петербурге. Поразмыслив над этим, Саша пришёл в ужас от того, как можно было трактовать его несдержанность при Наташином воспитании.

Ранним утром он уже стоял у ворот дома Гончаровых. На встречу ему с дружным повизгиванием выкатились два белых комочка, живо напомнив Пушкину тот день, когда Асташев всучил им Аврору и Ласку. Только те к тому времени уже подросли, а этих малышей можно было взять в ладони. Он поднял рыжеватого. Щенок потянулся к нему чёрным но-

сом, шумно нюхая воздух. «Этот будет наш, – подумал Александр. – Надо спросить у Таши, как его называли». Неслышно подошла Ласка и молча ткнулась мордой ему в колени, мол, отдай. Саша, присев, вернул ребёнка матери. Глядя на собак, он оттягивал минуту, когда встретится лицом к лицу с Натали. У него не было готовых слов, чтобы сказать ей. Ничего не было в оправдание, кроме страсти, сжигающей его и сейчас. В голове громко тикали часы, отмеряя оставшиеся двенадцать дней до венчания. А может, это от волнения стучала в висках кровь. Медленно поднявшись, Александр прошёл в дом. Девушки встретили его с радостью. Параша и Таня засуетились, собирая на стол – хозяйева ещё не завтракали и даже не выходили из спален. Первой на шум спустилась Натали и, увидев Пушкина, замерла на лестнице в нерешительности. Белое утреннее платье свободного кроя делало её похожей на ангела, а свет, идущий сверху из проёма, золотил мягко уложенные волосы нимбом. Саша смотрел на неё снизу, как на божество. Плотское потеряло контроль над его разумом, он преисполнился благоговением. Не обращая внимания на неуместность обстановки, Александр молитвенно сложил руки.

– Наталья Николаевна, – волнуясь, начал он. – Вы, наверное, не знали, но я всю жизнь был неверующим. Ничто для меня не подтверждало существование Бога.

– Но разве это возможно? – искренне удивилась Наташа, явно не понимая, к чему он ведёт.

– Возможно, но не теперь, – вымученно улыбнулся Пушкин. Натали терпеливо ждала продолжения. Александр медленно выдохнул и снова заговорил: – Встретив вас, я уверовал, ведь Бог есть любовь. Если вы простите меня, ангел мой, значит, Он и вправду существует.

На Ташином лице отразилось смятение. Она оглянулась, будто собиралась бежать вверх по лестнице, потом обхватила себя руками и едва слышно сказала:

– Давайте забудем это досадное недопонимание.

К Сашиному облегчению, Натали спустилась на пару ступенек вниз. Когда она помедлила, Пушкин сделал шаг вбок, учтиво пропуская её, но, ступив на пол, Наташа не прошла в комнаты, а задержалась, чтобы коснуться кончиками пальцев его руки. Взгляд её на мгновение ожёг Александра пламенем, а Таша тут же опустила ресницы и скользнула мимо него в столовую. Сердце Сашино запело: «Прощён!» Едва сдерживая расплывающуюся до ушей улыбку, он проследовал за своей невестой на завтрак.

Теперь Пушкин снова днями пропадал у Гончаровых. На семейных завтраках и обедах, которые Таня сразу накрывала на четверых, царила тёплая дружеская атмосфера, умиротворявшая Александра. Натали смотрела на него со свойственным ей прямодушием, будто бы уже стала женою. Тем более одинокими были Сашины вечера в Эуштинских Юртах. Проворочавшись несколько ночей в большой постели,

он ушёл спать в сарай, где стояла старая мебель. На привычных нарах заснуть оказалось проще. Наутро Пушкин опоздал к завтраку, обустроив себе подобие летнего кабинета.

Когда он пришёл наконец, за столом на его месте сидел Асташев.

– Ба, Иван Дмитриевич, какими судьбами? – фальшиво воскликнул Саша, придвигая себе стул и садясь поближе к Натали. Та, встретив его беглый взгляд, едва заметно пожала плечами.

– Вас жду, Александр Сергеевич, – лукаво ответил Иван.

– А почему здесь, а не у меня дома?

– Так где ж вам ещё быть, как не у своей невесты? – Голос Асташева звучал ровно, как бы Пушкину ни хотелось услышать в нём обиду или ревность. – Тем более, что дело у меня к вам обоим.

– Какое дело? – насторожился Александр.

– Вчера на имя его превосходительства Евграфа Петровича Ковалевского пришло письмо от генерала Бенкендорфа, вы наверняка его знаете, он заведует третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

– Лично не имею чести, – отозвался Пушкин. – Так что же он пишет?

– Отвечает на ваш запрос, насколько я понимаю. Впрочем, я не читал. Но Евграф Петрович счёл нужным прислать вам оригинал письма для ознакомления. – Асташев достал свёрнутый лист дорогой бумаги со сломанной императорской пе-

чатью.

– Благодарю.

Саша потянулся за письмом. Пальцы его похолодели от волнения. Краем глаза он увидел, что Таша сидит бледная и сжимает руки. Гончаров медленно помешивал ложечкой чай, делая вид, что его это не касается. Лиза зачарованно следила за его движением, потупив взгляд. Придвинувшись ближе к Натали, чтобы она тоже могла прочесть, Пушкин развернул послание.

«Милостивый государь Евграф Петрович!

Его Императорское Величество с благосклонным согласием принял прошение о женитьбе Пушкина Александра, за которого Вы также хлопчете, и при этом изволил выразить надежду, что он хорошо испытал себя перед тем, как предпринять этот шаг, и в своём сердце и характере нашёл качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, согласившейся вступить с ним в законный брак. Объявляя сию монаршую волю, честь имею присовокупить искреннее упование, чтобы высказанное им в письме к государю императору верноподданническое смирение сохранялось и в дальнейших его поступках.

Примите при сём уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть Ваш покорный слуга А. Бенкендорф».

Натали подняла голову от письма и первая обратилась к Асташеву:

– Мы так благодарны вам, Иван Дмитриевич, за эту услугу! – сказала она за двоих, и это «мы» несказанно удивило Пушкина. – Передайте Евграфу Петровичу нашу искреннюю признательность.

– Ответ положительный? – хрипло уточнил Митя, так и не выпустив ложечки из пальцев.

– Да! – выдохнул Александр и накрыл своей ладонью Ташину руку. – Наша свадьба через пять дней. Вы же придёте, Иван Дмитриевич?

– Ваш добрый вестник тоже приглашён? – хохотнул Федот. – Ну что ж, я рад, что вы, наконец, помирились! Всё-таки одно дело делаем.

Попов и Гончаров сидели в пёстрой кухне Пушкина за богато накрытым Маликой столом. Здесь Александр не успел – да и не сообразил, как – привести всё в приличный вид, оставив женскую территорию на усмотрение тех, кто будет ею править. В комнате Зульфии он решил поселить Таню и Парашу, которые непременно хотели переехать со своею подругой и хозяйкой. Лиза уже подыскивала новых горничную и кухарку.

– Так нам больше нечего с ним делить, – довольно усмехнулся Пушкин. – Я послезавтра женюсь и буду счастлив, – он повторял это уже не в первый раз как заклинание, толком не веря в произносимые слова.

– Будешь, будешь, – успокоил его Федот. – Посмотри вот

на Митю. Ты счастлив? – спросил он Гончарова. Тот с аппетитом уплетал татарские лакомства и не сразу понял, что вопрос обращён к нему.

– Счастлив ли я? С позапрошлой недели – безумно!

– Почему с позапрошлой? – удивился Пушкин.

– Да я же вам не сказал ещё, у вас свои заботы. Лиза ждёт ребёнка! – Митя весь сиял.

– Ого, поздравляю! – Попов хотел пожать ему руку, но Гончаров, извиняясь, поднял липкие пальцы. – За это тоже надо выпить!

Вино Федот привёз из своих погребов отменное, с дядиных винокуренных заводов. Пили за грядущую Сашину свадьбу, за счастливую жизнь, за Митино наследство, за богатые прибыли и даже за императора. Под утро, в сумерках, Пушкин зажёл свечу и прочёл осоловелым друзьям несколько новых стихотворений. За то, чтоб они были опубликованы, тоже выпили по настоянию поэта. После сон сморил всех троих.

Накануне венчания к Лизе проездом из Красноярска в Москву приехал брат Володя. Соколовский очень обрадовался предстоящей свадьбе Пушкина и вызвался быть вторым шафером. Попов тут же взял его в оборот и после обеда, к неудовольствию Лизы, увёз Владимира посвящать в план праздника. Пушкин, выныривая из любовных грёз, вообще замечал какую-то странную суету вокруг того, что виделось

ему пустым ритуалом. Если бы не внешнее спокойствие и невозмутимость Натали, он бы, наверное, сорвался на друзей за их излишнее рвение.

Венчание было назначено на вечер воскресенья, но Саша проснулся рано и весь день не знал, куда себя деть. Около полудня забежал Рустэм Сулейманов за венчальной шкатулкой, которую обещал отвезти в город. Парень выглядел возбуждённым и таким нарядным, будто это была его собственная свадьба.

– Постой, Рустэм! – окликнул его Пушкин. Тот обернулся, нетерпеливо постукивая носком мягкого сапога. – А ты-то когда женишься? Уже сделал предложение?

– Кому? – попытался прикинуться дурачком юноша. Александр молча ждал. Смуглые щёки Рустэма ещё больше потемнели от залившей их краски. – Нет, – наконец ответил он.

– А надо бы, – сказал Пушкин, надеясь, что не выглядит сейчас брюзжащим стариком. – Таня будет жить здесь, и ты станешь крутиться возле неё каждый день у всех на виду. Лучше бы ей быть мужней женой.

На лице у молодого человека отразилась целая гамма чувств.

– Да! – воскликнул он. – Спасибо за совет, Александр Сергеевич. Скоро ждите сватов от меня.

– Можешь пренебречь этим обычаем, – махнул рукой Пушкин. – Мы с Натальей Николаевной согласны, а других

близких у Татьяны здесь нет. Лучше готовь калым.

Рустэм засмеялся с облегчением и поспешил в город.

Одевшись без посторонней помощи, – Попов с Соколовским где-то запропалились – Пушкин зашёл к Сулеймановым за коляской. Старики встретили его во дворе, долго жали руки и желали счастливой свадьбы. Вид у обоих был претайинственный. Ильнури дома не было, поэтому Саша сам сел на козлы. Нарядная коляска помчала по пыльной дороге. Шаферы встретили Пушкина у парома. Соколовский пересел к Александру, забрав у него вожжи.

– Что за жених такой, который сам лошадьми правит, будто некому больше! – возмутился Владимир. – Вам, Александр Сергеевич, положено сегодня быть героем праздника.

Саша неохотно перелез назад.

– А что ж тогда не в карете меня везёте? – спросил он, всё более ощущая себя барашком на заклание.

– В карете Федота Ивановича едут цветы для невесты и подарки всем Гончаровым, – через плечо бросил Соколовский.

И правда, как только въехали во двор, Попов торжественно выгрузил на руки подоспевшим девушкам целую охапку мелких белых цветов.

– Что это? – моргая, спросила Таня.

– Это ветреница, – пояснил Федот. – Для невесты.

– Фу, Федот Иванович, – сморщилась Лиза. – Сами вы

ветреник! А это – анемоны. Несите их наверх, Татьяна.

– Я-то? – ухмыльнулся Попов. – Да только у нас всегда так звали эти лесные цветочки. Вот, возьмите, Лизавета Игнатьевна, у меня ещё подарков полный воз от жениха, а то он у нас скромный такой да благочинный, сам наперёд не навязывается.

Пушкин задохнулся от возмущения, но позволил Федоту и дальше балагурить, развлекая Лизу и Митю. Сам он ждал выхода невесты и ни о чём другом думать не мог. Наконец Натали появилась на крыльце. В бело-голубом, как снег, платье с закрытыми кружевом плечами, но подчёркивающим тонкую талию. С венком из анемонов поверх длинной прозрачной вуали, прикрывающей туго завитые локоны. С сияющими глазами цвета сладкого крыжовника, в омут которых Саша упал, как только коснулся их взглядом.

Дальше было как в тумане. Гнали в церковь – невеста в карете, изнаывающий Александр в коляске. Полумрак храма после яркого солнечного дня, только свет горящих свечей скоплениями звёзд. Обряд обручения под пение хора. Сопение в затылок крепко удерживающего венец Федота. Три круга вокруг аналая, три глотка вина из чаши, поднесённой священником в белых одеждах, и его трижды нараспев «Господи Боже, славою и честью венчай их». И наконец целомудренный поцелуй под разгонный звон колоколов.

Поздравлять молодых первым подбежал Дмитрий. Смахая слёзы с глаз, он крепко обнял друга и сестру пооче-

редно, а потом обоих сразу.

– Я так рад, так рад! – повторял он.

Лиза скромно стояла на женской стороне, затем подошла тоже вместе с Верой. Навстречу им, одновременно, приблизились Семён Зеленцов и Иван Асташев. Создалось небольшое столпотворение, к которому присоединились и шаферы, освобождённые от венцов. Священник неодобрительно шикнул на них, после чего все дружно и без особой торжественности вывалили на улицу. Почти летний вечер был тёплым. Солнце ещё высоко висело над рекой, но уже подёрнулось розовой дымкой. Саша обнял Натали за талию и, показав на закат, сказал на ушко, щекоча себе локоном нос:

– Смотри, ангел мой, в той стороне наш дом! К ночи мы будем там.

Таша порозовела в тон небу.

К молодым снова подошёл Асташев.

– Примите мои искренние поздравления и пожелания счастья! – с поклоном произнёс он. – Прежде чем вы поедете на свадебный ужин, я должен вас пригласить к губернатору для краткого визита. Здесь недалеко, да вы знаете этот дом. – Иван лукаво улыбнулся, обернувшись к Гончаровым, которые тоже слушали его. – Это флигель Анны Григорьевны Шумиловой, золовки Веры Игнатьевны.

– Где мы жили! – воскликнула Лиза.

– Да, – кивнул Асташев, указывая на окна длинного фасада, выходящего на Благовещенский переулок.

Не пожелав рассаживаться в экипажи, пешком двинулись к Ковалевскому. Оставив гостей во дворе усадьбы, Пушкины вошли в дом. Евграф Петрович ожидал их в гостиной.

– Надеюсь, вы меня простите за вторжение в вашу свадебную церемонию, – сказал он, встав для приветствия, – но я хочу сделать вам, Александр Сергеевич, личный подарок. Я уверен, что Наталье Николаевне тоже будет приятно, ведь теперь вы одна семья. – Пушкин весь обратился во слух. – Я подал ходатайство и получил разрешение печатать ваши стихи в типографии губернского управления. Через цензуру Третьего отделения, разумеется, но тем не менее. Здесь уже был опыт печати художественных изданий. Например, Илличевский Алексей Демьянович в двадцатом году опубликовал в нашей типографии «Кант на возвращение в Томск Его Превосходительства Сибирского генерал-губернатора и кавалера Михайлы Михайловича Сперанского».

– Илличевский? – невольно переспросил Саша. – Я не знал. Примите мою безмерную благодарность за ваше участие и покровительство, – прижав руки к груди, искренне сказал он. – Постараюсь оправдать ваше доверие и отправлять в печать только то, что безусловно пропустит любая цензура.

– На слишком большие тиражи не рассчитывайте, – сухо сказал Ковалевский, хотя глаза его улыбались. – Но в библиотеке ваши книги будут. И томичи будут их читать!

Ещё раз поблагодарив губернатора и откланявшись, мо-

лодые вышли во двор. Пушкину хотелось смеяться от радости. Асташев и Зеленцов с хитрыми лицами подошли к нему.

– Ну как, довольны вы, Александр Сергеевич? – спросил Иван.

– Неужто это вы постарались? – удивился Саша.

– Ну немного поспособствовали, да, чтобы Евграф Петрович сам всё решил, – скромно сказал Семён Григорьевич.

Пушкин счастливо расхохотался. Таша, глядя на него, улыбалась слегка смущённо. Заметив её взгляд, он подхватил Натали и закружил от избытка чувств.

– Ох и заживём мы, жёнка!

После было катание по городу и свадебный ужин у Гончаровых, приготовленный новой Лизиной кухаркой Анисьей. Уже в поздних майских сумерках проводили Асташева и Зеленцовых.

Пушкин приобнял Наташу.

– А теперь – домой!

Ехали в трёх экипажах. Федот вёз молодых, Рустэм правил повозкой, в которой разместились Таня, Параша и сундуки с вещами. Митя и Лиза проводили Александра и Натали до парома. Обещав назавтра приехать в гости и расцеловав на прощанье, они повернули домой, а Пушкины продолжили свой путь при свете звёзд, загоравшихся на бледном закатном небе. У ног Таши возился и тявкал щенок Ласки, рыжеватый Вулкан, подарок брата. Молодая жена прижималась к Александру всякий раз, как в темноте леса хрустела

какая-нибудь ветка или вспархивала ночная птица. Саша обнимал её за плечи, зарывался пальцами в локоны, всё ещё прикрытые фатой, целовал в кружева платья на плече, будто успокаивая, но на самом деле всё больше смущая Ташу.

Вывернув из леса к реке, Попов от неожиданности осадил лошадей – вся деревня вдали сияла огнями.

– Там не пожар ли? – тревожно оглянулся он.

Рустэм, привстав, махнул рукой:

– Всё в порядке, Федот Иванович, нас ждут. Гони, на свадьбе положено ехать быстро!

Свадебный кортеж ворвался в деревню под ружейные выстрелы. Казалось, половина Юрт с факелами вышла встречать молодых. У широко раскрытых ворот горел невысокий костёр.

– Езжай! – крикнул сзади Рустэм, и Попов смело направил лошадей через огонь, резко остановив их во дворе. Коляска встала сзади, почти загородив проезд.

Пушкин вышел из кареты и подал руку Натали. Возле входа в дом прямо на земле лежал ковёр, дверная ручка была перевязана лентой. Рядом стояла Малика и ещё несколько девочек.

– Александр Сергеевич, так просто вам не пройти! Дверь заперта!

– А, вы хотите подарков! – догадался Саша, стремящийся как можно скорее попасть за эту дверь и запереть её изнутри. Девочки с важным видом покивали головами. – Федот, у нас

осталось что-нибудь?

– Для девок? – Попов развёл руками.

– Подождите! – сказала Наташа и повернулась к своим сундукам. Но в коляске на них уже сидел упитанный младенец лет пяти, кажется, это был младший Сулейманов.

– По-видимому, нас окружили, – пробормотал Пушкин и полез в кошелёк за мелкими монетами.

Сундук тут же открылся, довольный мальчишка перелез на руки к Тане, а Таша вытащила откуда-то из своих шкатулок нитку дешёвых бус и надела на шею Малике. Остальным девочкам Саша вручил по монетке, и дверь таким образом отворилась. За ней обнаружилась мать Рустэма.

– Добро пожаловать домой! – сказала она, широко улыбаясь. – Поздравляю с женитьбой! А чтобы ваша жизнь была сладкой да гладкой, в любви да дружбе, буду угощать вас мёдом и маслом.

Татарка поднесла молодым большую деревянную ложку с приторной смесью и ковш молока, чтобы запить эту ритуальную пищу. Пушкин покосился на жену, опасаясь, как то она примет это соседское самоуправство. Натали проглотила всё, не поморщившись, как святое причастие, и глядела на происходящее с любопытством. Девочки затянули песню на своём языке и обсыпали молодых зерном, которое запуталось у Саши в волосах, а у Таши, скользя по фате, упало на ковёр. Малика выпустила мать из дома, а сама с подружкой растянула поперёк двери отрез лёгкой белой ткани.

– Что, опять выкуп? – утомлённо спросил Пушкин.

– Нет-нет, – замотала головой Малика. – Пусть ваша жена разорвёт ткань и войдёт в дом как хозяйка.

Натали неуверенно обернулась на мужа. Александр чуть заметно кивнул, тогда она смело шагнула к порогу и потянула полотно двумя руками. Раздался треск – и путь был наконец свободен. Под дружные крики и пожелания счастья Пушкины скрылись в своём обиталище.

Саша проснулся, как всегда, рано. Его молодая жена ещё спала, как ребёнок, подложив ладонь под щёку. Раскрутившиеся локоны рассыпались по подушке, шпильки из причёски валялись на полу. Там же лежала одежда, отброшенная вчера в пылу страсти. Пушкин поднял увядший веночек, покрутил в руках. Анемоны утратили свою форму и белизну, лепестки стали мягкими и прозрачными, но он всё же встал с кровати и переложил цветы на трюмо. Тут его внимание привлек шум со двора. Саша выглянул в окно и от удивления присвистнул: Ильнури топил его баню. Таша зашевелилась на постели. Сладко потянувшись, она открыла глаза, увидела мужа и тут же в ужасе натянула одеяло до самого носа, чтобы спрятать обнажённые руки и плечи. Александр, стараясь не выдать смеха, наблюдал, как в ее глазах проносятся воспоминания минувшей ночи, а щёки розовеют. Он с трудом удерживался от продолжения, пожирая её взглядом.

– Что там происходит? – спросила Наташа смущённо, что-

бы отвлечь его от порочных мыслей.

– Сам не знаю, душа моя, – развёл руками Пушкин. – Кажется, у нас снова гости. Ты лежи, я схожу, посмотрю.

– Пришли мне Парашу! – попросила Натали. – Я хоть оденусь.

Горничная нашлась на кухне. Вместе с Таней они накрывали стол к завтраку. В пороге стояли сундуки.

– Мы не решились вас вчера тревожить, – пояснила Прасковья, поднимая тяжёлую крышку одного из них. – Сегодня попросим кого-нибудь перенести вещи Натальи Николаевны в вашу спальню.

Пушкин согласно хмыкнул и поспешил во двор. Ильнури с Рустэмом сидели на завалинке около бани и о чём-то негромко переговаривались. При виде Саши они оба встали.

– Доброе утро, Александр! Поздравляем тебя, теперь ты вырос, стал женатым человеком!

– И вам того желаю, – засмеялся Пушкин. – А что вы здесь делаете?

– Баню топим, – ответил Ильнури, – чтобы вы могли совершить омовение после первой ночи.

– Отличная идея! – согласился Саша, почесав щёку. – Сам я с утра предпочитаю ледяную ванну, но, боюсь, Наталья Николаевна привыкла к более тёплой воде.

– Омовение – это ритуал, – пояснил Рустэм. – Вам нужно вдвоём облиться водой из одной шайки, а потом вдвоём

выйти. Чистую нарядную одежду вам принесут в дом и помогут одеться.

Натали в утреннем платье, с убранными по-простонародному в две косы волосами, вышла во двор. Она неуверенно подошла к Александру и заглянула ему в лицо.

– Мне сказали, что от нас требуется выполнить какой-то татарский обряд. Это обязательно?

Саша с удовольствием оглядел свою жену. Несмотря на бессонную ночь, она выглядела свежо и живо.

– Наши добрые соседи хотят, чтобы ты, моя красавица, стала частью их дружной общины, поэтому, если и ты этого желаешь, то стоит подчиниться обычаям.

Таша вздохнула.

– Надеюсь, нам не нужны свидетели?

Пушкин вопросительно посмотрел на Ильнури. Тот серьёзно кивнул:

– Мы будем ждать вас здесь.

Саша растворил дверь, из которой пахло теплом, и, взяв Натали за руку, вошёл баню. В полумраке из запотевшего окошка пробивались косые солнечные лучи. На лавке в предбаннике лежали аккуратно свёрнутые татарские халаты. Пушкин разулся, скинул рубашку и приотворил дверь в парную. Таша застыла на пороге, глядя широко раскрытыми глазами. Саша повернулся к ней.

– Тебе помочь, душа моя?

Она не ответила, и Александр, встав сзади, начал расстё-

гивать мелкие пуговики у неё на спине. Потом, распустив пояс платья, скользнул руками по плечам, сбрасывая рукава, а затем и весь туалет вниз, в ноги. Обхватив Натали, оставшуюся в одной нижней рубашке, за талию, он развернул её к себе и, едва сдерживаясь, начал целовать её лицо – губы, щёки, бисеринки пота, выступившие на висках. Таша неожиданно вывернулась, переступила через платье и скрылась в парной. Саша разочарованно поскрёб бакенбарду и двинулся следом. Наташа уже наливала воду ковшом в шайку.

– Ты не сердись, – не поднимая глаз, сказала она. – Мы же здесь для омовения. И нас ждут.

– Да, – выдохнул Александр, помогая ей поднять тяжёлую посудину. – Готова? – и на головы им рухнули освежающие потоки.

Когда Пушкины, в ярких халатах прямо поверх мокрого белья, вышли во двор, жмурясь от солнца, их встречала целая делегация во главе с Сулеймановыми. Две старшие девочки несли груды одежды, на одной возвышалась женская корона с меховой оторочкой, чем-то похожая на шапку Мономаха, а на второй тубетейка. Саша не удержался и прыснул, догадавшись, что это их будущие свадебные наряды. Таша вопросительно посмотрела на него, но ничего не сказала. Она вообще была удивительно серьёзна сегодня. Пушкин сжал её ладонь. Снова последовали поздравления и наставления, затем молодых проводили одеваться в разные поло-

вины дома. Наталью девушки увели в свою, кухонную часть, а Александр удалился в спальню. Вслед за ним зашёл Ильнури.

– На правах старого друга помогу тебе облачаться, не против?

– Буду рад, конечно!

Вопреки обещанию, Ильнури неуверенно присел на оттоманку и задумчиво огляделся по сторонам.

– Довольна жена твоя? – он кивнул на убранство.

Саша пожал плечами, перебирая вещи. Здесь были широкие штаны, синий расшитый камзол, свободная рубаша, длинный разноцветный пояс и тюбетейка.

– А ты – доволен женой?

Пушкин счастливо улыбнулся.

– Ещё бы! Мне кажется, что я переродился – ничего более не желаю! А почему ты не женишься? Рустэм вот собирается, – Саша хихикнул.

– Он уж рассказал, – закатил глаза Ильнури. – А я... То же женюсь. По сговору. Отец нашёл мне невесту в Тахтамышевских Юртах, дальняя родственница сестры, по мужу. Вот дострою дом и зашлю сватов. Хотя не знаю уж, зачем мне это? Я весь мыслями в своих лошадях и извозчиках.

– Вот и Попов так же считает, – отозвался Пушкин. – Только его женить некому. Да не унывай ты! С Митей поговори, вот кто счастливее всех – наследника ждёт!

Ильнури провёл рукой по лицу, словно смахнув раздумье.

– Ну что ж, давай одеваться, – сказал он почти весело. – Негоже будет, если невеста вперёд тебя соберётся!

Облачившись без особенных трудов и посмеявшись над своим видом в тюбетейке поверх кудрей, Александр уже собрался было идти, но Ильнури остановил его:

– А пояс забыл!

Пушкин поднял разноцветную широкую полосу, перехватил и потянул снова – пояс всё не кончался.

– Чего ж он длинный такой?

Татарин засмеялся:

– А это чтобы невесту испытать! – Он сам обмотал кушак вокруг Сашиной талии на несколько раз, хитрым образом запрятал концы внутрь. – Ночью будет вам чем заняться – если жена тебе досталась умная, она быстро сообразит, как развязать, ну а если не очень...

– Сам справлюсь, – буркнул Пушкин, совершенно не представляя себе Натали в этой роли.

– Но у вас же брак по любви? – вдруг снова посерьёзнев, спросил Ильнури.

Саша вспомнил прошедшую ночь и уверенно ответил:

– По любви.

Ярко-синее татарское платье с жилетом удивительно подходило белокожей Натали, оттеняя её красоту. На руках звенели широкие браслеты, а грудь закрывало монисто. Волосы снова спрятались под фатой, сверху возвышалась шапка с

меховым околышем. За кухонным столом сидел старый мулла и, довольно улыбаясь, кивал головой, глядя, как Таша наливает чай ему и мужу.

– Как хорошо, Александр Сергеевич, что вы привели в наши Юрты такую прекрасную жену – учтивую да пригожую. Если бы вы разделяли мою веру в Аллаха, я должен был бы провести сейчас обряд бракосочетания, но так как венчание в православном храме уже состоялось, могу лишь пожелать вам счастья и деток побольше, на радость всем нам.

Натали смущённо порозовела, и Саша притянул её к себе на лавку.

Ахмедулла хазрат раскрыл прямо на скатерти большую книгу, достал дорожную чернильницу и, низко склонившись, записал имена новобрачных.

– Теперь вы – обитатели нашей деревни. Старейшины принимают вас. Пойдёмте же отпразднуем это событие.

Собрав свои вещи, мулла вышел.

Таша вздохнула и прижалась к мужу:

– Давай посидим в тишине. Я немного устала.

– Тишины будет сколько угодно – завтра, – пообещал Александр, целуя её руки. – Потерпи, мой ангел, скоро придут твой брат с женой и Федот.

Со двора донеслась музыка. Звуки скрипки из открытого окна перекрыл голос Попова:

– Да у них тут всю веселье! А где же молодые?

– Вставай! Скорее! – подскочил Пушкин. – Гости на по-

роге!

Он схватил Натали за руку и потащил её наружу. В сенях Таша вырвала ладонь и, глядя слегка обиженно, церемонно вышла за ним следом. Саша уже обнимался с друзьями.

– Как всё прошло? – вполголоса спросил Федот, подмигивая.

– Лиза, пойдём поприветствуем Наташу! – преувеличенно оживлённо сказал Митя жене, осуждающе зыркнув на Попова.

– Великолепно! – ответил Александр. – Утром нас встретили татары, мы уже сходили в баню, а теперь, как я вижу, время идёт к обеду. Так что вы как раз вовремя.

В ворота вереницей вплыли девушки в ярких платьях и под приветственную песню увлекли всех на поляну у реки, где уже приготовили низкие столы со всевозможной снедью: один стол для девушек, другой для парней. Вдоль них на траве лежали расстеленные дорожки для сидения. Для молодых накрыли отдельно под кружевным пологом. Старики праздновали в доме у Сулеймановых, как пояснил Александру Ильнури. Федот с удовольствием присоединился к татарской молодёжи и с аппетитом поглощал пельмени и плов, запивая их бузой и игриво поглядывая на красавиц по соседству. Гончаров же ревниво выкрал Лизу из-за девичьего стола и подсел с ней к Пушкиным. Здесь тоже хватало угощения: пироги с мясом, рыбой, с ягодами, баурсаки с кедровыми орехами и другая татарская выпечка. Алкоголя, правда,

не было – только шербет и молоко. Митя налил сладкого тёмно-красного напитка и прижал покрепче к себе жену. Лиза с благодарностью приняла поддержку, потому что с непривычки путалась в платье и теряла равновесие, сидя на ковре. Натали на удивление быстро нашла опору, усевшись, как татарские девушки, спрятав ножки под юбки. Саша поймал её ладонь. Дмитрий проследил взглядом за его движением и расслабленно вздохнул.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь всё в порядке.

– А тебе обязательно нужно, чтобы всё было по правилам? – улыбнулся Александр.

– Конечно, – сделал большие глаза Митя. – Правда, у всех свои традиции, – неохотно признал он, кивнув на поющих вполголоса татарок.

– Ты прожил здесь почти пять лет и только сейчас смирился с этим? – поднял бровь Пушкин.

– Именно сейчас, – подчеркнул Гончаров. – У меня дом в Томске, прииски на Берикуле, жена-сибирячка, и через полгода я совсем пушу корни в Сибири. Приходится привыкать. Тебе всегда проще удаётся вписываться в любое общество. Я даже удивляюсь, что ты не женился на какой-нибудь татарке, а предпочёл мою сестру.

Александр отвёл взгляд, посмотрел на Натали. Та сидела с мечтательным видом и слушала, казалось, не разговор, а звуки музыки с поляны. Саша погладил Ташины пальцы, и она подняла на него глаза. Залюбовавшись, Пушкин облиз-

нул губы. Лиза заметила и засмеялась:

– Что, сладок вкус любви, Александр Сергеевич? Как мёд?

– Как варенье, – улыбнулся Пушкин.

– Дмитрий Николаевич, – раздался девичий голосок, – вам угощение!

Гончаров, встав, приподнял край полога. Перед ним стояла Малика с блюдом чак-чака в руках, рядом с ней – ещё девушки, одна с ножом, другая с пустой глубокой тарелкой.

– Почему мне? – удивился Митя.

– Вы же старший родственник невесты! Вам и разрезать чак-чак, и раздавать его. Но сначала нужно нож обернуть, вот так, – девушка с ножом провела пальцами вокруг рукояти.

– Чем обернуть? – не понял Гончаров.

– Ассигнациями, Митя! – со смехом сказал Саша, который догадался быстрее.

Малика закивала головой. Дмитрий посопел, но извлёк пару бумажек из кошелька и, намотав их на нож и прижав ладонью, быстро разрезал лакомство на части, как торт. Первые куски угощения достались молодым, остальное разнесли гостям. Девушка с тарелкой, напевая какую-то татарскую песню, также пошла вдоль столов, собирая деньги за каждый кусочек. Наполнив сосуд, она поднесла его Пушкину с поклоном.

– Это подарок от эуштинцев, – сказала татарка на ломаном русском.

Александр прижал руки к груди в знак благодарности.

После были ещё песни и танцы под скрипку и ятаган – похожий на гусли татарский инструмент, но Пушкины уже отправились к себе домой. Их проводили до ворот.

Распрощавшись с друзьями, Саша вдруг вспомнил, что у него сегодня день рожденья. Во всей суете он как-то позабыл об этом. Ему исполнилось тридцать два года, он был женат на самой красивой и умной девушке, которую привёл в свой дом, купленный на честно заработанные деньги. Его стихи, написанные здесь, среди сибирских лесов и полей, увидят свет, как и его дети, рождённые в мире и любви.

Счастливо рассмеявшись, Александр вошёл в комнату вслед за женой и плотно закрыл за собой дверь.

Эпилог

«Она упала на пол – изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалились маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время».

(Р. Брэдбери «И грянул гром»)

В марте 1846 года Дмитрия Николаевича Гончарова, известного томского золотопромышленника и уважаемого мецената, неожиданно вызвали в полицейское управление. Запылённый с дороги жандарм, вежливо поздоровавшись, отдал ему пакет, скреплённый личной печатью графа Алексея Орлова, нового начальника Третьего отделения.

– Приказано передать вам... – Он замаялся, но всё же добавил, глядя на высоко поднятый подбородок и разворот плеч Гончарова: – Ваше благородие.

Митя, волнуясь, тут же вскрыл пакет. На гербовой бумаге аккуратным почерком было написано:

«В связи с тем, что срок вашего наказания, а именно – двадцатилетней ссылки на поселение в Сибири, подходит к концу, спешу вас уведомить, что, с милостивого согласия го-

сударя императора нашего, с июля текущего года вы имеете право вернуться в Россию. Единственное ваше ограничение будет состоять в невозможности въезда в столицы и проживания там. С надеждой на ваше благоразумие, генерал Орлов».

«Ура!» – прошептал Гончаров под бдительным взглядом офицера, а вслух чопорно произнёс:

– Весьма признателен, ваше высокоблагородие, за добрую весть. Неужели вы преодолели такое расстояние лишь для того, чтобы порадовать меня?

– Нет, – хмыкнул жандарм. – Я привёз вам смену. На поселение, – и он вышел, не попрощавшись.

Дмитрий же поспешил к жене. Теперь Гончаровы жили на Почтамтской улице, в огромном особняке, более подходившем их увеличившейся за эти годы семье, чем прежний домик, – у Лизы и Мити было пятеро детей. За домом располагался сад с беседкой и прудом, питаемым родниками, впрочем, в это время года довольно унылый. Напротив обосновался Асташев, его двухэтажный дом с колоннами не уступал жилищу Гончаровых. Иван Дмитриевич жил на широкую ногу и планировал со временем построить в усадьбе и флигель, и сад с оранжереей, а рядом – кафедральный собор. Впрочем, собор предполагался для общественного пользования. Асташев был счастливо женат, и хотя супруга держала его довольно строго, они дополняли друг друга как в семейной, так и в деловой жизни. Сын у них родился всего

один, что давало Александре Асташевой большую свободу действий, чем её близкой приятельнице Лизе Гончаровой. С подачи своей Сашиньки, Иван Дмитриевич выстроил детский приют, и она там охотно занималась с ребяташками, а когда в прошлом году здание сгорело, Александра Павловна разместила десяток детей в своём собственном доме и заботилась о них, пока муж добывал золото на новый приют и прочую благотворительность. Асташев давно уже оставил государственную службу ради «золотой лихорадки», охватившей всю Томскую губернию. Форту перед другими искателями удачи на этом поприще ему давала старая дружба с Поповыми, а также сорок тысяч рублей, которые щедрый Федот подарил ему на начало золотопромышленной карьеры. Иван Дмитриевич нашёл новых партнёров и стал во главе собственной компании вместе с купцом Рязановым. Император Николай за личные трудовые заслуги Асташева даже пожаловал ему перстень с бриллиантом, а четыре года назад – и диплом на потомственное дворянство. В общем, Иван Дмитриевич жил прекрасно.

Жену Гончаров нашёл в библиотеке – она занималась со старшими девочками. Первенцу, Мите, шёл пятнадцатый год, и он посещал губернскую гимназию, а дочерей приходилось обучать дома – женская гимназия, заложенная на деньги Первой золотопромышленной компании, ещё строилась.

– Лиза! – неуверенно позвал Дмитрий. Суровый делец

тридцати семи лет, жёсткий с подрядчиками и конкурентами, с женой был так же мягок и нежен, как в первые годы брака. Елизавета Игнатьевна выпрямилась и потёрла пальцы, испачканные чернилами. С возрастом она слегка пополнила, но чёрные глаза сияли так же живо.

– Лиза! Можно тебя отвлечь на минутку?

– Да, разумеется, – она подошла к мужу.

– Лиза, ты бы хотела жить в Калужской губернии? Помнишь, я тебе рассказывал про Полотняный Завод? Там сейчас Иван управляется, но, я уверен, он будет рад нас видеть. Имение просто огромное, гораздо больше этого нашего дома, все смогут разместиться, – Дмитрий уже мысленно перенёсся в места своего детства, и на губах его заиграла мечтательная улыбка.

– Митя! Дмитрий Николаевич! Ты объясни всё толком! – воскликнула Лиза.

Гончаров, от волнения не в силах подобрать слова, протянул жене письмо. Она выхватила бумагу и, пробежав текст взглядом, бросилась мужу на шею.

– Да! Да! Конечно, едем! – Казалось, она была готова собираться прямо сейчас. – Я так рада за тебя!

– Я тоже рад за нас! – Митя гладил жену по волосам и улыбался.

Из-за стола на родителей большими тёмными глазами смотрели две девочки, не привыкшие к проявлению нежностей при них.

Не в силах держать в себе такую новость, в тот же день Дмитрий отправился к Пушкиным. С одной стороны, ему казалось неловким уезжать в Россию без друга, но ведь Сашина ссылка была бессрочной. С другой стороны, они с Лизой уже придумали, чем порадовать остающихся.

Пушкины тоже расширили своё жилище: к небольшому домику добавилось множество пристроек, от чего он стал похож на дворец из детской игры. Гончаровы никак не могли взять в толк, почему Александр не купит себе дом в Томске. Дмитрий предлагал ему свой, на Монастырской улице, но Пушкин отказался под предлогом того, что не хочет уезжать из деревни. Старшей его дочери тогда было едва десять лет, а младшего, седьмого ребёнка, Таша носила под сердцем. Дети днями пропадали на улице, бегая босиком с татарскими ребятишками и не зная условностей жизни в большом городе. Саша писал постоянно, находя уединение в летнем кабинете или, зимой, ночами, пока все спят. Благо, Ковалевский сдержал своё слово, и Пушкина исправно печатали, пополняя его книгами библиотеки томичей, а кое-что и отсылая в столицы. Власти не чинили препятствий, хотя сменилось уже три губернатора и с каждым приходилось договариваться отдельно, но теперь поэта все знали, а общественность требовала новых изданий.

С трудом доехав по мартовской распутице до Эуштинских Юрт, Гончаров оставил дрожки на улице и вошёл в знакомый

двор. Саша увидел его из окна и выскочил навстречу.

– Какими судьбами? Ты для души или для дела? Сезон начался, я готов работать. Всё равно весной мне не пишется.

– Это хорошо, что готов, – засмеялся Дмитрий, пожимая его руку. – Потому что у меня к тебе деловое предложение.

– Так с порога в нашей татарской деревне не принято, – ухмыльнулся Пушкин. – Пойдём в дом, выпьем чаю.

Кухня располагалась на прежнем месте. На столе были видны следы недавнего чаепития – неубранные чашки, небрежно накрытые полотенцем лакомства. Зато самовар ещё не остыл. Александр сам сгрёб всё лишнее со скатерти, налил чаю в чистую посуду.

– А где Таша?

– Они с Парашей увели детей отдыхать после обеда. Возможно, позже она освободится. Так ты ко мне или к ней?

– Я к вам обоим. – Митя помялся, потянулся за пирожком. Заготовленные слова вылетели у него из головы.

– А как же деловое предложение?

– Точно. Давай с этого и начнём. Саша, тебе нужно переезжать в Томск. Этим сезоном будешь руководить ты.

Пушкин аж выронил из руки ложечку.

– А ты?

– А я на днях подпишу передачу своей доли в компании тебе. Двадцать лет мои истекают.

– Двадцать лет? Какие двадцать лет? – не сразу понял Александр. Потом догадался и помрачнел. Посидел с мину-

ту молча. Затем сказал: – Прости, Митя, я радоваться за тебя должен. Уедешь?

– Уеду. В июле. Вам оставляю дом и сад. Всё оставляю. Мы с Лизой так решили. Тебе всё равно в город пора перебраться – Сашке двенадцать лет, Гришке скоро одиннадцать. Мальчишкам учиться надо, а ты в деревне их держишь. И гувернёров у тебя нет, одна Прасковья на всех.

– Таша сама занимается...

– Ну вот и освободишь Натали. Ей и малышей хватит. К осени, Бог даст, и Машу в женскую гимназию отдадите. И тебе из города дела вести сподручнее будет.

Пушкин задумчиво пожевал губу.

– Федот знает?

– Нет, я тебе первому.

– Надо с ним это всё решать. Возможно, он захочет часть доли у тебя выкупить. Соглашайся, тебе деньги в России понадобятся, у тебя же тоже жена и дети. И за дом я рассчитуюсь – есть кое-что в запасе. Не знаю только, что скажет Таша.

Натали, увидев брата и узнав новости, расплакалась, как девчонка.

– Я так рада за тебя! – яростно утирая слёзы, твердила она. – Встретишься со всеми, с маминькой, с отцом, с Александриной. Катя мне писала недавно, я тебе не рассказывала? – Ещё пару раз всхлипнув и немного успокоившись, Таша продолжила: – Она ждёт второго ребёнка от Петра Петровича. Ну то есть пятого. Или, если считать племянников

второго мужа, то уже восьмого.

– Так, жёнка, стой, – прервал её Пушкин, – я запутался. Твоя сестра второй раз замужем? Я как-то пропустил.

Митя закивал головой:

– Да, с её первым мужем, капитаном Егором Дантесом, четыре года назад произошёл несчастный случай, слава Богу.

– Он был такой ужасный человек? – усмехнулся Саша.

– Ну уж не ужасный, – вступилась Натали, – так нехорошо говорить, Митуш.

– Такой или не такой, но несчастье случилось с ним, когда он пытался сбежать в Вену со своим любовником, бароном Геккерном, – скривился Гончаров. – Лошадь на дороге понесла и затоптала его насмерть. И Катерина осталась честной вдовой.

Наташа поджала губы и насупилась. Александр посмотрел на неё весело:

– А откуда взялся второй муж?

– Ваня их познакомил, – неохотно отозвалась Натали. – Петр Петрович влюбился в неё заочно, так Иван увлекательно рассказывал, какая у него сестра умница да красавица.

– Это прекрасная история! – восхитился Пушкин. – Но вы, конечно, не позволите мне воспеть её в стихах?

Брат с сестрой единодушно замахали на него руками.

– Я так и знал. Ну что ж. Ангел мой, так как, ты готова летом переехать из этих чудных мест в большой губернский город Томск? У нас там будет огромный дом и великолепный

сад, где ты сможешь сажать своих цветов столько, сколько твоей душе угодно.

Натали оглядела давно ставшую тесной для её семейства кухню.

– Конечно, готова, – ответила она. – А если ты устанешь от городского шума, то сможешь приезжать сюда один и писать в тишине.

Попов принял новость стоически. Они с Дмитрием сидели в деловой части дома Гончаровых, где располагалась контора для приёма посетителей. При планировании проекта архитектор нарочно сделал два парадных входа с улицы, чтобы не нарушать жизнь семьи посторонними визитами.

Андрей Яковлевич, скончавшийся в Петербурге в 1833 году, передал перед смертью долю в компании одному лишь Федоту, в обход других своих племянников, которым завещал всё прочее имущество, чтобы не дробить капитал. А так как Александр был не всегда доступен по эту сторону Томи, то ведение всех дел свалилось на Гончарова.

– Что Пушкиных сюда переехать уговорил – молодец. Я уже стар лишнюю дюжину вёрст к ним мотаться каждый раз. Самому-то не жалко всё бросать? Два миллиона прибыли в год! Сейчас выйдешь из компании, а дальше на что жить будешь? Оставь себе хоть немного дел, станешь нашим посредником в столицах.

– Не могу, Федот Иванович. Понимаешь, путь в столицы

мне заказан. Я в Калужской губернии намерен обосноваться, в дедовом поместье. На то и буду жить.

Попов поморщился скептически.

– Ладно. Благо, ездить за деньгами в Петербург теперь нет надобности, Сибирский банк построили. За этот сезон я тебе заплачу авансом. Двести тысяч на переезд хватит. Ты не транжира, справишься. Эх, крестников моих увезёшь незнамо куда, – вдруг вздохнул он горестно. – Хорошо, хоть Пушкины поближе будут и Машка моя. Я тогда, в тридцать втором, из-за неё даже с поисковой экспедицией на Кию не поехал, так ждал, как родную – Наталья на сносях была. Эти олухи без меня ничего не нашли. Зато Машу я покрестил.

– Что ж ты, Федот Иванович, своими детьми не обзавёлся? Сейчас бы уже внуков нянчил.

– Да ладно, поздно локти кусать. Мне твоих да Сашкиных хватит, крестников. Им и наследство оставлю, когда помру. Степан всё равно там в своих степях заводы плавильные строит, да и винокуренные ему дядька Андрей отписал, не бедствует. – Попов помолчал. – Слушай, я тебя про другое сейчас спрошу. Как думаешь, вот ты бы где хотел жить – возле Благовещенского собора, но в одной комнате с незнакомым тебе хозяином или в мансарде в «Отрадном уголке»?

– А что, кто-то ещё в Томск переехал? – без особого интереса спросил Гончаров.

– Да друг мой давний, Гаврила Батеньков. Мы с ним на Басандайке четверть века назад гулять любили, ему тоже нра-

вилось это место. А потом уже я там дом выстроил... Решено! Предложу ему поселиться у меня. Кстати же, он, как ты когда-то, к нам напрямиком из крепости, на поселение. – Федот тяжело вздохнул. – Двадцать лет в одиночной камере! Надеюсь, он не сошёл с ума.

– На поселение! – воскликнул Митя. – Так вот кого привёз тот жандарм, что мне пакет передал.

– А? Да, наверное. Ладно, пойду я, нужно распорядиться, чтоб завтра же забрать Гаврилу из гостиницы. И к Пушкиным надо съездить, а то переправу вот-вот закроют.

Когда река прошла и перевозки возобновились, первой почтой прибыло письмо от Ивана Гончарова. Митин брат надеялся, что Дмитрий не просто поселится в Полотняном Заводе, но и возьмёт на себя управление имением. Иван честно предупредил, что дед после смерти оставил кучу долгов, тем не менее рассчитывал, что Митя выделит ему содержание из общего наследства, потому что сам мечтал вернуться в полк.

Гончаровы понемногу собирали вещи. Часть добра отправили вперёд с верными слугами, чтобы потом семьёй ехать налегке. Путь предстоял неблизкий. И хотя по Томи уже ходили грузовые пароходы до Тюмени, путешествовать приходилось по-старинке, в каретах.

В конце июня, когда дороги просохли окончательно, Гончаровы отправились в дальний путь. Прощались со слезами и обещаниями постоянно писать и – чем чёрт не шутит – ко-

гда-нибудь приехать в гости. Проводив друзей до поворота на Чёрную речку, Пушкины вернулись в Юрты собирать вещи. Натали до последнего момента откладывала это, чтобы не сглазить отъезд брата, но сейчас очень быстро справилась с задачей, и уже до конца недели переезд в город состоялся. Лиза оставила почти всех наёмных слуг, договорившись, что они станут служить дому и при других хозяевах. Прасковья, так и не вышедшая замуж, ходила за малышами Натали и Александра. А Татьяна, счастливо живущая с Рустэмом, воспитывала своих восьмерых и никуда из Эуштинских Юрт уже не собиралась. Братья Сулеймановы жили одной усадьбой, выстроив за общей оградой два больших дома и конюшню не меньше, чем у старика-отца – извозничье дело процветало. Александр не прощался со своими татарскими друзьями, нужды компании связали их накрепко.

В городе, по сравнению с Юртами, жизнь кипела. Попов приезжал чуть ли не каждый день, часто не один, и Пушкин быстро оброс новыми приятелями. Так, старый друг Федота, Гавриил Степанович, оказался умнейшим собеседником и светочем науки на фоне большинства золотопромышленников и дельцов, с которыми водил знакомство Попов. Некоторая нелюдимость Батенькова не помешала обоим ссыльным проникнуться друг к другу симпатией и дружескими чувствами. Гавриил Степанович совсем ничего не рассказывал о восстании и о своём последующем заключении, зато с готовностью обсуждал философию и культуру и стал вто-

рым, после Натали, благодарным слушателем стихов Александра. Батеньков часто бывал и у Асташева, пользуясь его библиотекой периодики, которую Иван Дмитриевич специально выписывал из столиц на своё имя. Гавриил Степанович переводил новости иностранной прессы, которую также по его просьбе покупал Асташев, благодаря чему и Пушкин был в курсе международных событий.

С полгода спустя на имя Александра пришло неожиданное письмо, подписанное: «Иван Пуцин, Ялуторовск». Саша чуть не выронил от неожиданности желтоватый конверт. Глупо улыбаясь и недоверчиво моргая, он вышел на улицу. Не надев рукавиц, моментально коченеющими пальцами разорвал бумагу – пробежать в пять минут до дома было невмочь.

«Дорогой мой друг, я недавно получил от Батенькова известие, что ты пребываешь в добром здравии в городе Томске и привечаешь Гавриила Степановича у себя, за что он тебе безмерно благодарен. Не описать, как я был рад услышать это! Никто из нас не знал, где тебя искать и куда писать письма. Бедный Вильгельм немного не дожид до этого дня, он умер летом, оставив жену-сибирячку, двоих детей и всех нас сиротами. Как только выправлю разрешение отправиться на воды Байкала, обязательно заеду к тебе по дороге. Сейчас я проживаю в окружном городе Тобольской губернии. Здесь нас, сосланных из России по известному тебе де-

лу, целая община. Кого-то ты наверняка помнишь. В Ялуторовске – Оболенский, Якушкин, Матвей Муравьёв. В самом Тобольске живут Муравьёв Александр, Анненков, Фонвизины и братья Бобрищевы-Пушкины. Часть наших осталось в Иркутске. Как ты жил всё это время? Батеньков пишет, что дом и сад твой великолепны, жена красавица, а стихи печатаются в местной типографии. Пришли мне, пожалуйста, что-нибудь почитать из нового! И пиши, пиши же! Мне всё интересно про твою жизнь. Любящий тебя, Jeannot».

Саша порывисто прижал к губам и к сердцу дорогое послание, спрятал его под шубу и поспешил домой – рассказать о неожиданной радости Натали.

Встреча с Пушиным состоялась только через полтора года. Иван приехал в конце июля, в самый разгар сибирского лета. Город изнемогал от жары, улицы пересохли. Пушин вошёл в дом с того входа, где была вывеска конторы. Александр полулежал на диване, вчитываясь в недавно привезённый отчёт нового инженера, и не сразу узнал посетителя. Весь пропылённый, от дорожных сапог до усов и поседевших волос, с широким обветренным лицом, он больше походил на старателя, прибывшего с приисков, чем на того образованного молодого человека, которого Саша знал раньше.

– Пушкин? – радостно спросил гость. – Совсем не изменился, и бакенбарды... – он отбросил трость и, прихрамывая, двинулся к Александру.

Тут уже и Саша, больше по голосу, по улыбке, глазам опо-

знал Ивана, подскочил, отбросив бумаги, вскрикнул: «Жанно!» и повис у него на шее.

– Право, ты всё как ребёнок, – засмеялся Пущин, похлопывая Александра по плечу. – Я боялся, что жизнь в ссылке изменит тебя, – он замялся, – как всех нас, а ты прежний. Как живёшь?

– Лучше всех, – отмахнулся Пушкин, провожая друга к дивану. – А ты-то, ты как? Так долго к нам ехал! Я тебя почти четверть века не видел!

– Да вот, нога в пути задержала, месяц провёл в Тобольске, я и теперь-то еду лечиться в Иркутск, на воды – только благодаря этому и отпустили меня в путешествие, – объяснил Иван, усаживаясь. – А как твоё здоровье?

– Спасибо, не жалуясь. В Томске вообще дела с медициной обстоят неплохо, даже больницы есть, да и частные врачи практикуют, так что меня под таким предлогом никуда отсюда не выпустят, – горько усмехнулся Саша.

– А наши болеют все, – поник Пущин, – после крепости да рудников. Хотя в Сибири воздух здоровый, получше, чем в Петербурге.

– Да уж, – согласился Пушкин, – для меня теперь только он и пахнет волей. Смешно, правда? И я не вернусь в столицу, даже если будет такая возможность. Лучше в Сибири быть свободным, чем в Петербурге рабом.

– Крепко ты повздорил с царём? – осторожно спросил Иван, понижая голос, хотя никто не мог их подслушать.

– Да я за вас драться с ним был готов! – фыркнул Александр.

Пуцин ласково улыбнулся, глядя на распалившегося Пушкина.

– У нас ходили разные слухи, но дуэли никто и вообразить не смог бы.

– Я был очень зол, – Саша смущённо опустил взгляд и вновь наткнулся на запылённые сапоги друга. – Ты же с дороги! – спохватился он. – Как раз скоро время обедать. Давай я отведу тебя в комнату переодеться, а потом познакомлю с женой. Наговоримся после!

– Я ещё к Батенькову собирался сегодня, – неуверенно возразил Иван. – Далекое до него отсюда?

– В другую сторону от переправы с десятков вёрст. Да не труди себя, он сам приедет, наверное, завтра. Неужели ты готов прямо сейчас меня покинуть, не посидев, не выпив, как в старые добрые времена?

– Не готов, – признался Пуцин, обняв друга.

После весьма приятного обеда Пушкин, прихватив со стола бутылку вина и тарелку с сыром, увёл друга в свой кабинет, подальше от шумных домочадцев.

– У тебя очаровательные дети и прелестная жена, – сказал Иван, когда друзья расположились в креслах.

– Да, я знаю, – самодовольно отозвался Александр, откупоривая вино. – Она ещё и умница, мой неизменный собе-

седник и друг. А ты не женат? Дети́ми не обзаве́лся?

– Нет, – почему-то смутился Пущин. – Не женат. Девочка при мне живёт с няней, Аннушка, семь лет ей. Дядей кличет. Саша покусал губу.

– Ладно, – сказал он, поднимая бокал. – Давай за нас с тобой, за дружбу через года и расстояние!

Поговорили об общих знакомых, вспомнили старых друзей. Оказалось, что Пущин всё это время вёл активную переписку со всеми, кто только отвечал ему в столицах, даже с директором Лицея.

– Сестра мне присылает множество книг, моя библиотека в Ялуторовске, наверное, беднее твоей, но не намного, мой друг, не намного, – разомлев, хвастался Иван. – И за новостями я слежу. Кстати! – Его взгляд протрезвел, сам Пущин как-то подобрался и сел прямее. – Слышал ты, что в Европе творится? Во Франции революция! В Германии, в Австрии! – он загибал пальцы. – В Риме провозгласили республику! А Венгрия?! Наш царь не может допустить, чтобы венгры стали свободными – тогда и русские захотят. Говорят, вводит войска.

Пущин помрачнел, замолчал.

– А мы здесь сидим, ты это хочешь сказать? – спросил Александр, покачивая ногой.

– Сидим! – воскликнул Иван сердито. – А знаешь ли ты, почему на самом деле здесь сидишь, в чём твоя вина?

Пушкин равнодушно пожал плечами. За столько лет бла-

годенствия эта тема перестала его волновать, хотя в первые годы он на стену лез временами от непонимания происходящего.

– А я тебе расскажу, – заговорщицки пообещал Пушкин. – Вот слушай. После всего этого кошмара на Сенатской площади я отправился к себе домой и, признаться, смиренно ждал ареста. Меня мучала вина за всю ту кровь, что пролили вследствие наших несогласованных действий и ошибок. Когда пятнадцатого рано утром в дверь постучали, я думал – это за мной. Но то явился Горчаков. Весь, как всегда, с иголки, в парике, в очках, но заполошный какой-то. Вытащил бумаги, машет ими и почти кричит: «Где Пушкин? Собирайтесь живее, вас корабль ждёт!» «Какой Пушкин? Какой корабль? – говорю. – С ума ты, Александр, двинулся от расстроенных нервов, что ли?» Тут он собрался с мыслями, протянул мне то, что принёс, а это выездные паспорта на меня и на тебя. «Видел, – говорит, – я вчера Француза в Петербурге, он просил выправить и сюда занести. И тебе, Иван, тоже бежать надо, коли жизнь дорога!» «Никуда я не побегу, – отвечаю, – ни на какой корабль. Это моя Россия, здесь моя жизнь и моя смерть, если потребуется. Пушкину отдам паспорт, коли объявится». Но ты не появился, а вечером за мной действительно пришли и отвели в крепость. Бумаги изъяли при обыске и, видимо, решили, что ты тоже во всём этом деле замешан был.

Александр вскочил, кровь бросилась в лицо. Он хотел бы-

ло что-то сказать, но махнул рукой и налил вина себе и Пушкину. Друзья выпили. Иван поставил бокал на стол и сказал:

– Знаешь...

Пушкин вскинул брови.

– Незадолго перед восстанием мы вот так же сидели с Кюхельбекером в гостиной... – Пущин помолчал, собираясь с мыслями. – Мы тогда обсуждали тех, кто готов принять участие в этом предприятии. И я – прости! – в волнении он прижал руки к груди, – я пожалел, что рассказал тебе.

Александр нахмурился.

– А Кюхля... – начал было он.

– А Вильгельм понадеялся, что ты не приедешь, – закончил Иван. – И потом он был рад, что из братьев Пушкиных ты оказался самым благоразумным.

– Да у Лёвки просто дурь разыгралась, – отмахнулся Александр. – Все пошли – и он пошёл. К счастью, обошлось.

– Да, но... – Пущин встал и заходил по комнате. Пройдя туда-сюда вдоль книжного шкафа, он повернулся к Пушкину и спросил: – Да ты хоть понимаешь, что мог остаться в России?

– И не получить всего этого? – ответил тот вопросом на вопрос, очерчивая рукой вокруг себя. Иван ждал продолжения. – Да ни за что! Я, знаешь ли, счастлив здесь. А там... Бог знает, как бы оно повернулось.

За окном прогрехотал июльский гром, и первые капли животворного дождя тяжело застучали по карнизу.

2019-2024 z.z.